СЕВЕРНАЯ ЛИРА НА 1827 ГОД

СЕВЕРНАЯ ЛИРА НА 1827 ГОД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

СЕВЕРНАЯ ЛИРА НА 1827 ГОД

Издание подготовили
Т. М. ГОЛЬЦ и А. Л. ГРИШУНИН

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1984

Ответственный редактор

А. Л. ГРИШУНИН

С $\frac{4702010000-231}{042(02)-84}$ без объявления

С незапамятных веков,
Под таинственным покровом,
За холмами облаков,
В небе светло-бирюзовом,
В недостижной вышине
Дремлет Лира в тишине.

Лишь порою Гений юный
Прилетая тайно к ней,
Ударяет в спящи струны;
Пробужденные — оне,
Вспоминая об Орфее [1],
Сеют звуки в эмпирее.

Их наслушавшись, Зефир
Ловит по зыбям эфира
И приносит в дольний мир...
Смолкнет Лира, но у мира,
Но у избранных он жив —
Струн пленительный отзы́в.

*

Чаще, чаще, добрый Гений,
К горней Лире прилетай;
Чаще с струн ее свевай
Нам отраду песнопений,
Как свевал ее Орфей
У безжизненных теней.

Печатать позволяется с тем, чтобы по напечатании, до выпуска из Типографии, представлены были в Цензурный Комитет: один экземпляр сей книги для Цензурного Комитета, другой для Департамента Министерства Народного Просвещения, два экземпляра для *Императорской* Публичной библиотеки и один для *Императорской* Академии Наук. Москва, Ноября 1 дня 1826 года. Ординарный Профессор Статский Советник и Кавалер

Алексей Мерзляков [1].

ЯНЫЧАР [1], ИЛИ ЖЕРТВА МЕЖДУУСОБИЯ *

Зарево пожара золотило черные тучи, носившиеся над Царем-градом, и отражаясь в тихих струях Восфора, светлую воду уподобляло огненной лаве; пламя с треском пожирало жилища смиренных граждан, и волнами переливаясь по кровлям, угрожало превратить в пепел гордую столицу Востока. Черный дым, виясь клубами, оседал, расстилался по земле, или вдруг поднимался на воздух и столпами возносился к облакам. Ветер внезапными порывами раздирал черную завесу дыма и облаков, и обнажал луну, которая, как кровавое пятно, светилась на небе, к ужасу суеверных мусульман. Земля стонала от грома истребительных орудий, воздух сотрясался стонами несчастных жертв, воплями неистовых воинов и граждан, с остервенением стремившихся на растерзание друг друга. Шипение ядер, свист картечей и пуль, звон сабель тревожили слух и приводили в содрагание сердца. В сем адском шуме и волнении громко раздавались восклицания: «Смерть янычарам, гибель мятежникам, проклятие злодеям!»

---

* Статья сия родилась в моем воображении при размышлении об истреблении янычар в Константинополе (см. «Север‹ную› пчелу» 1826 года), и вообще о бедствиях, происходящих от пагубных междуусобий. *Соч.*

Гассан, янычар отборной орты [2], воин, поседелый в бранях, в это время был ранен пулею на Эшмайдане [3], где он с товарищами своими сражался противу ненавистных им сейменов [2*]. Гассан, быв свидетелем истребления своей орты, спасался бегством по уединенной улице, влача за собою юную дочь свою Зулему, которая, подобно голубице, изгнанной пламенем из тихого гнезда, с трепетом следовала за отцом своим. «О дочь моя! — сказал Гассан,— силы оставляют меня, я истекаю кровью. Что будет с тобою, сиротою несчастною?» — «Что богу угодно»,— отвечала со вздохом Зулема, сорвала с себя покрывало (в первый раз вне гарема) и крепко перевязала раненую руку отца своего.

«Вот дом моллы [4], старого моего друга,— сказал янычар.— Слуга Магомета не откажет в помощи верному его поклоннику и своему другу». Гассан постучался у дверей.— «Кто там?» — спросил голос за дверью. Гассан узнал голос моллы и отвечал: «Несчастный, просящий пристанища».— «Дом мой — дом несчастных,— сказал молла,— но в грозное время двери его отворяются только для людей, известных хозяину. Кто ты таков?» — «Друг твой Гассан».— «Не хочу знать твоего имени! — сказал молла,— отвечай: янычар ли ты или мусульманин?» [3*] — «И то и другое».— «Неправда: янычары преданы проклятию Фетфою Муфтия [5] и властию Халифа Правоверных,— ска-

---

[2*] Так называются воины, обучаемые европейской тактике.

[3*] Читатели вспомнят, что во время истребления янычар надлежало отрекаться от сего звания и для спасения жизни называться мусульманином. *Соч.*

зал молла; — они объявлены врагами исламизма и осуждены на смерть. Отрекись от звания янычара, и дом мой будет твоим убежищем — или ты найдешь смерть у порога, на котором стоишь теперь.» — «Не отрекусь от звания прославившего Ислам; будь ты сам проклят, вероломный!» — сказал Гассан и удалился. Пуля просвистела над головою Зулемы и пробила чалму янычара. «Боже, умилосердись над нами!» — воскликнула устрашенная Зулема.

Вдруг в боковой улице раздались выстрелы и вопли; Гассан остановился за углом дома и увидел толпу разъяренного народа, которая преследовала небольшой отряд спасшихся с побоища янычар, догнала их, одолела и насыщала лютость свою терзаниями несчастных. Рассекая на куски живых янычар, неистовая чернь дралась между собою за отторженные члены, как за богатую добычу, и ругаясь несчастию и слабости, радостными восклицаниями заглушала стоны, исторгаемые болью и отчаянием. Зулема отвратила взоры от сего омерзительного зрелища. Между тем чернь не удовольствовалась мучениями одних побежденных воинов; поблизости находился дом богатого купца, и чернь зажгла его под предлогом, что хозяин был другом янычар, а в самом деле для грабительства. Пламя осветило темную улицу, где скрывался Гассан с дочерью, и они хотели удалиться. Бросив последний взор на сию картину ужаса, Зулема вдруг затрепетала. «Отец мой! — сказала она слабым голосом,— посмотри: мертвая голова на пике; как страшно она светится перед пламенем; глаза открыты, рот отворен; на бледных щеках кровь! о боже! не он ли это!..» — «Это он,— сказал Гассан с глубоким вздохом,— это

Алли, твой жених: судьба обвенчала его со смертию». Зулема упала без чувств на землю.

Гассан завернул дочь свою в свой красный янычарский плащ, взвалил одною рукою на плечи драгоценную ношу и спешил удалиться.— «Казнь янычарам, гибель мятежникам!» — раздавалось позади его, и он побрел в противоположную сторону, думая не о себе, но о несчастной своей сироте.

Калитка была отворена в саду Магмуда, богатого купца, которому Гассан оказал однажды большую услугу в народном смятении и сохранил в своем жилище значительную часть его имущества. «Здесь я найду пристанище,— подумал янычар — закон Ислама и человечество внушают благодарность». Он вошел в сад, положил дочь свою под розовым кустом, почерпнул воды из ближнего водомета и привел несчастную в чувства. Она открыла глаза для слез, уста для рыданий.— «Плачь, дочь моя! — сказал янычар — уже для тебя не взойдет солнце радости, и счастие отца твоего померкло навеки с именем янычар». Гассан надел на себя плащ и, оставив дочь на месте, пошел к окну, где виден был свет.

Магмуд с двумя своими сынами вооружался, заряжал ружья и пистолеты. Гассан постучался в окно; Магмуд отворил его и, увидев янычара, отступил от ужаса.— «Спаси меня с дочерью и укрой в своем доме; воздай добром за добро, и бог наградит тебя».— «Чего ты от меня требуешь, несчастный?» — сказал Магмуд с трепетом; ужели хочешь погибели всего моего рода и племени? Месть Пророка обрекла всех янычар на погибель; Санджак-Шериф [6] развевается противу вас и призывает к оружию всех правоверных: кто верен

богу и Исламу, тот обязан сражаться под священною хоругвиею. Казнь объявлена всем, кто укроет янычара. Но я помню твою услугу, Гассан. Возьми это золото, сбрось с себя красный плащ — некогда знак отличия, а теперь печать отвержения. Надень одежду еврея, которая случайно хранится у меня в доме, и спасайся».— «Как ты мог подумать, Магмуд,— отвечал Гассан с гневом,— чтоб янычар покрылся стыдом и позором, облекаясь в одежду еврея? тысячи смертей не заставят меня даже прикоснуться к ней! Мы восстали на защиту Ислама и погибнем, если должно, верными нашему обету. Пусть янычарский плащ прикроет труп мой — но я не сброшу его ни от угроз, ни от лести. О если б не дочь моя и не моя рана!.. Золота твоего мне не нужно, Магмуд, береги его для Райев [7], для неверных. Янычары гибнут — а малодушные Сеймены и предатели топчи [8] не защитят вас; прости!»

«Пойдем, дочь моя,— сказал Гассан, поднимая Зулему, почти лишенную сил от горести и ужаса,— пойдем к морю. Может быть нам удастся переехать на тот берег. Там живут франки [9]: они страшились янычар, но не боятся ни Санджак-Шерифа, ни Фетфы; они человеколюбивы, спасут тебя и укроют слабый цвет от свирепой бури. От мусульман нам ожидать нечего: вера их утонула в крови янычар; чувство человечества заглушено изуверною Фетфою Муфтия!» — Изнемогая от раны и сам имея нужду в помощи, Гассан поддерживал дочь свою, когда, пробираясь между грудами трупов, ноги ее скользили по запекшейся крови. Из числа несчастных жертв междуусобия, разбросанных по улицам, некоторые еще не испустили последнего дыхания и изъявляли признаки жизни су-

дорожными движениями и глухими стонами: они отражались в сердце Зулемы и терзали его; сердце Гассана окаменело для всех внешних впечатлений; он хладнокровно попирал обезображенные тела своих собратий и думал только об уничтожении славного имени янычар. Одна эта мысль воспламеняла его хладевшую душу.

Наконец Гассан достигнул морского берега. При блеске зарева пожара он видит лодки, мелькающие, как за темным покрывалом, в дыме и тумане. Одна из них приближается к берегу, и ему кажется, что он видит в ней двух янычар. Гассан взбирается на крутой камень и помогает дочери взлезть туда же. Они вперяют жадные взоры в туман... так, это янычары! «Дочь моя, мы спасены!» — восклицает Гассан. Но вдруг толпа топчиев с горящими факелами устремляется на берег. Они из угла другой улицы увидели Гассана.— «Красный плащ, красный плащ! — восклицают из толпы,— смерть янычарам!» — Уже толпа приближается, но лодка еще далеко от берега. Двадцать ружей устремлены на Гассана и на его несчастную дочь. «Кто ты, янычар или мусульманин?» — спрашивает его начальник отряда — и Гассан узнает голос отца своей покойной жены, матери Зулемы. «Никогда не отрекусь ни от звания, ни от имени! — сказал Гассан громким голосом — я Гассан, янычар, отец твоей внуки, отступный Мустафа!» — «Несчастный! что ты произнес! — воскликнул Мустафа горестно.— Янычары прокляты; будь мусульманином, возобнови исповедание Ислама, и проси прощения — или...» — «Никогда! — возразил Гассан в исступлении; — я жил и умру янычаром, верным мусульманином, защитником Корана».—

«Казнь мятежникам!» — закричали в толпе; выстрелы раздались, и несчастная Зулема упала с камня, пронзенная в сердце пулею. Мусгафа бросил свое ружье и закрыл глаза руками, чтоб не видеть сего ужасного зрелища. Топчи устремились на Гассана: но он бросил последний взгляд на мертвую дочь, простер руки к небу, кинулся в волны морские и исчез в бездне. Красный плащ всплыл наверх и понесся в открытое море.

Ф. Булгарин.

ОДЕССКИМ ДРУЗЬЯМ
(*Из деревни*)

В тиши семейственной, под милою мне сенью,
Предавшись сладкому Поэзии влеченью,
Я сердцем памятным средь неги, не забыл
Полуденных друзей, полуденных светил.
С отрадой мысль моя в тот край перелетает,
Где небо, как любовь, приветливо сияет;
Где вьется виноград, питомец южных стран;
Где ум и взор и слух пленяет океан,
Неумолкающий, необозримый, чудный,
То ясно-голубой, то ярко-изумрудный;
Где служба Царская и служба *добрых* Муз
Единомыслием скрепили наш союз.
Но я ль, мои друзья, к противуречьям склонный,
Венчанный розами в отчизне благосклонной,
Вас ныне обману притворною тоской?..
Нет! весел сердцем я и весел голос мой.
Завидуйте певца благословенной доле:
Я мыслю и ленюсь и странствую по воле.
Ярмом мирских сует стесненная душа,
Очнулась, ожила, свободою дыша,
И вдохновение в ней гордо пробудилось;
Пред ней грядущее вновь блеском озарилось;
И обозрев, кляня мой прежний, темный путь,
Я силу чувствую на славу посягнуть.
Склониться сладостно к утехам деревенским
Тому, кто не пристав к *несносным* сплетням женским,
К условиям невежд, к служению льстецов,
Ценит по-своему блаженство городов,

И друг Природы, друг святых ее уставов,
В душе не ослеплен блестящим прахом нравов.
Здесь тишины моей ничто не возмутит.
Не завернет ко мне бродяга-Езуит [1],
Народа русского служитель чужеземной,
Россию осквернять хвалой своей наемной;
Напева нового моих горящих струн
Приходом не прервет городовой болтун,
Как с башни колокол гласящий всенародно,
Где свадьба, где пожар, где праздник благородной.
Я здесь не осужден в кругу жеманных дам
Учтиво потакать бессмысленным речам
Иль слушать набожно премудрые их толки,
Где вместе: вера, бог, булавки и иголки...
Я вижу вкруг себя лишь милых мне людей.
Ты здесь мой лучший друг от юношеских дней,
Усердный гражданин, философ доброхотной,
Поклонник радости и неги беззаботной,
Сестра любимая! [2] очам моим всегда
Ты здесь являешься как тихая звезда,
И чистотой души мне небо открываешь.
И ты, моя любовь, и ты здесь обитаешь!
Отрада первая моих сердечных дум,
Ты свежестью ума живишь мой праздный ум
И, как весна мила, блистательна как радость,
Усталых чувств моих восстановляешь младость.
О сколько в сей тиши утех прекрасных мне!
Светило ль дня горит на яркой вышине
И, воздух раскалив, во мрак дубрав сплетенных
Прогонит пастухов, от зноя утомленных;
Иль летних вечеров полупрозрачный свет
Из хижин вызовет для песен и бесед
Толпы веселых дев — мы вместе; сном отрадным

Летит наш ясный день. То внемлем ухом жадным
Свободной старины заветную скрижаль,
То, сердцем погрузясь в мечтательную даль,
В роскошном трепете и радости и муки
Мы ловим Пушкина пленительные звуки.
Порой лукавый смех, добросердечный спор
Лениво-прерванный пробудят разговор,
И быстро бросится душа к предметам новым.
Когда ж под сумраком всплывая пурпуровым,
Прохладой, тайнами ночей напоена,
На темный небосклон подымется луна
И землю усыпит волшебным усыпленьем:
К ней очи устремив с невольным умиленьем,
В мечтах блуждаем мы над озером своим;
Глядим на бездну вод, на облака глядим,
И, мнится, в облаках мелькают перед нами
Живые образы бесплотными тенями;
И мнится: небеса, дубравы и струи,—
Все полно голоса, и ласки, и любви,
Как будто бы душа духовной лире внемлет
И в откровениях чудесный мир объемлет.
О други! чья приязнь, чьи теплые мольбы
Мне столько милых благ исторгли у судьбы?
Сбылись мои мечты, сбылись мои желанья,
Мой рай вокруг меня; сосуд очарованья
Я пью — и, прослезясь, взываю к небесам:
«Как жертва чистая да вознесется к Вам
В сих радостных слезах певца благодаренье;
Вы ниспослали мне и мир и наслажденье;
Хвала Вам! но еще дерзаю Вас молить —
Пошлите силу мне Ваш дивный дар хранить».

Ярославец.
Июнь, 1826.

НАЯДА[1]

Есть грот: Наяда там в полдневные часы
Дремоте предает усталые красы,
И часто вижу я, как нимфа молодая
На ложе лиственном покоится нагая,
На руку белую, под говор ключевой,
Склоняяся челом, венчанным осокой.

Е. Баратынский.

СОЛОВЬЮ

Распевай, распевай, соловей,
Под наклонами сирени!
В час досуга с ложа лени
Сладко к песни роскошной твоей
Мне прислушиваться.

Распевай, распевай, соловей!
Ты судьбой своей доволен,
Ты и весел, ты и волен,
И гармония песни твоей
Льется радостию.

Распевай, распевай, соловей,
Под наклонами сирени!
Пробуди меня от лени
И любовь к песнопенью навей
На разнеженного.

Вдалеке от друзей и от ней,
От Алины вечно милой,
Не до песней мне уж было...
Пробуди же меня, соловей,
От бездейственности!

Распевай, распевай, соловей,
Под наклонами сирени
И восторги песнопений
Перелей в меня трелью твоей
Рассыпающейся.

Р...

НАМА [1]

Уаль нашру мискун [2]

Уст ее дыханье —
Мускус благовонный,
А ланиты — розы;
Зубы — млечны перлы,
Стан — лозы стройнее;
Бедра округленны —
Холмики песочны;
Локоны густые —
Мрак осенней ночи,
А лицо сияет
Словно полный месяц.

(С арабского.)
Делибюрадер.

ПЕСНЬ РАДОСТИ
(Из Шиллера)

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!
— Все, что делит прихоть Света,
Твой алтарь сближает вновь;
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Хор

В круг единый, божьи чада!
Ваш отец глядит на вас!
Свят Его призывный глас,
И верна Его награда!

Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли —
В милом взоре черпал радость,—
Радость нашу раздели:
Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить,— из круга
Прочь, с слезами отойди!..

Хор

Душ родство! о луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает *Неизвестный*!

У грудей благой природы
Всё, что дышит, Радость пьет!
Все созданья, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье —
Гроздий сок, венки харит [1],—
Насекомым — сладострастье —
Ангел — богу предстоит.

Хор

Что, Сердца, благовестите?
Иль Творец сказался вам?
Здесь лишь тени — Солнце там,—
Выше звезд Его ищите!..

Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы — Хаос развила
И в пространствах,— звездочету
Неподвластных,— разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем —
Бодро, как герой к победам.

— В ярком истины зерцале
Образ *Твой* очам блестит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.
Ты, как облак прохлажденья,

Нам предходишь средь трудов;
Светишь утром возрожденья,
Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей Девнице! —
Наши скорби, слезы, вздох,
В ней хранятся, как залог, —
И искупятся сторицей!

Кто постигнет Провиденье?
Кто явит стези Его?
В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет Божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести — купим друга,
Пурпур — вретища [2] ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит *бог*, как *мы* судили!..

Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живит!
— В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней; —
Други, братья, — на колена!
Всеблагому кубок сей!..

Хор

Ты, Чья мысль духов родила,
Ты, Чей взор миры зажег!
Пьем Тебе, Великий бог!
Жизнь миров и душ светило!

Слабым — братскую услугу,
Добрым — братскую любовь,
Верность клятв — врагу и другу,
Долгу в дань — всю сердца кровь!
Гражданина голос смелой
На совет к земным богам;
Торжествуй, Святое Дело,—
Вечный стыд Его врагам.

Хор

Нашу длань к Твоей, Отец,
Простираем в бесконечность!
Нашим клятвам даруй вечность,
Наши клятвы — гимн сердец!

Ф. Тютчев.

Минхен. 1823.
Февраль.

ПОСЕЩЕНИЕ
Восточная повесть

Исаак, сын Ибрагима из Моссула, рассказывал:

В один зимний вечер случилось мне остаться одному дома; погода была ужасная, облака громоздились над облаками, дождь лился ливнем, и улицы Багдада сделались почти непроходимыми от луж и грязи. Мне никаким образом не возможно было выйти из дома, чтоб посетить друзей моих, почему и сам должен был я опасаться, что никто из них не отважится навестить меня. Чтоб убить время по возможности веселее, приказал я невольнику изготовить ужин.

Я все однако ж ожидал, авось-либо случай приведет ко мне товарища, и в этом ожидании пристально смотрел на темную улицу, в которой гудел ветер и крупный дождь падал беспрерывно. Тогда была у меня связь с невольницею одного из сыновей Магади, превосходною певицею и отличнейшей мастерицею играть на флейте. Теперь-то в особенности обратились к ней все мои желания, и я, бог знает, чего бы не дал, чтоб только иметь ее при себе. Ночь была длинна и ненастна; — диким и скучным казалось мне одиночество. В сию минуту кто-то постучался в двери и раздался голос: отвори!

А, подумал я, может быть это моя возлюбленная, — и запел:

О, кто стукнул в дверь, кто кликнул?
Не она ль идет?

Даст ли ныне куст желаний
Свой бесценный плод?

Я пошел к дверям, отворил их и, вообразите! это была моя любезная, покрытая зеленою мантиею с парчевым покрывалом на голове для предохранения себя от ненастья; но впрочем от ног до головы грязная, как лошак, и вся насквозь промоченная дождем.

Милая моя повелительница, — сказал я ей, — что побудило тебя прийти сюда в такое время? — «Твой посланный, — отвечала она, — который мне твое нетерпеливое и сильное желание изобразил столь пламенными красками, что я не могла отказаться от исполнения твоей просьбы и решилась немедленно навестить тебя». Это весьма меня удивило, ибо я никого не посылал, но не желая ей о том сказывать, отвечал: слава богу, что все это так случилось; если бы ты еще несколько помедлила, то я наверное послал бы за тобою в другой раз, — слишком велико было желание мое сего дня тебя видеть. Она приказала невольнику моему согреть воды; когда вода была готова, я велел ему лить оную ей на ноги, и сам начал мыть их. Потом приказал принести лучшие платья, переодел ее и велел подать ужин. Она потребовала вина, и я подал ей бокал. — Кто ж будет петь? — спросила она. — Я, моя милая повелительница! — Нет, — прервала она. — Ну, так один из моих невольников. — Этого я также не хочу. — Ну, так ты сама. — Ни за что. — Так кто же? — Поди на улицу и сыщи кого-нибудь, кто бы для нас спел. — Но, милый друг, в такую погоду! — Иди, — сказала она, — и приведи кого-нибудь. — Я слишком хорошо знал нрав ее и совершенно был уверен, что если не захочу повиноват-

ся, то должен буду отказать себе в удовольствии на целый вечер, а потому и пошел, не имея и малейшей надежды встретить желаемого человека.

Лишь только дошел я до перекрестка, как увидел слепого, который своею палкою ощупывал вокруг себя дорогу и говорил сам себе: «Боже правосудный, умилосердись надо мною в такую погоду! Пою ли я, меня никто не слушает; прошу ли милостыни; ничего не дают мне!» — Как,— спросил я,— ты певец? — Да,— отвечал он, — к твоим услугам. — Не можешь ли ты эту ночь провести у меня? — Охотно, если ты этого желаешь, только поведи меня за руку. — Я взял его за руку, привел в свой дом и сказал своей любезной: погляди-ка! чудесная находка: певец, да притом еще слепой, чего желать лучше; он нимало не может стеснить нас.— Пусть он взойдет,— отвечала она. Я ввел его в комнату и посадил за стол. Он ел весьма исправно, омыл руки и выпил три стакана вина. Потом спросил, кто я таков? — Исаак, сын Ибрагима из Моссула,— отвечал я.— Давно,— сказал гость мой,— знаю я тебя по славе твоего музыкального таланта и сердечно рад, что нахожусь в твоем сообществе; сделай однако же мне одолжение, спой первый. — Я взял лютню и запел одну из лучших моих песен. Когда я окончил, слепой сказал: эх, эх, Ибрагим, я до сих пор думал, что ты мастер в пеньи; но теперь вижу, что я очень на этот счет ошибался. — При сих словах от удивления выронил я из своих рук лютню.

Нет ли у тебя кого, кто бы лучше пел? — спросил он потом. — Не знаю, разве только одна невольница, которая находится здесь в доме. — Моя любезная поняла знак и запела.— Все это никуда не годится,— прервал ее слепой, и она с досадою далеко бросила

от себя лютню, так, что сия разбилась вся вдребезги об пол.— Пусть теперь споет для нас сам чужестранец,— сказала она, и я велел принести новую лютню. Он настроил ее и прелюдировал совершенно новым, дотоле мною неслыханным образом, потом запел следующие стихи:

Темнеет ночь, ужасно ветер воет;
Где медлишь ты, отрада бытия?
Кто стукнул в дверь,— зачем так сердце ноет?
Когда б она, бесценная моя!

В большом удивлении взглянул я на мою любезную и начал упрекать ей, зачем она открыла слепому то, что между ею и мною должно было оставаться в тайне. Она оправдывалась и стала ко мне еще нежнее ласкаться. Я поцеловал ее руку, прижал ее к груди моей и, обвив ее руками,— пой! — закричал я слепому. Он взял лютню и запел:

Сбылися пылкие желанья;
Ты наступил, блаженный миг!
Весь пламень страстного лобзанья
Я пью в объятиях твоих,
Томлюсь, и млѐю, и сгораю,
Ловлю улыбку, каждый взгляд,
И, упоенный, исчезаю
В восторгах неги и отрад.

Но почему он знает все, что мы ни делаем? — спросил я, еще более удивленный, у моей подруги: — может быть он вымышленный слепец; если так, то я полагаю, нам гораздо лучше от него избавиться. Мальчик,— вскричал я,— принеси огня, нам хочется хорошенько рассмотреть этого слепого! — Тогда слепой

встал и пошел к дверям. Я бросился за ним, чтоб запереть двери и не допустить его выйти; но уже не нашел его. Дверь была заперта, и ключ у меня. Не знаю, провалился ли гость мой сквозь землю или исчез в воздухе. Тогда ясно увидел я, что это долженствовал быть злой дух, который посетил меня, вероятно, для того, чтоб доказать истину арабской пословицы: «где женщина с мужчиной одна, там третий всегда сатана».

ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ
(Подражание Шлегелю) [1]

Лебедь

Вся жизнь моя, по влаге протекая,
Скрывается с игривою струей! —
Лишь образ мой, как тень перелетая,
Рисуется на зыби голубой!..

Орел

К жилищу бурь своею властью
На мощных возносясь крылах,
Смеюсь я грозному ненастью!...
Мой дом в туманах и в снегах!...

Лебедь

Прохладную росу глотая жадно,
Безбрежностью стремлюсь упиться я! —
И предаюсь забвению отрадно —
На зеркальной воде, с закатом дня!

Орел

Мой взор отважно вопрошает —
Разит ли гибелью гроза?
Когда в мгновенье зажигает
Она дремучие леса!...

Лебедь

Проникнутый таинственною силой,
Слетел с небес я к Леде [2] молодой!..
И в миг ее блаженство чувств лишило!
Лишь до меня коснулася рукой.

Орел

Ничтожна прелестию Леда —
Не мне пред ней склоняться в прах!
Я нес к Олимпу Ганимеда [3]
В держащих молнию когтях!..

Лебедь

С предчувствием на звезды я взираю!
И волю дав мечтаниям моим,
Я в светлый мир невольно улетаю,
Желанием неведомым томим.

Орел

Я с ранних дней привык без страха
Парить к безоблачным странам!
Я презираю узы праха!..
Я близок силою к богам!..

Лебедь

Пройдя свой век спокойно, незаметно,
Я при конце печали слез не лью!..
Встречаю смерть с улыбкою приветной —
И звучно песнь прощальную пою!..

Орел

Я мчусь в селение святое,
Когда слабеет жизнь моя!...
И гордо разорвав земное —
Как феникс возрождаюсь я!...

Ротчев.

SHE WALKS IN BEAUTY
(*Еврейская мелодия лорда Байрона*)

Она идет, сияя красотою,
Как звездна ночь в безоблачных краях;
Чем свет и тень пленяют нас собою,
Слилося то в лице ее, в очах —
В тот тихий свет, с той томностью живою,
Которых нет в блестящих дня лучах.

Придайте луч, одну лишь тень сильнее —
Волшебная затмится красота
И в локонах крыл ворона чернее,
И на лице, где каждая черта,
Весь блеск души передает живее,
Где помыслов яснеет чистота.

Величествен, спокоен лик прелестной,
Живым огнем пылает цвет ланит,
Улыбка уст,— след радости небесной,—
О бывших днях блаженства говорит.
Ее душе боренье неизвестно,
Чистейший огнь в груди ее горит.

Ознобишин.

ДВЕ ЧАШИ

Две чаши, други, нам дано:
Из них-то жизни Гений
Нам льет кипящее вино
Скорбей и наслаждений.
Но из одной мне пить, друзья,
Ни разу не случалось,
И в каждом чувстве бытия
С весельем грусть сливалась.

Подаст ли Рок сосуд забот:
Слетает в миг украдкой
Надежда и в него вольет
Вино отрады сладкой.
Упился ль счастьем в жизни я
И душу переполнил:
Но ах! миг райский бытия
О вечном ей напомнил.

И в мой сосуд отраву льет
Томящее желанье,
И пламень жажды душу жжет,
И ожило страданье,
Горит душа, огнем полна,
Бессмертной в мире тесно,
И стонет сирая она
По родине небесной.

Шевырев.

ВОЗЗВАНИЕ К ДНЕПРУ

Днепр, воинственный Днепр! — России Тибр величавый!
Воем седых валов на брань зовущий утесы!
Подвигов дивных река, река далеких столетий!
Кто твои годы сочтет? — кто вспоминания вспомнит? —
Мрак проницая времен деяний отблеском светлым,
Диких славян племена по тебе издавна скитались! —
Ты на бесплодных скалах их древние грады взлелеял,—
Мрачный Смоленск тебя посылает к дальнему югу,
Любеч [1] отцвел на твоих берегах, и Киев надменный,
Став на твердых скалах, смирил кичливы народы!
Царь одиноких степей, безмолвный браней свидетель,
Сколько вражьей крови слилось с твоими волнами?
Сколько раз на тебе шатры половецки белелись,—
Печенегов толпы в твоих гнездились утесах,—
Венгров яркая сталь отражалась в бегущем потоке,
Крымцы, поляки, Литва коней поили струями!..
Стук мечей, и треск щитов, и жужжание копий,
Браней гул, и клик побед, и томные стоны,
Смерти последний вздох — тебе знакомые звуки! —
Завывая в скалах, им вторят шумные волны!..
Сколько раз неслись по тебе окрыленные смертью
В Византию суда — и возвращались с победой —
Рюрика сын [2]!.. Оскольд [3]!.. Святослав [4]!.. Олег победитель [5]!..
О, как сладки душе имен сих звуки родные —

В ропоте каждой волны отголосок славы их слышен...
Днепр, о Днепр! краса, защита, слава России,
В шумных, крутых берегах реви сердитой волною,
Полным током теки по беспредельным равнинам;
Но не перетекай, о Днепр, величья отчизны! —

М—в.

УТРО ДЕВЯТОГО МАЯ

— К другу в день его рождения —

Полупроснувшуюся лень
Уже тревожит ранний день,
Прокрадываясь в ставни;
Уж слышен в роще соловей
И с прозирающих очей
Слетает сон недавний.
Откуда негой понесло?..
Раскрылось душное стекло,
Пью тонкий воздух рая,
Пью свежесть молодого дня...
Гляди с улыбкой на меня,
О сын счастливый Мая!
Проснулся ль именинник мой?
Иль на постели пуховой
Он нежится в покое?..
Один... а с ним я говорю,
Один... а будто с ним смотрю
На утро золотое.
Без друга пуст веселый свет,
И без него мне цели нет
В окрестности угрюмой.
О, насладись, мой друг, весной!
Ты далеко... но я с тобой [1]
Обманчивою думой.
Взгляни на солнечный восход,
Как празднует твой новый год
Свет радужного феба!

Так юности твоей весна
И безмятежна, и ясна,
Как утреннее небо.
Ах, славы не желай земной!
Люби родной приют; судьбой
Доволен будь как ныне,
И пусть течет вся жизнь твоя
Как влага светлая ручья
По счастливой долине!

Но что земного счастья дни?
Блеск молнии сквозь бури черной!
Кто понял красоту любви,
Тот только счастлив непритворно!
Дней нечувствительный поток
Уносит быстро наслажденье;
Мы проживем одно мгновенье:
Но что бессмертия залог?
Любовь гармонии всемирной.
Цель сладостная существа,
Любовь, души огонь эфирной,
Похищенный у Божества.

Парить умом, стеснять безумные желанья:
Вот тайна, скрытая от суетной толпы!
Коль ищешь тайны сей, покорный сын судьбы,
Мой друг, доверь себя Отцу миросозданья!
В далеких замыслах ты счастья не лови:
Оно в душе твоей, и в дружбе, и в любви;
Пусть заключит его твое родное поле.
Но ум твой пусть, как дух, непокоренный воле,
Вселенной обнимает круг!
Счастлив, кто озарен светильником наук!

Но в мудрости земной — ночь вечная сомнений!
Коль жаждешь истины, коль света ищешь ты,
Брось суемудрие бесплодных умозрений!
В невинности сердечной простоты
Будь гордости земной свидетель.
Смиренью одному доступно Божество;
Начало мудрости есть добродетель!

О дружба нежная! ты знаешь, за кого
Желал бы я теперь услышан быть пред богом!
О Провидение! будь мне его залогом!
Ты знаешь, рано ли гонимый я терпел?
Ты знаешь, смел ли я роптать на свой удел?
И в гневе чувствовал твою святую нежность!
Боготворя твоей десницы неизбежность,
Желаний суетных к тебе не воссылал:
Творец! дай все ему — вот все, что я желал!
Но пусть не ищет он величия и власти!
Желанья скромные, Творец, ему внуши!
О, пощадите вы, убийственные страсти,
Всю красоту его младенческой души!
Чтоб друг мой, доблестью достойный сын отчизны,
Исполнить мог святой отечества завет,
И чистой совестью путеводимый в жизни
Пусть без раскаяний достигнет поздних лет!
И твердый в бедствиях и в счастии смиренный,
Творец! пусть помнит он, что жизнь за гробом есть:
Вся жизнь наземная пред нею сон мгновенный:
Ах! если и должна судьба его возвесть
Для испытания на степень скользкой славы;
Пусть не обманется он сладостью отравы
И в шуме тщетностей мир сердца сохранит!
Но если, громкою молвою позабыт,

От бурь укроется в безвестности счастливой;
Пусть будет он отцом семьи миролюбивой;
Чтобы за трапезу в кругу счастливых сел.
Он друга верного в дни юности имел.
О, пусть опять его найдет в подруге нежной!
Двум слаще радости и грусть двоим сладка!
О Провидение! пусть дней его река
Спокойно катится в долине безмятежной.
Но если жизнь его и возмутит гроза?..
Пройдет! — и ясная опять как небеса
Сольется с жизнию безбрежной.—

Александр Норов.

1825. Надежино.

ПЕТРАРКА И ЛОМОНОСОВ

Ломоносов в литературе русской был то же, или почти то же, что Петрарка в литературе италианской. Для многих это сравнение покажется странным; но, сличив труды и внутренние побуждения того и другого, мы найдем между ними разительное сходство.

Для Петрарки идеалом высшей любви была Лаура [1]; для Ломоносова идеалом высшего уважения был *Петр* и *Елисавета*. Один славил предмет чистейшей любви своей и ею обессмертил свою лиру; другой пел предметы высочайшего своего уважения, и песнями во славу их снискал бессмертную себе славу. Это еще не все: первый славу и, следовательно, пользу своего отечества предпочитал собственной славе и личной пользе; не то же ли делал и другой?

Перечтите подвиги на поприще словесности и просвещения вообще обоих, и вы удивитесь исполинской их деятельности.— Певец Лауры для большей части из нас известен своими стихотворениями и стихотворениями италианскими; сам он основывал славу свою на латинской поэме «Сципион Африканский» [2]; первые почти всеми читаются, вторая почти всеми забыта, а о том, на чем действительно основана его слава, мы почти и не думаем: Европа обязана ему сохранением и очищением многих писателей Рима; он первый отыскал, сам переписал и выдал Цицероновы Письма [3]; он первый неутомимо из полной руки сеял между соотечественниками семена просвещения, выискивал молодых людей, вводил их в сферу познаний,

сам поддерживал, руководствовал их, как наставник, как друг; он создал, так сказать, Боккачио[4]; сам уже под старость учился, и молодого друга своего заставил учиться по-гречески. Вот два человека, которые сотворили италианскую поэзию и прозу и положили твердое основание отечественной литературе.

Ломоносов знаком нам, как поэт, как оратор: но мы не ценим, или мало ценим занятия его по другим отраслям просвещения, и, может быть, еще менее ценим внутренние его благороднейшие побуждения. Любя страстно славу отечества, он хотел вдруг передать ему все знания. В этом отношении Цетрарка был счастливее; его *многие*, нашего Гуманиста очень *не многие* понимали. Воклюзский лебедь[5] пел, и дети Юга, нежные, чувствительные италианцы, каждый звук его ловили жадным слухом; но Лебедь Двины пел — для детей Севера холодных, нечувствительных — к прелестям гармонии. Простите мне этот упрек, любезные соотечественники; он вырвался в пылу негодования.

Певец Лауры еще при жизни пользовался всеобщим уважением. Всякое стихотворное произведение, всякое письмо — а письма писал он на латинском языке,— расходились, читались, затверживались от одного конца Италии до другого. Чтобы видеть Тита Ливия[6],— один старец из Испании пешком пришел в Рим; чтобы слышать Петрарку,— такой же старец, и к тому же слепой, пришел из Понтремоли в Неаполь; не нашедши там, кого искал,— отправился в Рим, где недавно предмет его искания принимал Капитолийский венец[7], из Рима в Парму.

Скажу более: все важные переговоры италиапских дворов с Императором, с Папою, с республиками вве-

ряемы были Петрарке, и посредничество его уважалось более, нежели посредничество в нынешнее время какого-нибудь уполномоченного посланника великой державы. Счастливые времена, когда ум, просвещение и таланты ценятся выше породы и всех титулов!

Певец *Елисаветы*[8] в жизни шел по терновому пути.— *Императрица,* Шувалов[9], граф Воронцов[10] — вот и все, или почти все его почитатели... А сколько врагов, и светских и не светских!..

Петрарка создал Боккачио; Ломоносов — никого. Этому нечего дивиться; мы, жители Севера, холодны ко всему прекрасному. К тому же в конце царствования Елисаветы в России начал водворяться французский язык, и мы беспрекословно, раболепно — покорились французской литературе. Ломоносов один остался верным истинно изящному в творениях древних и италианцев...

Долго не понимал я, отчего у нашего Холмогорца такая свежесть, такая сладость в стихах, не говорю уже о силе, которою, без сомнения, обязан он древним; но перечитавши все написанное им, я нашел, что он умел, и счастливо умел перенести в свои творения много — очень много италианского, и даже некоторые так называемые concetti[11], например:

Коликой славой днесь блистает
Сей град в прибытии твоем!
Он всех веселий не вмещает
В пространном здании своем;
Но воздух наполняет плеском
И нощи тьму отъемлет блеском.
Ах! если б ныне россов всех

К тебе горяща мысль открылась;
То б мрачна ночь от сих утех
На вечный день переменилась.

Похвальная ода 3.

Еще одно сравнение. Петрарка остался представителем италианской литературы XIV века; Ломоносов считается представителем литературы русской века *Елисаветы*; Петрарка более века, то есть до кардинала Бембо [12] не имел подражателей; Ломоносов также, кажется, ждет своего Бембо; у нас, говоря со всею точностию, еще никто ему не подражал. Мне укажут на Державина, на Петрова; но их оды — не подражание одам Ломоносова; совсем другой тон, другой полет. Я уважаю Петрова и удивляюсь Державину, но пред Ломоносовым — благоговею; благоговею пред Петраркою, и благоговею не по одному таланту его пиитическому, не по одним подвигам на поприще просвещения, но и по характеру, всегда откровенному, всегда благородно-гордому.

Однажды Роберт, король неаполитанский [13], спросил у Петрарки, почему он, бывши в Париже, не хотел представиться королю Филиппу Валуа [14]. «Потому,— отвечал Петрарка,— потому, что я не хотел быть в тягость государю, который и сам неучен и ученых не любит, который на учителей своего сына смотрит как на врагов». Роберт, выслушав этот благородный ответ, задумался, наморщился, потом, приподняв прояснившееся чело: «Таковы,— сказал,— люди! так различны их мысли и чувствования! что касается до меня,— продолжал он,— клянусь небом, науки для меня милее, дороже самого трона, и если б мне надле-

жало расстаться с тем или другим, поверьте, я бы охотнее отказался от трона, нежели от наук». «Вот изречение истинно философское,— восклицает Петрарка в своих *достопамятностях* [15],— о, как глубоко врезалось оно в сердце моем!»

Не знаю, как бы в подобном случае отвечал Ломоносов, но я уверен, что он не унизил бы своего характера, всегда откровенного, всегда благородно-гордого.

Р.

СОЗДАНИЕ КРАСАВИЦЫ

Хвалу пою Создателю
И неба и земли:
Он создал деву прелести,
И создал для любви.

Он взял от пальмы стройныя
Прямой и гибкий стан
И дунул силой мощною:
Явился истукан.

И в ризу света белую
Бездушный лик одел,
И долго с полной радостью
На милый цвет смотрел.

Он взял два млечных облачка,
Сгустил живой туман —
И персями лилейными
Украсил стройный стан.

Он снял кору древесную
С каштановых плодов,
И вот коса рассыпалась
Из шелковых власов —

И пали шелковистые
С главы ее — волной
На выю, перси млечные,
На стан ее прямой.

Он влагу жизни светлую
С лучем небесным слил
И горнею любовию
Ту влагу освятил,

И влил в уста отверстые,
И вспыхнули уста,
Забилось сердце жизнию
И кровь светла, чиста,

Струей румяной, пламенной
По жилам протекла —
И перси взволновалися
И дева ожила!

И долго сердце билося,
Душа рвалась из ней,
Ей тесен был покров земной
И не было очей!

Но снял Творец две звездочки
Из рая — все в лучах!
Зажглися, засветилися
Небесные в очах!

И в миг душа в них вспыхнула,
Я понял свет любви
И заключил прекрасную
В объятия мои.

Шевырев.

ГРЕЧЕСКАЯ ОДА
(*Песнь греческого воина*)

Блестящ и быстр разит наш меч
Поработителей Эллады;
Мы бьемся насмерть, без пощады,
Как рая жаждем грозных сеч,
И станут кровью наши воды,
Доколь не выкупим свободы.

Мы зрели казнь своих друзей,
Неверной черни исступленье,
Пожары градов, оскверненье
Святых господних алтарей.
Не скорбь нам помощь, не угрозы;
Нам кровь нужна за наши слезы!

Так! дивным знáком сих знамен *,
Красой наследственного брега,
Стыдом измены и побега,
Бесчестьем наших чад и жен —
Прияв булат и бранну жатву —
Отмстить врагам даем мы клятву!

Не будет радости у нас;
Без жениха увянет дева;
Поля заглохнут без посева,
Свирелей мирных смолкнет глас,

* На знаменах греческих инсургентов[1] изображен крест с надписью: *свобода*.

Доколь над турком в память века
Не совершится мщенье грека.

О сердцу льстящие мечты!
Надежды близкой, грозной тризны!
Нагряньте с гор, сыны отчизны,
Сомкнитесь, латы и щиты!
Гряди, святое ополченье:
Во имя бога мщенье, мщенье!..

В. Туманский.

Одесса, 1824.

К Р . . . . . .

Приветствую тебя, поэт
Красавицы самолюбивой!
В стихах мечты твоей счастливой
Узнал я ветреный портрет
Марии вечно горделивой.
Он очень сходен, очень мил,
Напев твой строен, не уныл;
Без грусти мрачной, без страданья
Твои беспечные желанья.
В твоих стихах заветных нет
Ни элегической разлуки,
Ни горьких слез, ни долгой муки,
Им чужд любви безумный бред.
Счастливой юности поэт,
Я знаю пламенную деву.
Нет! нет, не верю я стихам;
Но я завидую напеву,—
Твоим обманчивым мечтам.

Н. Греков.

К Н . . . .

Твой милый взор, невинной страсти полной —
Златой рассвет небесных чувств твоих,
Не мог, увы! умилостивить их —
Он служит им укорою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодеянье,
Как жизни ключ — в душевной глубине
Твой взор живит и будет жить во мне,
Он нужен ей как небо и дыханье.

Таков, горé [1] — духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огнь, как пламень адский, жжет.

Т.

23 ноября 1824.

ОДА ГАФИЦА[1]
(*Из книги: «Даль»[2] его Дивана*[3])

Гюль би рухи яр хош небашед[4].

Без красавицы младой,
Без кипящего стакана,
Прелесть розы огневой,
Блеск сребристого фонтана —
Не отрадны для души!

Без напева соловья
Скучны роз душистых ветки;
Шепот сладостный ручья
И ясминные беседки —
Не отрадны для души!

Юной пальмы гордый вид,
Кипариса волнованья,
Без тюльпановых ланит —
Где играет огнь желанья —
Не отрадны для души!

Прелесть девы молодой,
Гибким станом взор чаруя...
Чьи уста, как сот златой!
Но уста без поцелуя —
Не отрадны для души!

Купы розовых кустов,—
Куща неги легкокрылой,
Чаша полная пиров

Вдалеке от сердцу милой —
Не отрадны для души!

Что б поэт ни создал нам,
Что бы кисть ни начертала,
Если жизнь не дышит там —
Милый образ идеала —
Не отрадно для души!

Гафиц! жребий брошен твой,
Как на шумный праздник света,
Пред веселою толпой
Вверх бросается монета —
Не отрадна для души!

Делибюрадер.

ВИДЕНИЕ ЭЗДРЫ [1]
Кн. 3, гл. 3, 4

1

В единый день я возлежал
На ложе, в мысли погруженный.
Я запустение Сиона [2] вспоминал...
Я видел Вавилон, обильем упоенный...
Смутился сердцем я! невольно в грудь мою
Проник дух ропота и тяжкий дух печали,
И грешные уста невольно искушали
Творца и Судию.

2

«Всевышний! — я изрек, — мы все, сыны земные,
Лукавы сердцем искони!
Ты благ — и милуешь; ты праведен — и злые
Достойно познают карающие дни!
Ты предал свой народ деснице Вавилона:
Не смертным пререкать Тобой реченный суд;
Но лучше ль нас они творят дела закона,
И лучше ль нас живут?»

3

Едва вступил в сей град, гордыней вознесенный,
Что я узрел в его стенах?
Одно несчастие! один порок надменный!
Все, все погрязли во грехах!
Объятый ужасом, я видел: им пощада;
Но Ты ж, хранивший их, карал своих людей

И тщетно в том искал я истины Твоей:
Что казнь Твоя?... и что награда?...

4

«Я зрел: из всех земли племен
Один Израиль [3] Твой хранил Твои заветы;
Но многий труд его плодом не награжден,
Без всякой мзды его оставлены обеты!
Я зрел язычников: они
Не помнят имени и дел Твоих не знают;
Почто ж, как пышный крин, роскошно процветают
Преступные их дни?»

5

Умолк я — вдруг перед очами,
Сияющ, в веяньи благоуханных крыл
Предстал, ниспослан небесами,
Небесный Уриил [4].
«Муж буйственный! — он рек,— ты жаждешь тайн, доныне
Всезрящей мудростью сокрытых от земных;
Я послан возвестить об них твоей гордыне,
Но прежде сам реши гаданья уст моих!

6

Ты можешь ли огня извесить тяготенье,
Измерить быстроту парящих ветра крыл,
И возвратить назад минувшее мгновенье,
Которым ты не дорожил?»
Смутившись, я молчал, как бы искал ответа
В несознающемся уме;
Но чем упорнее стремился в область света,
Тем боле был во тьме.

7

И снова мне вещал небесный посетитель:
«Когда б тебя я вопросил
О глубине морской, иль о числе светил,
Или: где райская обитель?
Тогда бы праведно ответствовал ты мне:
«Я в бездну не сходил, пути небес не знаю!»
Но днесь лишь о земном тебя я вопрошаю:
О днях, о ветре, об огне!

8

О них ли ты покрыт неведения тьмою?
Реки же о себе теперь правдивый суд:
Великость оных тайн, сокрытых пред тобою,
Вместит ли бренный твой сосуд?»
О нет! — я возопил: — но лучше б не рождаться,—
Удел ничтожества сноснее во сто раз,—
Чем жить, чтобы терпеть, терпеть, чтоб сомневаться...
И снова Уриил простер мне в притче глас:

9

«Однажды дерева прибрежныя дубравы
Составили совет:
«Пойдем на океан, да сдвигнем величавый
И пустим корни там, где волн иссякнет след!»
Подобно, возшумев в гордыне,
И волны буйные восстали и рекли:
«Пойдем против дубрав, потопим, и отныне
Да в новой широте простремся по земли».

10

Но тщетно было древ дубравных умышленье:
Ниспал небесный огнь; конец их... был жесток!

Ничтожным стало волн крамольное стремленье:
  Их удержал песок!
Но если б ты судил и тех и сих крамолу,
Кого б ты оправдать иль обвинить посмел?..
«Все суетны,— я рек, главой поникнув долу: —
  Всему есть свой предел!»

11

Твой суд есть правый суд! — рек Урпил: — почто же
  Не судишь так и о себе?..
Земля дана древам; волнам морское ложе,
  И гибель в их борьбе!
Почто же хочешь ты, жилец земли случайный,
Познать и изменить, что скрыто в временах?
Не мысли постигать законов вечных тайны:
  Их постигают в небесах.

М. Дмитриев.

СОЛОВЕЙ И МУРАВЕЙ

(*Басня из Саади*[1])

Соловей имел в саду свое гнездо на ветви одного дерева; случилось, что под тем же деревом поселился и слабый муравей, который заботливо собирал запас в маленьком своем жилище на будущие голодные дни. Соловей днем и ночью порхал везде по саду и сладкими песнями всех очаровывал; между тем муравей день и ночь трудился. Соловей в цветниках старался только отличиться пленительным своим голосом. Он втайне изъявлял любовь свою к розе, а утренний ветерок расславлял ее повсюду. Видя ласки розы и нежность соловья, муравей сказал: «время покажет, какая польза от сих нежных разговоров!» Когда прошла весна и наступила осень, то на месте розы явились колючие терны, а жилище соловья занял ворон. Подул осенний ветер и начал срывать листья с дерев; зелень пожелтела, и наступил холод; из облака, подобного диадиме, посыпались перлы, и из воздуха, как из сита, начала сеяться чистая камфора. Соловей прилетел в сад; но не видит уже прелестного цвета розы, не чувствует благовонного запаха гиацинта. Тысячезвучный язык его онемел. Нет розы, красоту коей мог бы он созерцать; нет зелени, которая бы пленяла его своею прелестью. Это несчастие отняло у него все силы; эта горесть лишила его сладких звуков. Тут вспомнил он, что муравей в последнее время жил под этим деревом и запасался пищею.— Пойду, подумал он, представлю свою нужду муравью

и по праву соседства выпрошу у него что-нибудь! Таким образом голодный соловей с униженною просьбою явился к муравью и сказал ему: «любезный друг! щедрость есть признак богатого и капитал счастливого. Я провел драгоценное время в беспечности; ты был догадливее, заготовляя себе запас; не уделишь ли мне теперь из оного сколько-нибудь по своему великодушию?» — Муравей отвечал: «ты пел день и ночь, а я трудился. Ежеминутно занимаясь прелестями розы и плененный созерцанием весны, ужели ты не знал, что за весною следует осень, и что всякая дорога приводит в пустыню?»

О друг мой! рассмотри внимательно, что случилось с соловьем, и помни, что за жизнью следует смерть, и каждое наслаждение отравляется горестью.

(С персидского.)

Н. Коноплев.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

На стене моей висит рисунок, снимок с славной картины Гвидо[1], изображающей *любовь, человеческий череп и розы.* Меня всегда поражала эта картина: соединение предметов, по-видимому столь несовместных, возбуждало во мне бесконечные ряды размышлений.

День уже клонился к вечеру; умолкал городской шум, сливаясь с последним, протяжным гулом колокола, темнота разлилася по моей уединенной келье; глаза невольно устремились на картину Гвидову; сумрак претворял ее в различные, переменяющиеся призраки, которые то являлись, то исчезали.

Протекло несколько мгновений, и мне показалось, что изображения рисунка от стены отделилися и келья моя развилась в бесконечное пространство, светлое, беспредметное, бесцветное.

В сладком сне Кифарид[2] покоился у меня в объятиях, русые, душистые его локоны касались лица моего; прекрасные уста улыбалися; огненные розы вились вокруг нас и неприметно — сливалися с его огненными ланитами; небрежно рука сына Кипридина[3] покоилася на лире, и от струн ее неслися в воздух неопределенные волшебные звуки.

Пламень кипел по жилам моим, огненные розы сжигали сердце, глава тихо клонилась... Вдруг порывисто звукнули струны, потухли розы; взглядываю на Кифарида — он будто силится раскрыть глаза свои — и вдруг на их месте является ужасная впадина; лицо

его — безобразный череп,— на обнаженных челюстях казалось еще не исчезла улыбка...

Я затрепетал... снова тихо забряцали струны, и снова загорелися розы, и снова лицо Кифарида им уподобилось... Еще мгновение — та же перемена, тот же ужас!

И, казалось мне, протекли бесчисленные мириады веков — и Кифарид ежемгновенно то являлся в образе хладного скелета, то расцветал с пламенными розами... Мало-помалу я привык к сему явлению, холод скелета похищал излишний огонь из ланит Кифаридовых, пламень роз сына キпридина разливал какую-то прелесть на безобразном черепе, трепет не потрясал более членов моих, сердце пламенело, но не сжигалося; — я ощущал тихую теплоту — блаженство, незнакомое смертным,— *вечная любовь* согревала меня!

Стремится мечтатель за огненною розою наслаждений,— жизнь его прикована к жизни розы, он живет и умирает вместе с нею — то горит бурно, порывисто, то вдруг хладеет, как пепел. Лишь вдохновенный вечною любовию не знаком ни с палящим огнем, ни с умерщвляющим хладом: печаль его не различить с улыбкою, и простолюдины, по какому-то невольному чувству, жизнь его называют *живою смертию*.

К⟨нязь⟩ В. Одоевский.

ДЕРЕВНЯ

Как сладко дыхание утра, когда возлежа на туманах,
Златимых румяной зарею, оно благотворной рукою
На спящие в неге долины роскошную жизнь изливает!
Как мирно в лугах и дубравах незримая дышит
прохлада,
Как тихо покоятся воды, чуть с шопотом берег
лобзая,
Когда зарумянится запад и, томно скрываяся в волны,
Померкшее солнце последний, ласкающий взор
обращает
На днем утомленную землю! Как все здесь свободно,
Эрминий [1]!
К чему там, где роскошь столпила безмолвные камней
громады,
Дыхание сжала стенами, а сердце и мысль —
принужденьем,
К чему там, подругу свободы, искать легкокрылую
радость!
Приди к нам в долины! Здесь сердце живет лишь
с собой и Природой!
Все время душе — нет минуты пустым и докучным
заботам.
Как часто под сводом тенистым, когда на лазури
небесной
Красуется месяц и листья на зелени светлой рисует,
Как часто я беглою мыслью прошедшего мир обтекаю:
И волжски приветные воды, и фински седые туманы,
И шумная роскошь Парижа, и мирные Эльбы
прибрежья [2],

Все розовым облаком счастья в дни юности было одето,
И даже теперь вспоминаньем печальной душе благотворно.
Как часто, любуясь вечерним, звездами усеянным сводом,
Где стройными идут полками единой рукою водимы
Светила — душой возвышаюсь к Тому, Чья всемощная воля
Все в пышном, богатом созданьи в едино созвучье слияла:
Что прелести бренного мира пред чувством небесным бессмертья!
И там ли, где чувства и мысли стесняемы игом приличий,
Где гордость в одежде смиренья, коварство — с лицом дружелюбья,
Ах! там ли, Эрминий, плениться нетленной красою созданья
И там ли душе возноситься к небесной, желанной отчизне!
Довольно по торжищам света скитался я, странник бездомный,
И тщетно искало отзыва любовию полное сердце;
Исчезли мои сновиденья, надежды мои улетели.—
Здесь, чуждый людей и притворства, безмолвным величьем Природы
Спокою встревоженно сердце, и мысль, как дыханье, свободно
От бренной обители праха, к небесным холмам понесется.

А вы, благотворные сени, обители дум молчаливых,
Где сладкая дремлет Природа, скрываясь под
лиственным сводом,
Где часто пред мыслью певцов грядущего тьма
расступалась
И светлого взорам Олимпа, жилища богов и героев,
Златые врата отверзались! Примите меня! влейте
в душу
Спокойствия мирную сладость! Да бурный поток
моей жизни,
Скалами изверженный, тихо под вашим навесом
польется;
Да вами пойду осененный, приближусь ко светлому
храму,
Где царствует в кротком сияньи подобье богов —
Добродетель.

К—н.

МОЛЬБА

Нужна любовь, как воздух ясной,
Стесненной чувствами груди:
О случай! встречею прекрасной
Ее во мне ты пробуди!

Не верить счастию — мученье,
Но, мнится, счастье я б узнал,
Когда б я мог в земном творенье
Найти свой милый идеал.

Когда ж нельзя свершиться чуду,
То пусть беспамятным умом,
Как сон, свой идеал забуду
Перед любимым существом.

В. Туманский.

Март, 1825. Одесса.

ДРУЗЬЯМ

1

Не дивитеся, друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.

2

Вы во всей еще весне;
Я почти
На пути
К темной Орковой стране [1]
С ношей старческою.

3

Вам чрез горы, через лес
И пышней
И милей
Светит солнышко с небес
В утро радостное.

4

Вам у жизни пировать;
Для меня
Свету дня
Скоро вовсе не сиять
Жизнью сладостною.

5

Не дивитесь же, друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.

6

Я чрез жизненну волну
В челноке
Налегке
Одинок плыву в страну
Неразгаданную.

7

Я к брегам бросаю взор...
Что мне в них,
Каждый миг
От меня как на позор
В мгле скрывающихся?

8

Что мне в них?.. я молод был,
Но цветов
С тех брегов
Не срывал, венков не вил
В скучной молодости...

9

Я плыву и — наплыву
Через мглу
На скалу,
И сложу мою главу
Неоплаканную.

10

И кому над сиротой
Слезы лить
И грустить?
Кто на прах холодный мой
Взглянет жалостливо.

11

Не дивитеся, друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.

Р.

РУСАЛКИ
(*Песнь Баяна*[1])

Волнуется Днепр, боевая река,
Во мраке глухой полуночи,
Уж облако месяц прорезал слегка,
И неба зарделися очи;
Широкие — идут волна за волной
И с шумом о берег биются;
Но в хладном русле, под ревущей водой,
И хохот и смех раздаются.
Русалки играют во мраке ночей,
Неопытных юношей манят.

Как под вечер звезды ясные
Заиграют в небесах,
Друг за другом, девы красные
Выплывают на волнах;
Полным цветом нежной младости
Привлекателен их хор;
Обещает много радости
Негою томящий взор.—
Бегите, о юноши, томных очей,
Пусть тщетно коварные манят!

Русы косы, рассыпаяся,
С обнаженных плеч бегут,
По валам перегибаяся —
Золотым руном плывут:
Грудь высокая волнуется
Сладострастно между вод,

Вал ревнивый полюбуется
И задумчиво пройдет;
Руки дев, как мрамор белые
Подымаются, падут; —
То стыдливые, несмелые
Медленной толпой плывут; —
То в восторге юной радости
Будят песнями брега,
Иль с беспечным смехом младости
Ловят месяца рога
Над водою, серебристые,—
Или плеском быстрых рук
Брызжут радуги огнистые; —
Резвются в волнах — и вдруг,
Утопают, погружаются
В свой невидимый чертог,
И видения стираются
Как луны воздушный рог! —
Не верьте, о юноши, мраку ночей; —
Мечтами коварные манят!

Ан. Муравьев.

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ
(*Гимн Шиллера*)

Счастливы любовью боги,—
    Не любовью ль
    Мы равны богам?
С нею рай светлее,—
С нею мир подлунный
    Небом светит нам!

Древле, слышится преданье,
    Из недвижных скал
В миг возникло мирозданье,
    Смертных род восстал.
Их сердца, как хладный камень;
    Злоба в них и страх,
И небес всесильный пламень
    Не пылал в душах.

Ни амуров рой воздушной
Не манил четы послушной
    Цепью из цветов,—
Хор камен [1] — любови милых
Не пленял сердец унылых
    Звуком голосов.

Ах! любовники не знали
    Плесть венцы порой;
Вёсны с грустью отлетали
    Вслед одна другой.
И Аврора без привета
    Восставала с вод;

Без привета нисходило
    Солнце в лоно вод.

По лесам сыны печали
    Одинокие блуждали,
    Бремя в их сердцах.
Ни слеза любви страданья
Не искала упованья
    В мрачных небесах.

*

Но вдруг всплыла из светлых волн
Дщерь неба, взор любовью полн;
    И вот плывут в пучине
    Наяды вслед богине.
Как утра юного рассвет,
Так озарил Весны привет
    Творенья мрак бездонный!
Стихии дышат жизнью полны!

Денница с звездной высоты
    Богине улыбнулась,
И роза с трона красоты
    Пред нею развернулась.
Уж заунывный соловей
    Запел ей песнь любови;
Уж волны оживил ручей
    Дыханием любови.

Твой мрамор дышит красотой —
О Пигмальон! о Воскреситель!
О бог любви! ты — победитель:
Твои созданья пред тобой.

*

Счастливы любовью боги —
Не любовью ль
Мы равны богам?
С нею рай светлее,—
С нею мир подлунный
Небом светит нам!

*

Как мечта, как нектар алый,
Бьющий искрами в фиалы,
Средь любви пиров
Дни летят богов.

Громовым перуном блещет
С трона гордого Кронид [2],
Гнев власы его крутит
И Олимп под ним трепещет.—
Зевс богам оставил трон,
Бог миров — с земли сынами,
В мгле дубрав вздыхает он!
Смолкли громы под стопами,
Леды пламенной устами
Страх Титанов [3] усыплен.

В голубых волнах эфира
Коней белою четой
Правит Феб [4] в броне златой;
В прах пред ним народы мира!

Что ему его порфира,
Что ему народы мира?
Для любви, для звучных лир
Он забыл, забыл про мир.

Там к Юнонину [5] престолу
Сонм богинь склонился долу;
Гордый взор ее скользит
Над четой младых павлинов,
Блеском радужным рубинов
На власах венец горит.

О богиня! что нам в славе?
Нет любви в твоей державе!
Вянут жизни в ней цветы...
Но кому сей глас молебный?
С гордой трона высоты
Молишь, пояс дать волшебный,
Не богиню ль красоты?

*

Счáстливы любовью боги —
Не любовью ль
Мы равны богам?
С нею рай светлее,—
С нею мир подлунный
Небом светит нам.

*

Свет любви пронзает ад!
Там лучи его блестят —
В темном царстве злой судьбины:
Пред улыбкой Прозерпины [6]
Воссиял Плутона [7] взгляд:
Свет любви смиряет ад.

*

Зазвучали ада своды,
Цербер смолк,— то глас свободы,
    Лиры глас твоей — Орфей!..
Там Минос [8] в тоске глубокой
Укрощает суд жестокой;
На власах Мегеры [9] хладной
Змий смирился кровожадной,
    Спит тяжелый звук цепей!..
Тронут песнею Орфея,
Вран покинул Прометея [10];
И Коцит [11], дотоле громкой,
Стих и вот струею звонкой
    Вторит песнь твою, Орфей! —
    О любви ты пел, Орфей!

*

Счáстливы любовью боги —
    Не любовью ль
    Мы равны богам?
С нею рай светлее,
С нею мир подлунный
    Небом светит нам.

*

Весь природы стройный храм
Ей возносит фимиам;
Мир — алтарь любови.
    Из-за дальних, синих гор
    Не Дианы ль вижу взор —
Нет! то взор любови.
    Не богиня в вышине
    Улыбаясь, зрится мне:
    Не светила в небесах

Блещут в радужных лучах:
Все любовь — и *здесь* и *там*,
И природа светит нам
Взорами любови!..

Про любовь журчит ручей;
Быстрый ток любовь смиряет!
Запоет ли соловей?
Песнь любви любовь вдыхает.
Все любовь, любовь одна
В звуках радости слышна!
Мудрость в солнечных лучах!
Пусть твой огнь горит в умах!
Уступи любови!
Пред любимцами молвы
Не склоняла ты главы —
Покорись любови!

*

Кто над сонмами светил
В вечность путь тебе открыл
Светлою стезею?
Кто, разрушив мглы покров,
Сквозь расселины гробов
Воссиял зарею?
Все любви небесный взор
Храм бессмертья освещает,
И духов согласный хор
Ею к Вышнему пылает.
Так любовь, любовь одна
Нам вождем к Творцу дана!

*

Сча́стливы любовью боги —
    Не любовью ль
    Мы равны богам?
С нею рай светлее,
С нею мир подлунный
    Небом светит нам!

С. Шевырев.

1824.

ПЕРВАЯ СУББОТА ТВОРЕНИЯ

Господь славы на престоле. Все миры, и новые и старые, готовы петь хвалу Ему и с умилением пред Ним преклоняются. Великий день! Когда в первый раз все творения проникнуты были лучезарным светом Вечного Зиждителя, все в стройном чине предстали пред испытующий, всевидящий взор Его, все светила, подобно исполинам предшествуя мирам, открыли хвалу Всевышнему, отдаленнейшие бездны ее вторили! К Нему горы возносили величественное чело свое; Ему радостно плескали воды; Его славу носили ветры в дуновении своем; пред Ним леса преклоняли вершины свои; к Нему звери из дебрей возносили глас свой; Его пением своим приветствовали пернатые!

Среди всеобщего торжества сего, когда все творения роскошествовали, исполненные жизнию, стократ умноженною различными отношениями, и виновнику своего блаженства приносили дань признательности,— Творец обращает взор свой на жреца вновь сотворенного мира. Сей жрец, младшее чадо премудрости божией, пораженный красотою всего, что представилось ему из созданного прежде его, в благоговейном трепете пред Всемогущим,— жрец и вместе жертва,— лежал простертый в прахе, из которого был создан.

Осиянный лучом Божества, он в прахе сделался важным позорищем для вселенной; вышние силы еще воспели хвалу премудрости; чистейшие духи приветствовали духа воплощенного и дружественно *внимали* тихим движениям его во взорах и в биении сердца;

отдаленные миры возрадовались, что новому царю земли могли быть друзьями, путеводителями. Горы предложили ему свои сокровища, леса плоды и тень свою, все естество животных обрадовалось, став вместе естеством столь высокого творения.

Что было прежде немым чувствованием глубоко тронутого сердца, то составляло первую речь, которую он произнес к богу, создателю своему; подняв взор свой и руки к приникшему свыше, он рек:

«Я ничтожен, Господи, Ты же беспределен. Нет числа творениям Твоим, нет меры премудрости и благости Твоей. Чувствую, на какую степень Ты поставляешь меня, и трепещу моей слабости. Я ли жрец Твой в сем мире, коего начало мне безвестно, в коем малейшее насекомое, легчайшая пылинка старше меня? Я ли Царь над сими существами, коих ни свойства, ни потребности мне неизвестны? Меня страшат сии бездны водные, кои только твоему мановению послушны; меня изумляет сия беспредельность вселенной; чувствую, что я должен учиться, и кто будет моим учителем? — Отдаленные ли миры? Но они безмолвно текут в путях, им Тобою предписанных! — воды ли сии? Но они никогда не выступят из пределов, им Тобою положенных! — ветры ли сии? Но дыхание их тихо; откуда приходят и куда стремятся, неизвестно! — горы ли?.. Сии ли невинные твари? но они ищут себе убежища... Слову твоему творить вселенную; бренный человек недостоин, чтоб Ты научал его.

Жрец умолк. Сидящий на престоле славы вопросил природу: может ли она учить человека? — Тих был вопрос Всемогущего, но его услышали концы вселенныя.— Концы вселенныя, славя премудрость Божию и воззрев на человека, рекли: научим тебя путям

небесным и откроем тебе силу каждой планеты; сколь беспредельна высота небес, столь же беспредельна будет глубина познаний твоих! Потоки водные, остановив течение свое, рекли: сколько теперь ты нас чуждаешься, и сколько велик страх твой к нам, столько научим тебя владеть нами, столько знакомы тебе станут все глубины морские! Животные рекли: мы знаем тайны, которые делают нас к тебе столь близкими,— и ты их от нас познаешь и будешь подобен Всеведущему!

Сколько в свете творений, столько явилось жрецу учителей; вдруг сердце его исполнилось множеством надежд, для совершения коих потребна целая вечность. Уже он в восторге готов был пасть пред Создателем и сказать: теперь блаженство мое совершенно. Я счастлив природою.

«Узнаешь все и не будешь счастлив, и далек будешь от блаженства,—раздался глас от престола Предвечного,— будь Моим сыном, и от Меня учись, чему Я один только могу научить тебя — учись добродетели».

В. Оболенский.

САДОВНИК И СОЛОВЕЙ

Рассказывают, что у одного поселянина был прекрасный, веселый сад с цветником свежее розовой кущи Ирема *. Воздух в нем уподоблялся дыханию весны, а благовоние базилика живило душу и упоевало чувства.

Цветник — как сад цветущих дней,
Обвитый жизненной волною;
Там будит радость соловей,
И ветерок манит к покою
Душистой негою своей.

Там в одном углу стоял розовый куст, свежее молодых отпрысков древа желания, возвышеннее ветвей древа радости. Каждое утро распускалась на сем кусте роза — цветущая как лицо прелестной, нежной душою девы, как ланита красавицы с белыми персями, благоухающими ясмином. Садовник, страстно полюбивший нежную розу, сказал однажды:

Не знаю, что роза шепнула в листах;
Но грусть пробудилась опять в соловьях.

В одно утро, по обыкновению своему, пошел садовник полюбоваться розою и увидел тоскующего соловья, который терся головкою об листочки розы и острием носика разрывал ее позлащенную ткань:

---

* *Ирем* — славный сад, бывший некогда в счастливой Аравии.

Взглянул на розу соловей
И, страстью упоенный,
Нить воли из груди своей
Он выронил, смущенный.

Садовник, увидя рассеянные листочки розы, рукою горести растерзал ожерелье терпения и одежду своего сердца повесил на иглы страдания.

На другой день он увидел повторение того же действия, и пламень его тоски об утрате роз

На прежнюю рану другую нанес.
На третий день соловей совсем оборвал розу;
Оборвана роза — остались шипы!

В груди поселянина родилась досада на соловья; он поставил ему на пути силок коварства и, уловив его обманчивыми семенами, заключил в темницу клетки. Робкий соловей, раскрыв ротик подобно попугаю, сказал: «Друг мой, за какую вину заключил ты меня? Что тебя побудило наказать меня? Если ты для того это сделал, чтоб слушать мое пение,— то самое гнездо мое у тебя в саду, и в минуты рассвета, в пределах твоего же цветника гармонический дом мой? Если же ты имел другое намерение, то открой мне его?» — «Ужели не знаешь,— сказал поселянин,— какой вред ты нанес моему благополучию? Сколько раз оскорблял ты меня, разлучая с любимицею моего сердца! За такой поступок не могло быть другого наказания, как заставить тебя стенать в углу клетки, отлученного от твоего жилища и приюта, вдалеке от удовольствий и веселостей. И я, перенося горесть разлуки с любезной, испытывая муки тоски душевной, стенаю в хижине

печали».

Тоскуй же, соловей! у нас одни желанья;
Мы от любви грустим, и наш удел — стенанья.

«Оставь это намерение,— сказал соловей,— и рассуди сам, когда я за небольшой проступок, за то, что оборвал розу,— заключен: то ты, терзающий сердце, как должен ты быть наказан?»

Мерно вращающий шар мирозданья
Ведает цену и блага и зла;
Добрым готово добро в воздаянье:
Злым же возмездье — их злые дела.

Слова сии так сильно подействовали на сердце поселянина, что он пустил соловья на волю. Соловей, выпущенный на свободу, запел: ты сделал мне добро, и добро должно быть тебе возмездием. Твое благодеяние не останется без награды. Знай, под деревом, у которого ты стоишь, зарыт сосуд, наполненный золотом; возьми его и употребляй на свои нужды.

Садовник взрыл то место и увидел, что соловей сказал правду. «О соловей! — воскликнул он тогда,— для меня удивительно, что ты видишь сосуд с золотом под землею, а не приметил силка в пыли!» — «Разве ты не знаешь,— возразил ему соловей,— что: если постигнуть судьбе, то тщетна всякая предосторожность?»

С судьбой бороться невозможно.

Когда нисходят судьбы божии, тогда не светел глаз для зрения,— бесполезны разум и проницательность.

(С персидского.)

А. Бюргер.

ОТРЫВОК
ИЗ ПОЭМЫ «ЗЕМЛЯ»

Изрытая огнем и бурными водами,
Земля является с огромными горами;
Их гордые верхи, одеянные льдом,
Глядят в безмолвии на молнии и гром,
Летающи внизу над дольнею землею;
Всегда обильные живительной росою,
Льют реки целые, рождают озера,
В безмерных пропастях ревут вокруг моря,
На берегах встают их фаросы [1] — волканы.
Но грозный Океан, как небеса, пространный,
Приятно оживлен семьями островов,
Отрадой изгнанных из родины пловцов.

Забуду ль я морей великие картины?..
Я помню — мы неслись чрез Северны пучины,
Для нас — лишенных звезд, один был видим свет —
За быстрым кораблем сребром горящий след...
Подобно в небесах великая комета
Эфира по волнам лиет потоки света...
Невольно привлечен блестящих волн игрой,
Я был на палубе с любимою мечтой:
Вдруг море улеглось в спокойствии ужасном,
И опытный пловец в смятеньи не напрасном;
Страх начал проникать в его железну грудь;
Но, бледный, бодрость всем старается вдохнуть,
Срывает паруса своими он руками; —
Все тщетно!.. грянул гром, ветр заиграл волнами,
Все море двинулось, и ураган уж тут!..
Уже с двух мачт верхи сломились и падут;

Не слышен гул громов при страшном реве моря;
Ветр, воды и огонь, в свирепой битве споря,
Парящей смерти гимн поют, соединясь...
Пловец узнал его!... ряд волн с другим слетясь,
Растет и пенится — и вдруг идет горами
И с шумом рушится над нашими главами;
Но вот и смерть сама с мелями Вангер-Ог [2],
Все пали ниц пред ней — но всех спасает бог!

Волнуйся, Океан, лазурными холмами!
Твоими смелыми незримыми путями
Тьмы кораблей вотще текут иль протекли;
Ты не хранишь следов властителей земли,
Ты презираешь их — холодный и ужасный,
И общей тленности как будто не причастный,
Подобье вечности ты представляешь нам.
Ты зришь, как по твоим излучистым брегам
Все изменяется, все гаснет, все дряхлеет;
На граде тлеет град, на царстве царство тлеет;
Но по тебе вотще скользит полет веков,
С зари созданья ты свободен и суров.

Абр. Норов.

НА КОНЧИНУ Р[1] . . . . . .

СОНЕТ

(Посвящ. А. С. Пушкину)

Ты на земле была любви подруга:
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слез,
Горела страсть, блистало небо Юга.

К твоим стопам с горячностию друга
Склонялся мир — твои оковы нес;
Но Гименей, как северный мороз,
Убил цветок полуденного луга.

И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? где страстные рыданья?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,

Уж новый огнь волнует души их;
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья!

В. Туманский.

Одесса. Июль, 1825.

МАЛОРОССИЙСКИЕ ПЕСНИ

1

За Немень иду:
Гей, кóню мóй, кóню!
Заграй пóдо мною!
Девчино — прощай.

За Немень идешь ты, мене покидаешь...
Чого ж там, мóй милый, чого там шукаешь?..
Хиба ж тебе краше чужа сторона —
Роднейша, милейша своей вона?..

Иду я туды,
Де роблють на диво
Червонее пиво
З крови сопостат!

Чи вжежь ты задумав тем пивом упитця?
Хиба жь ты зо мною зхотев разлучитця?..
Тобе мой слезы, тобе моя кровь —
Да тóлько не кидай за верну любовь!

Девчино не плачь,
Не рви мого сердця!
Як пир тяй минетця
Вернусь я назад.

И вже тобе, милый, назад не вертятця!
Там мое серденько тобе зоставатця!

Дивись — пôд тобою и кôнь що-сь поник...
У поле червôном заснешь ты навик!
Як ворон до тебе
В оконце закряче —
З-за моря прискаче
Казаченько твôй.

Як явор[1] зеленый головоньку склоне,
Зозуля кукукне, дуброва застоне
И кôнь под тобою споткнетця, вздыхне —
Тодй вже не буде на свете мене.

2

Туман поле, туман поле покрывае —
Маты сына высылае:
Поди сыну, поди сыну геть от мене,
Нехай тебе Орда возьме!
— Мене, мама, мене, мама, Орда знае,
Мене коньми наделяе! —
Туман поле, туман поле покрывае,
Батько сына прогоняе:
Поди сыну, поди сыну геть от мене,
Нехай тебе турки возьмуть!
— Мене батьку, мене батьку, турки знають —
Сребом, златом наделяют! —
Старша сестра, старша сестра коня веде
А подстарша збрую несе;
Сестра меньша, сестра меньша выпытуе,
Коли, брате, з войска прийдешь?
— Возьми сестро, возьми сестро песку в жменю[2],
Посей ёго на каменю:

Коли сестро, коли сестро песок взыйде —
Тоди́ брат твой с войска прыйде! —
Вернись сынку, вернись сынку до домоньку,
Змыю тобе головоньку [3].
— Мене змые, мене змые дробный дождик,
А расчешуть густы терны;
Мене змые, мене змые дробный дождик,
А высушуть буйны ветры! —

БАКЧИСАРАЙ
(Отрывок из описательной поэмы «Таврида»)

Пустынный двор Бакчисарая
Унылой озарен луной;
Развалин друг, она, играя,
Скользит по келье гробовой,
Где грозных и надменных ханов
Давно забытый тлеет прах,
Где воля дремлющих тиранов
Уж не закон в немых гробах!

Исчезла слава сильных ханов!
Дворец их пуст, гарема нет! —
Там только слышен шум фонтанов...
Луны непостоянный свет
На стеклах расписных играет,
И по узорчатым полам
Широкий луч ее блуждает,
Как бледный дух по облакам!

Или, в зеленом лоз объеме,
Сквозь легкий виноградный свод,
Она в кристальном водоеме
Осеребряет зыби вод
И гроздий тень на них наводит —
Дробится лик ее в струях,
То по волнам, играя, ходит,
То засыпает в их зыбях!

И будит дремлющие своды
  Фонтанов однозвучный шум; —
Из чаши в чашу льются воды,
  Лелеятели сладких дум.
Все изменили быстры годы,
  Где ханский блеск? — Но водомет
Задумчивые пенит воды,
  На память тех, которых нет.

Ан. Муравьев

ПРЕКРАСНЫЙ ЦВЕТ
(*Песнь заключенного рыцаря*)

Прелестный знаю я цветок,
К нему — мои желанья,
К нему стрелой, когда бы мог
Из душного изгнанья.
И мне ли не грустить по нем?
Я на свободе тем цветком
Как часто утешался!

Напрасно с темной высоты
Блуждает взор унылый;
Внизу прекрасные цветы,
Но всё не сердцу милый.
О кто б меня привел к нему!
Будь рыцарь он иль раб, тому
Я отдал бы полжизни.

Роза

Я здесь в красе своей цвету
Под окнами темницы:
Ты верно вспомнил красоту
Цветов младой царицы.
О рыцарь с пламенной душой!
Я угадала выбор твой —
Ты верно любишь розу.

Рыцарь

Твой пурпур славят все цветы,
Тобой красна долина:

Для юных дев дороже ты
Алмаза и рубина.
Они милей в твоем венке;
Но нет, я о другом цветке
Задумал, в сердце горе.

Лилия

Да, роза пышная горда;
Я не хвалюсь пред нею,
Но девы любят иногда
И скромную лилею.
Кто в душу чистую глядит
И ею взоры веселит,
Тому я всех дороже.

Рыцарь

Хоть девственной моей души
Не тронули пороки,
Но ах! — затворником в тиши
Томлюся одинокий.
Хотя прекрасна ты собой,
Как дева с чистою душой,
Но есть цветок милее.

Гвоздика

Не обо мне ль душа грустит?
Гвоздичку сам садовник
Лелеет, нежит и хранит,
Как милую любовник.
Семьей листочков стеснена,
Благоуханьем я полна,
Цветами всех богаче.

Рыцарь

Гвоздичка — правда — милый цвет!
Садовнику — отрада.
Ее то выставить на свет,
То скрыть от солнца надо.
Но нет, не пышный твой наряд
Пленяет мой печальный взгляд,
Мне мил цветочек скромный.

Фиалка

Не я ли в мирной тишине?
Хоть и люблю молчанье,
Но нет — не вытерпелось мне.
Открой души желанье.
Коль я — так мне ли не грустить!
Мне высоко тебя дарить
Своим благоуханьем.

Рыцарь

Люблю я, скромница моя,
Твой запах благовонной;
Но по другой томлюся я
Тоской неугомонной.
Откроюсь вам в моих слезах:
Здесь на суровых крутизнах
Нет милого цветочка.

Далеко в грустной тишине,
Верна и одинока,
Подруга плачет обо мне
У светлого потока —
И голубой цветок — на грудь
Прижавши, молвит — *не забудь!* —
И тяжко мне сгрустнется;

И в сердце голос у меня
Невольно отзовется.
Любовь мне светит вместо дня
И ей пока живется.
Замрет ли дух, заноет грудь,
Но сердце молвит — ***не забудь!***
И снова жизнью бьется.

Шевырев.

КЛИО [1]

Клио была старшая из дщерей Зевеса [2] Егиоха [3]. Высокий рост, черные власы, подобно тихому потоку с головы по раменам спускающиеся, возвышенное чело, задумчивостию отененное, взор томный, в пустом пространстве блуждающий, уста, запечатленные молчанием, движения медленные отличали уединенную от прочих обитательниц Олимпа, веселонравных, резвых, вечно игривых, прелестных, как майское утро. Боги Олимпа, услаждаясь песнями прочих муз, взирали на Клио, как на смертную, в сонме бессмертных затерявшуюся. Хариты не ласкались к ней; она была последняя, когда Аполлон, облеченный сиянием, предводительствовал божественным хором, и тогда только могла быть первою при нем, когда он в смиренной хламиде с пастушеским посохом на лугах Аркадии [4] пас стада царя Адмета [5]. Мрачная муза за небесной трапезою забывала амбросию [6] и нектар, она не орошала водами Кастальскими и Пермесскими [7] священных пальм и лавров,— не брегла о всех божественных почестях; все места для ней были равны; сидя на обнаженной скале, она не чувствовала ее жесткости, под раскаленным небом не страдала от зноя, во мгле ночной не искала света; казалась равнодушною ко всякой перемене и без услужливых своих подруг, может быть, сделалась бы добычею ничтожества. Они прохлаждали ее струями Парнасских источников, плели для ней венки; но лавры падали с поникшей главы ее; они развлекали ее песнями и своею беседою.

«Оставь свою мрачность, милая сестра,— говорили они ей,— веселись с нами, мы дщери Зевеса Егиоха; настоящее наше никогда не минет; будем довольны настоящим: к чему блуждать мыслями в отдаленных веках?»

«Отдаленные веки не обойдут бессмертного,— отвечала она им с обычною своею важностию.— Для вас — музы — настоящее; для Клио жизнь еще наступит; там она найдет свои любимые предметы. Будет время, милые, и я заплачу вам за ваши нежные услуги; тогда вы перестанете стыдиться своей угрюмой сестры».

Музы смеялись, угадывали, какие любимые предметы у Клио, и чем обещает она заплатить им.

«Что кроме человечества может занимать ее? — говорили они между собою; — к нему обращены все ее мысли и заботы. Как могли привязать ее сии бедные, жалкие люди, как звери, живущие в мрачных пустынях, коих жизнь есть цепь горестей и бедствий, столь же преходящая, как дыхание ветра? По крайней мере утешим ее лучшими картинами; мы дщери Зевеса: мы можем творить».

Сказали и сотворили сынов неба и земли, огромных, мужественных, сильных; сотворили сынов Юпитера [8] мудрых, великодушных, справедливых; — великих героев, похищающих огнь у Зевеса и выводящих души из ада; сотворили своих любимцев, при пении коих созидались грады, двигались леса и трогались камни; и когда Клио в задумчивости покоилась под гордою пальмою Олимпа, они воспевали ей свои творения. Муза преданий пленялась их песнями; взоры ее осклаблялись, рука невольно начертывала на коре пальмы то, чем пленялось ее сердце; ветр уносил с дерева

листки; смертные собирали божественные дары Олимпа; вдохновением понимали язык небожителей, и сами делались полубогами.

Скоро вид земли переменился: не титаны оспоривали владычество у всемощных, не Прометей похищал огнь у небес; простые смертные воспылали огнем священным, Амфионы [9] созидали города, Орфеи выводили из ада своих Эвридик; божественные горы Олимп, Пинд [10] и Парнас сделались достоянием человека. Клио радовалась; но ее сестры начали терять прежнюю свою живость. Хотя смертные хранили к ним то же почтение, хотя воздвигали им великолепные храмы и делали частые возлияния, но они уже не имели прежней свободы; эфирное существо слишком возвышало их над чувственным миром; дары, им приносимые, не всегда происходили от усердия; и сии приношения становились реже и реже, когда между смертными начало распространяться неверие в красоту высшую — бесплотную. Тем сильнее становилось могущество сестры их Клио. Ей безусловно служил весь подлунный мир. Пределы царства ее распространялись с каждым грядущим веком, с каждым годом. Для нее как звезды небесные, как песок морской умножались племена людей; для нее пустыни превращались в цветущие грады, моря покрывались зданиями и воздвигались твердые стены. Для нее, если б она пожелала, последняя горсть земли оросилась бы последнею каплею крови человеческой, и почти орошалась. Музы видели торжество сестры своей, и божественная кровь замирала в их жилах. Они страшились спуститься к угрюмой владычице мира, страшились ее жестоких пиршеств, где трепещущие трупы слу-

жили снедию хищным птицам, кровавые реки поили зверей и утучняли поля.

«Такое возмездие сулила ты нам за наши о тебе попечения? — говорили они ей; — твои надежды сбылись; а мы страдаем; для нас нет на земле и мирного приюта».—

«Не обвиняйте меня,— ответствовала Клио,— я то же делаю, что вы сами делали. Вы творили, теперь я творю. Вы очищали грубое вещество, доколе оно могло выражать божественную вашу мысль, вы попирали прах и пленялись вечною гармониею. Та же гармония сохраняется и в моих делах; все, что ни питает в себе ничтожный сын персти, есть только бренное тело, одна кровь, и сие-то тело, сию-то кровь он и теряет. Но для благородного духа есть слава, есть бессмертие. Спешите ко мне на великолепный пир и положитесь на мою помощь; доколе я живу, дикое буйство невежества не отравит, не убьет небожителей, не отнимет амвросии и нектара у дщерей Зевеса Егиоха.

Сестры спустились с эфирных стран и уже под кровом у Клио празднуют на пиршестве бессмертия.

В. Оболенский.

ТРИ ЕДИНСТВА

Когда размножилось семейство человеков, и природа не подавала уже способов к удовлетворению потребностей,— люди, дотоле неразлучные, увидели нужду избрать особые пути и разошлись искать себе пропитания по всем концам вселенной. Но страшась вечной разлуки, они желали утвердить на земле средоточие, к коему могли бы после долгих странствий возвращаться и опять видеть друг друга.

В то время младшие из них, пылкие юноши, развели на холме большое пламя. Лучезарный столп огня поднялся до небес и озарил окрестность; юноши радовались, думая, что разведенный ими огонь осветит все концы вселенной. Но повеял ветр — и пламя разрушительно простерлось по окрестности и попалило близстоявших юношей.

Тогда собрались мудрейшие из смертных и молвили друг другу: «Огонь — неверная стихия: он попаляет близстоящих и не может постоянно светить вдали блуждающим. Лучше возвысим столп из камня и металлов: он простоит вечность, и люди, отвсюду его видя, со всех концов вселенной могут собираться к его основанию.

Все вняли совету мудрых: стали копать во глубинах земли, изрыли внутренние горы, но не отыскали вещества столь прочного, которое могло бы служить надежною основою вековому зданию. Строили без отдыха; но в то самое время, как работа приближалась к желанному концу,— основа пошатнулась, и падшая громада подавила строивших.

Отчаяние овладело земнородными: им предстоял голод или вечная разлука.— Но между тем как тысячи трудились без успеха,— в ясных равнинах древней Халдеи [1], среди смиренных, беззаботных пастырей возникла дивная наука *Звездоведения*. Люди познали таинства небесные, познали соответствие между полюсами земли и вечными созвездиями тверди. Странствия боле не страшили их: ибо возврат был верен. Юноша, вздыхая на чужбине по своей возлюбленной, видел звезду своей отчизны на дальнем небосклоне и предавался сладостным надеждам; отважный пловец, рассекая беспредельное море, обращал к звездам небесным опытные взоры — и направлял смелее свой корабль по темным валам переменчивой пучины. Что делали мудрые? Дивились, созерцая над головами своими то *единство*, для коего они столь тщетно исследили все глубины земные, и мудрейшими себя признавали — пастырей.

В. Титов.

СЛЕЗЫ

O lacrymarum fons...
Gray *.

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листами
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда созданья
Как бы погружены в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастной,
То в ямочки впивается лапит!

Но что все прелести пафосския царицы [1],
И гроздий сок, и запах роз,
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

* О источник слез... (*лат.*). Грей (*англ.*).— *Ред.*

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами,
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

Ф. Тютчев.

Июля 21, 1823.
Минхен.

НЕЕРА [1]

(*Из Шенье* [2])

Люблю тебя, Хромид [3], спеши, я не дурна!
Диане в легкости и в белизне равна,
Такая ж стройная.— С склонением денницы,
Все наши юноши, как тихою стопой
Иду я мимо них, потупивши ресницы,—
Не верят, чтоб была я смертною простой,
И тихо шепчутся, следя меня очами:
«Ах, как она мила! как дышит красотой!
Неера, берегись казаться над волнами,
Чтоб не сочли тебя богиней, и порой
Пловцы не стали б звать стихии в час мятежной,
С Дорисой [4] нежною, Нееры белоснежной!»

Ознобишин.

В ПЕРСИЮ!

Я слышу клич призывный брани! —
Ему внимает жадный слух.—
На битву рвется меч из длани,
В груди пылает юный дух!

Зарокотали смертью струны —
Я узнаю их вещий глас!
Их громозвучные перуны,
Друзья — на бой подвигнут вас!

На бой! на бой, на поле славы,
Стремитесь бурною толпой!
Вас увенчает лавр кровавый,
Бессмертье — храм откроет свой!

Сожмите меч в руке могучий!
Отважно обнажите грудь!
На сонм врагов, как вихрь летучий,
Неситесь в незабвенный путь!

Туда, туда, где бурны волны
Аракса [1] берега поят,
И где, ковчега страж безмолвный [2],
Стоит двуглавый Арарат!

Туда,— где колыбель Вселенной!
Где мира первобытный рай!
Там лавр для нас цветет нетленной,
Молве велим: — не умолкай!

О конь, кипящий духом брани,
Неси меня на бурный бой!
Как цвет да не увяну ранний,
Да не паду в стране чужой!

И ты руке нетерпеливой
Не измени, надежный меч! —
Тебе вверяю я порывы
Души младой: — с тобою лечь!

Ан. Муравьев.

ВЕСНА
(*Подражание Сойюти*[1])

О дни весны, дни наслажденья,
Повейте радостию мне!
Я слышу в светлой вышине
Жильцов воздушных песнопенья;
В густых кустарниках пылает
Цвет розы ярко-огневой.
Так блеск стыдливости живой
Румянцем девственным играет
В ланитах девы молодой.

Не страшны севера угрозы; —
Вершины пальм и гибки лозы
По резвой воле ветерка
Перегибаются слегка.
Так соком гроздий упоенный
Легко кивает головой.
Вблизи ручей уединенный
Чуть слышной крадется волной,
Как сон безмолвною мечтой,
Пред первыми тенями ночи
Младенца усыпляя очи.

Делибюрадер.

К ФАННИ

Зачем, прелестное дитя,
Ты улыбаешься так нежно?
Зачем рукою белоснежной
Меня манишь к себе шутя,
Лаская страстью безнадежной?

Лукавый взор я понял твой,
Он не родил в душе волненья;
Твой поцелуй без наслажденья
В час упоения немой,
В минуты сладкого забвенья.

Но ты, о Фанни, ты мила!
Мила невинностью прекрасной;
Природа стан твой сладострастной
Для тайной неги создала,
И все волшебнице подвластно.

Все к очарованной манит,
Все дышит свежей в ней красою;
Счастлив, кто девственной душою
Твой милый взор воспламенит
Любовью пылкой и живою.

***

ФРАНЧЕСКА РИМИНИ
(*Отрывок из Данта*)

Франческа — одна из первых красавиц своего времени — была дочь Гвида да Полента, богатого владельца равенского. Вступив по принуждению в брак с Ланчиоттом из Римини, знаменитым по роду, но безобразным и грубым по нраву, она влюбилась в его родственника Павла — прекрасного молодого человека. В один несчастный день Ланчиотто застал любовников за книгою и обоих умертвил. Их-то тени в аде рассказывают Данту про свою любовь.

(*Inferno. C. V. v. 73—138*) *

Я начал: о Поэт, о вождь мой [1], я охотно
Желал бы речь склонить к сим дружным двум теням,
Которые летят, как ветерок бесплотной!..

А он мне: можешь ты при встрече с ними сам
Просить их именем любви взаимнонежной,
Водящей их везде, и — не откажут нам.

Тут прямо к нам их ветр приносит скоробежной.
Кто вы? — я произнес, сквозь слезы говоря,—
Кто вы, несчастные, откройтесь нам надежно!

Как нежны горлицы, издалека узря
Гнездо птенцов своих, бьют радостно крылами,
Скорее долететь желанием горя,—

---

* (Ад, песнь V, ст. 73—138) (*лат.*).— *Ред.*

Так, от Дидоны [2*], к нам примчались с облаками
Две тени легкие, одеты тайной мглой,
Приятно тронуты моими к ним речами.
«О смертный ласковый! с чувствительной душой,
Пришедший навестить сквозь воздух ночи мутный
Два существа, чья кровь кропила прах земной,—
Ах! если б были мы к Творцу миров доступны,
Просили б дать тебе покой, бегущий нас,
Ты движим жалостью к нам, нежностью преступным!
Когда ж ты хочешь знать, откуда началась
Причина наших бед,— мы все открыть готовы
Теперь, когда затих подземных ветров глас:
Страна, где краткий век послал мне рок суровый,
Цветет на взморье, там, где Эридан [3] бежит
В пучины отдохнуть, презрев земли оковы.
Любовь, которая так рано сердцу льстит,
Она несчастного моей красой пленила —
Которой нет уже — и душу скорбь тягчит!..
Любовь любимому,— любить определила; —
Она так сладостна была душе моей,
Что я и здесь ее, как видишь, сохранила!..
Любовь нас привела обоих к смерти сей!
Тот в муках сам теперь, кто нас лишил дыханья...»
Так говорила нам одна из двух теней.
И я, растроганный, узнав про их страданья,
Поник главой, чтоб скрыть свою печаль от них;
Но мне мой вождь сказал: О чем твои мечтанья?
Тогда, пришед в себя от тяжких дум моих,
В каком, промолвил я, отрадном упоеньи
Застиг последний час двух несчастливцев сих?

[2*] Прежде сего упомянуто о Дидоне [2], с коей Франческа и Павел находились вместе.

И, обратясь к ним вновь, сказал я в умиленьи:
Сколь мне чувствителен, Франческа, жребий твой,
Я плачу о тебе и о твоем мученьи!
Ах! вздохов сладостных счастливою порой,
Скажи, чем начались любви очарованья?
Как разгадали вы язык ее немой?..
Она же мне в ответ: «Нет большего страданья,
Как сердцу вспоминать о счастливых часах
Во время горестей! — и жить без упованья...
Коль хочешь все узнать о наших двух судьбах,
Не скроем от тебя печальной нашей славы,—
Но я скажу, как тот, кто б говорил в слезах:
Однажды занялись мы книгой, для забавы;
Про Ланцелотову [3*] читали мы любовь,
Блаженства быть вдвоем не чувствуя отравы;
Не раз смущался взор и волновалась кровь,
И разгоралися и гаснули ланиты; —
Но ах! погибли мы, дойдя до тех листов,
Где милая к нему склонилась без защиты,
Уста его к своим улыбкой приманя...
И он, в ком все мои желанья были слиты,—
Весь в трепете в уста поцеловал меня —
И книга выпала из рук моих ослабших...
И далее в тот день с ним не читала я!..»

Аб. Норов.

[3*] Роман под заглавием «Любовь Ланцелота и Жиневры» [4], была тогда ручною книгою дам.

ВИФЛЕЕМСКИЕ ПАСТЫРИ[1]

Священная идиллия

В ночь, при наступлении часа рождения Спасителя, три вифлеемских пастыря, объятые непостижимым священным восторгом, начинают разговор, сообразный с волнующим их чувствованием. В этом разговоре старший передает младшим то, что он некогда слышал от раввинов.

Исайи, гл. 10, 11.

1-й пастырь

Последние лучи на западе погасли;
Спокойно все кругом, безмолвен холм и дол;
Не щиплет муравы ни агница, ни вол,
И дремлет чуткий конь, главой склонясь на ясли;
Не дремлем мы одни, объяты тишиной.

2-й пастырь

Нам спать в священный час?.. не знаю, что с тобой,
А я — я мысли полн неведомой, чудесной;
Во мне, играя, кровь живой струей бежит
И полну грудь то вдруг стеснит, то расширит,
Как будто, прилетев от высоты небесной,
Архангел вкруг разлил эдемский[2] аромат.

3-й пастырь

Свят, свят, свят Саваоф[3]! Превечный свят, свят, свят!
Благословен грядый Израиля спасенье!

1-й

Кого ты нам прорек, таинственный мудрец?

3-й

Внимать мне, юноши, в смирении сердец!
Пророческое вам внушаю вдохновенье:

*

«Высоко Ливанское древо [4] взнесло
Роскошное тенью прохладной чело,
И веки безвредно над ним пролетали,
И бурные ветры ветвей не измяли.
Гордися, Ливанское древо, красой.
Доколе твой день не настал роковой!..
Он близок; Всесильный подвигнет десницей
И древа не будет с грядущей денницей,
И в полдень — с прохладою сумрак слиян,
Как прежде, с него не сойдет на Ливан.

*

Тогда изыдет жезл из корене Ессея [5],
И нежный, и младой и стройный, как лилея.
Ему — начавшему подлунной жизни круг,
Всегда Аданаи [6] присутствен будет Дух,
Дух горней мудрости, Дух силы и совета,
Дух кротости святой, Дух жизненного света;
Почиет на его божественной главе
Дух страха и любви и веры к Егове [7];
И Царь, и Судия живущих неподкупной,
Он будет правдою судить земле преступной,
Смиренных вознесет, бессильных укрепит,
Насилье палицей железной поразит
И словом уст своих, нечестье избивая,

Блаженство водворит от края и до края —
И мир сошедший в мир обляжет холм и дол;
Тогда с медведями пастися будет вол
И агнец, не боясь, бродить между волками,
И тигры и козлы великими стадами
Пойдут, рассеются по пажити одной,
И будет лев, как вол, питаться муравой,
И звери, и овны делить не станут яствы,
И малое дитя их поведет на паствы;
И отрок, резвяся, коснется в забытьи
Змеи, и отойдет безвредно от змеи;
Тогда все божии созданья примирятся...

2-й

Смотрите, как лучи по небу серебрятся!
Смотрите на восток — там новая звезда
Невиданная никогда.

1-й

Нет,— это не звезда, но солнце чудной ночи,
Как ярко мечется оно к нам прямо в очи!

2-й

Каким сиянием рассыпалося там,
Где старец и жена с младенцем зримы нам!

1-й

Вы слышите ль с небес архангельское пенье?

2-й

Оно над яслями слилося в дивный глас.

3-й

И там благовестит Израиля спасенье.

1-й

Он сердце радостью священною потряс.

3-й

Младенцу, юноши, коленопреклоненье,
Се Тот, Кто предречен пророками [8] давно...
Велик и в малом бог, как он велик в великом:
Не мудрым, не царям, но пастырям дано
Его рождение узреть в вертепе диком.

ИДЕАЛ

Восточная повесть

Амру, сын Ребия[1], князь поэтов, родственник халифа Абдольмелека, рассказывал о себе следующую повесть:

В один день, когда я сидел дома и спокойно занимался чтением, вошла ко мне старуха. «Я хочу,— сказала она,— доставить тебе случай видеть такую красавицу, какая едва ли когда-нибудь существовала под солнцем, но с условием, чтобы ты с нею не слишком коротко обходился и дал бы мне обещание в словах своих быть скромным и благоразумным». Я поклялся ей Кораном.— Она завязала мне глаза, водила меня долгое время по разным переулкам и сняла наконец с глаз моих повязку.

Я очутился в великолепной палатке из красного бархата с большими золотыми цветами и наполненной прелестнейшими невольницами. Для меня был приготовлен табурет из черного дерева. Еще не совершенно опомнился я от моего удивления, как зашумел занавес, и женщина красоты небесной вышла и села подле меня. Мы разговаривали, смеялись и пели всю ночь. Пред наступлением утра спела она одну из моих песней, начинающуюся сими словами:

Ты, чьи перси белоснежны
Дышат негою живой!..

«Кто эта красавица с белоснежными персями, дышущими негою?» — спросила она у меня.— «Я ее не

знаю,— отвечал я,— это воздушный идеал стихотворца, или лучше — *Серна.*»

«Обманщик,— вскричала она, сильно ударив меня по щеке; — таковы-то вы все, стихотворцы! песнь твоя славится не только здесь, но даже в Геджасе [2], Ираке и Сирии, а ты уверяешь, что дело идет в ней о каком-то воздушном идеале. Невольницы, прогоните от меня этого лжеца!» С завязанными глазами проводили меня домой.

На другой день то же самое посещение старухи и то же предложение. Я принял условия и поклялся Кораном. Повязка была с меня снята в черной палатке с золотыми каймами. Моя красавица появилась окруженная своими невольницами, села подле меня и начала со мною разговаривать по-вчерашнему.

Часы пролетели как и в прошедшую ночь, посреди песней и шуток; наконец спросила она у меня, кто сочинитель известной песни:

Посреди трех дев прекрасных
Зрел ли ты меня вчера?..

«Я»,— был ответ мой.— «Ну кто ж были сии три красавицы?» — «Клянусь честью,— прервал я,— я их не знаю, и они существуют только в песни».— «Если так,— возразила она,— когда нет и тут ни одного слова истины, что ж понимал ты далее под выражением: я возгордился знаками благоволения,— если ты никогда ничего не получал. Сказывай, клеветник! — (При сих словах она сильно ударила меня по щеке.) — Невольницы, удалите его от очей моих!»

Я пришел домой с завязанными глазами и пылающею щекою. «Не отчаивайся!» — сказала мне при расставаньи старуха. Я бросился на постель, но сон от меня удалялся.

На другой день явилась старуха раньше обыкновенного, спросила о моем здоровье, и не имею ли я желания снова видеть мою красавицу. Я поклялся Кораном в сохранении тех же условий; но придумал в то же время средство узнать жилище прелестной незнакомки. Я окрасил свою левую руку сафраном, и как только мы приблизились к дверям палатки, то протянул ее к наружной половинке, как бы желая постучать в двери.

Повязка была с меня снята в палатке из зеленого атласа с большими серебряными цветами. Спустя несколько минут пришла красавица, села подле меня и весьма много смеялась, видя, что щека моя еще пылала от вчерашнего удара. Мы разговаривали о многих предметах, о различных приключениях, случившихся в Иемене [3] и Геджасе, о важнейших происшествиях арабской истории, о любви и ее удовольствиях. Мне казалось, что я был перенесен в рай. Наконец спросила она у меня: кому принадлежат известные стихи:

Носилки мимо пронесли,
Я не видал очей,
И мне лишь слышался вдали
Приятный звук речей;
Но ветерок игривый вдруг
Покров ее унес,
И от ланит ее вокруг
Разлился запах роз.

Я назвал себя сочинителем.— «Кто ж эта красавица в носилках, которую ты не видел, но только слышал, и с которою ты, как видно из продолжения песни, был счастлив в паланкине?» — «Сжалься надо

мною,— сказал я,— прелестнейшая из женщин. Я ничего другого на это отвечать не могу, как только то, что сказал вчера и третьего дня».— «Поэтому ты лжешь и клевещешь на женщин, ты негодяй, недостойный быть в их сообществе. Невольницы! накажите его как он заслуживает».— Они бросились на меня, избили и исцарапали ужаснейшим образом; наконец старуха вывела меня с завязанными глазами; но вместо того, чтобы сей раз проводить меня до дому, как делала прежде, слышал я, как она на улице приказывала кому-то, давая ему деньги: «поди, отведи сего человека с завязанными глазами в дом поэта Амру, сына Ребия, большого негодяя; я никогда более не посещу порога его жилища».

Казалось мне, что я не дождусь минуты, когда дойду до дома. Я бросился на постель; но не мог закрыть глаз. Все случившееся со мною и боль от полученных ударов удаляли сон от ресниц моих.

При наступлении дня собрал я всех своих невольников, приказал им отыскивать дом или палатку, у которых правая половинка дверей была окрашена сафраном, и обещался тому, кто отыщет, дать в награду тысячу червонцев. Еще до полудня пришел ко мне с радостным лицом один из посланных.— «Хорошая весть, наш добрый господин! я нашел двери, которых правая половинка носит отпечаток руки, обмоченной в сафране».— «Эта та самая»,— вскричал я вне себя от радости, отсчитал ему тысячу червонцев и велел тот же час вести себя к означенному месту.

Как же велико было мое удивление, когда я увидел, что замеченная мною палатка была из числа принадлежащих принцессе *Мерве*, дочери царствующего халифа Абдольмелека. Немедленно приказал я вблизи

раскинуть свой шатер и прогуливался довольно долго вокруг, с тем намерением, чтобы принцесса могла меня заметить. Как скоро она увидела, что я открыл ее, то вышла ко мне навстречу, подняла свое покрывало и сказала: «послушай, Амру, ужели нет в тебе охоты сочинить песню из своего приключения; по крайней мере ты не подвергнешься опасности прибегать ко лжи и не будешь иметь надобности изобретать ударов подобно своим идеальным красавицам!»

Я отвечал ей без всякого приготовления стихами, внушенными мне нежнейшею любовью и которые скоро разнеслись повсюду. Молва, ими возбужденная, и слух о перенесении моей палатки в непродолжительном времени достигли даже до двора халифа, в то время находившегося в Дамаске. Он изъявил дочери своей желание ее видеть, и я сопутствовал ей в сем путешествии в числе ее свиты; но пламень страсти снедал меня, и я был очень болен, сам еще того не зная.

В расстоянии двух переходов от Дамаска прибыли посланники объявить принцессе, что халиф со всеми вельможами поколения Оммиадов [4] идет к ней навстречу. Шествие скоро приблизилось.

Халиф, сойдя с лошади, вошел в палатку, и поздравляя принцессу с благополучным ее прибытием, сказал ей: «Дочь моя, ты должна, для соблюдения приличия, въехать в город ночью, дабы никто тебя не видел».— «Охотно, если так вам угодно, батюшка,— отвечала она,— впрочем, для меня все равно, видят ли меня или нет».

При выходе оттоле халиф заметил мою палатку и спросил, чья она? — «Амру, сына Ребия»,— отвечали

ему. Я приблизился и приветствовал его, по установленному обычаю, сими словами:

«Благодать и милосердие божие да будут над тобою, Повелитель правоверных!» — «Ни того, ни другого тебе не желаю»,— отвечал халиф.— «Дозволь знать мне, Повелитель правоверных, почему обходишься ты ныне со мною столь сурово?» — «Несчастный, разве не ты стихами своими обесславил дочь мою!» — И он в то же время произнес стихи, сказанные мною принцессе, когда она вышла из палатки.— «Выслушай меня снисходительно, государь, стихи сии нимало не касаются принцессы, они посвящены красоте идеальной, которая, как твоему величеству известно, существует только в воображении поэта».— «Ты лжешь,— сказал улыбаясь халиф, с мгновенно переменившимся выражением лица, и весьма важным голосом продолжал: — Женат ли ты?» — «Нет, государь, но желал бы иметь только одну жену — дочь твою»,— отвечал я с твердостью.— «Если так, то возьми же ее,— продолжал халиф,— я соединю тебя с нею».

Упоенный радостью, я воскликнул: «чем мог заслужить столь великое счастие невольник Повелителя правоверных? Как мог я — слабый луч солнца твоего могущества, сделаться достойным союза с величайшим монархом нашего времени!»

— «Пословица говорит,— прервал халиф: — *кто о покрывале спросит, тот его и купит*»,— и приказал немедля призвать судью и свидетелей для заключения брачного договора принцессы. Он дал ей пятьдесят тысяч червонцев приданого. Свадьба была праздновала на месте. Я прожил с нею три года, счастливейшие в моей жизни, потом она умерла и оставила мне на память три жемчужные нитки, которые и в могилу будут сопровождать меня.

О.

БЫЛЬ

Однажды молодой Фрасифрон, прогуливаясь с толпою других юношей по улицам афинским, увидел на перекрестке человека, продававшего большой брус белого мрамора. Осматривая его со всех сторон, юноша не мог надивиться его гладкости, нежной белизне и яркому на нем отражению лучей солнечных, как вдруг подошел человек важного вида, скромно закутанный в темную епанчу, и спросил о цене мрамора. «Десять мин [1],— отвечает продавец,— меньше ни овола [2],— десять лет уже, как он вывезен из Пароса [3]». Незнакомец отсчитал требуемые деньги и, приказав положить массу на близстоявшую повозку, пошел за нею молча.

«Счастлив тот, у кого есть деньги, на которые можно купить такой прекрасный мрамор! — думал про себя юноша. Между тем повозка в виду остановилась, он ближе подошел, и что же увидел? Молчаливый незнакомец, составив массу на подставки с помощью раба, подле нее сел и железным долотом стал ее обивать без всякой пощады.

«Безрассудный! — сказал громко Фрасифрон товарищам своим, в то время подошедшим,— заплатить десять мин за чудесный мрамор, чтобы его испортить».

Незнакомец услышал сии слова и, обратясь холодно к юноше, сказал ему: «друг мой, ты неопытен; если бы ты имел понятие о том божестве, которое хочу я изобразить из сего камня, то не стал бы укорять меня в безрассудстве.»

— «Слушай сумасброда! — воскликнул юноша со смехом; — он всегда найдет для себя оправдание». За ним все юноши в один голос повторили, указывая пальцами: «он сумасбродный, чисто сумасбродный!» — и удалились, сопровождая приговор свой язвительными насмешками. Говорят, что некоторые даже, поднимая обломки, отшибенные незнакомцем от камня, бросали оными в него, но по счастию не попадали.

Сей мнимый сумасбродный был ваятель Фидиас [4], а божество, которое он действительно вскоре иссек из того камня, была Паллада, заступница афинян [5].

Великий истукан через несколько времени был выставлен на позорище народу, и громко славили афиняне великого художника. Молва о том достигла до слуха Фрасифронова; он вспомнил свою слабоумную дерзость и, встретив обиженного Фидиаса у подножия статуи, бросился обнимать его колена и со слезами говорил:

«Прости, богоподобный сын Хармида [6], если я по обломкам безобразным дурно судил о великом замысле души твоей. Приятно было для очей моих отражение ярких лучей солнца в гладкой мраморной массе, и я не мог без горести видеть ее разрушения. Но теперь я знаю, что ты не хотел ее разрушить, а усовершенствовать; и когда смотрю на созданный тобою образ, он озаряет мою душу каким-то неземным, божественным сиянием, которое стократ предпочитаю прежнему солнечному блеску. Прими мое раскаяние и научи меня твоему художеству».

Фидиас внял юноше и сделал Фрасифрона ваятелем искусным.

P. S. Читатели верно рассмеются, когда скажу, что послужило поводом к сей повести. Помещик, один из моих давних знакомцев, споря со мною однажды, говорил: чего хотят эти ученые? Сколько веков, как люди пашут, и с голоду не умерли. Зачем переменять освященное годами?

Несколько дней спустя я дал квиетисту[7] прочесть быль о моем Фрасифроне.

В. Т.

АМЕЛА *

Есть растенье на земле;
Но земля в роскошном лоне
Отреклась его питать,
И, бездомное, на клене
Иль на дубе вековом,
Приютясь, цветет и зреет
И пернатым сладкий плод
На ветвях своих лелеет.

Есть созданья на земле —
Чада высшего рожденья;
Часто им приюту нет
У детей роскошных тленья;
Всем просторно на земле,
Лучшим в мире — в мире тесно...
Чада божьи! — не роптать; —
Дом ваш там — в дали небесной

Р.

* Амела (Viscum album G.) есть кустарник из рода паразитов, растущий на деревьях, особенно на дубе, клене и липе. Друиды полагали в ней нечто священное. *Р.*

ДРЕМЛЮЩАЯ ДРИЯДА[1]

Чело прелестное и негой полный взгляд,
    Невинной грации ланиты,
Улыбка на устах, блестящих перлов ряд
    И локон сей полуразвитый,
    Лежащий на груди твоей:
    Все, все меня обворожает!..
Как сладко дремлешь ты под сводом сих ветвей,
    Где с тихим ропотом ручей
    В цветах чуть видимый сверкает!..
Но мысль ревнивая смущает разум мой;
Проснись, прекрасная! страшись... нескромны взгляды!..
Быть может, дерзкий фавн[2] вечернею порой
Придет на шум ручья, чтоб отдохнуть душой
    В объятьях дремлющей дриялы.

***

ЕРМАК

Путник

Младой остяк [1]! — ненастье в поле!
Останови твой быстрый бег!
Моей стези не видно боле,
Ее занес пушистый снег!

Остяк

Стою, о путник! — хладной дланью
Тебя приветствует остяк!
И ты, быть может, вслед за ланью
Гонялся в ледяных степях?
Я сам с пернатою стрелою
Опередил встающий день;
Мы позднею сошлись порою,
Нас ночи настигает тень!

Путник

Я весь продрог,— мои ресницы
Одною льдиной обросли.
Меня не греет мех куницы.—
Остяк! — куда мы забрели?

Остяк

Куда? — Иртыша ты не знаешь? —
На чьих же, путник, мы брегах,
По ширине его узнаешь,
Хотя засыпан он в снегах!
Когда бы лето — гласом бурным
Иртыш проговорил бы сам!

Раз бросив взор к валам лазурным,
Уж не забудешь; всем рекам,
И даже вою Енисея,
На ловле часто я внимал:
Но выразительней, сильнее
Иртыша — нет, я не слыхал!
Смотри, уж вьюга перестала,
Здесь недалеко мой курень;
Я не хочу, чтоб нас застала
На этом бреге ночи тень!

Путник

Чего ж боишься?

Остяк

Не бояться
С младенчества учились мы;
Стрелою меткой защищаться
Привык остяк! — у нас домы
Не безопасны от набега —
А мы — беспечно в кущах спим
На глыбах родственного снега.
Но деды правнукам своим
В рассказах мрачных передали
Молву о грозном мертвеце,
Чей призрак часто здесь видали!

Путник

Я вижу на твоем лице
Весь ужас грозного преданья;
Но сей мертвец — скажи, кто был?

Остяк

Его мудреное названье,
Я прежде помнил, но забыл;
И нам ли знать о том, что было?
Поверь мне, путник; — в сих полях
Мне, кроме ланей, все постыло;
И если бы не тени страх,
Скитающейся над брегами,—
Я позабыл бы мертвеца! —
Он залит бурными волнами!

Путник

Скажи — что ж слышал от отца?

Остяк

Вот видишь, путник: много, много
Прошло холодных, бурных зим
С тех пор, как бранною тревогой
Иртыш сердитой был грозим.
Отколь? зачем? — я не открою,
Но бурной вьюгой притекли
Сюда, к убийственному бою,
Другого племя остяки;
Они друг друга убивали,
Везде лишь кровь текла одна,—
Снега с полей уж не смывали
Войны багрового пятна.
И вот однажды — ночь застала,
Здесь, на иртышских берегах,
Пришельцев.— Все меж ними спало,
Забыв о мстительных врагах.
Они ж — стрелами разбудили
И смертью отогнали сон!

Но челноки пришельцев плыли
Среди кипящих, грозных волн.—
Их вождь был скован из железа,
И нашей смерти чужд он был!
В Иртыш,— ночною полный грезой,
Прыгнул, проснулся и поплыл.
И близок был к ладьям союзным —
Быть может он бы досягнул,—
Иртышу показался грузным —
Иртыш взревел — он потонул!
Чу! слышишь треск? —

Путник

Лед проломался
И затрещал.

Остяк

Неправда! — Он
На наши речи отозвался! —

Путник

Тебя тревожит грозный сон.

Остяк

Что говоришь? взгляни: — поднялся
Из-подо льда живой мертвец!
Он нам грозит! — Он так являлся —
Другим! — так сказывал отец!
Он в волны путников сзывает!
Огонь, огонь в его очах!
Смотри — он льдину подымает! —
Он бросит в нас! — Ермак! Ермак!

Путник

Ермак?

Остяк

Мне страх напомнил имя!
Беги! Беги! —

Путник

Тебя ль, герой —
Иртыш залил неумолимой
И погребальною волной?
Великого покрылась сила.—
Утешься, грозный богатырь! —
Пускай Иртыш твоя могила! —
Надгробный памятник — Сибирь!

А. М.

ИДЕАЛЫ
(*Подражание Шиллеру*)

Веселье жизни и страданье,
Вы покидаете меня;
Дни юности — очарованье,
Златое время бытия!
Помедлите: не возвратятся
Ни юность, ни любви обман.
Напрасно! Быстро-быстро мчатся
Дни в вечность, волны в океан.

Угас луч ясный, озарявший
Дорогу первых дней моих;
И душу некогда пленявший,
Волшебный глас мечты затих...
Я верить перестал надежде:
Так часто испытав: *не верь*,
Что так прекрасно было прежде,
Добыча истины теперь.

Как некогда, пылая чувством,
Художник камень оживил [1]
И в сотворенное искусством,
В холодный мрамор, душу влил:
Так юностию пламенея,
Природу я объял душой,
Согрел, вдохнул... и жизнью вея,
Она раскрылась предо мной;

И разделяя упоенье,
Она немая прорекла,

Души постигнула волненье
    И голос сердца поняла;
Тогда для юноши все жило,
    Я мертвое одушевил,
Со мною эхо говорило,
    Я чувство в камне находил.

И в отраженьи полном, новом
    Весь мир хотел я в грудь вместить,
Предметом, видом, звуком, словом
    Все силилось, стремилось жить,
И пышным мне сей мир казался
    В очаровательной дали;
Но с опытом восторг умчался,
    А пылкость годы унесли.

Надеждой смелой окрыленный,
    За путеводною мечтой,
Заботами неотягченный,
    Я быстро жизни шел стезей;
Не ужасало отдаленье;
    Казалось, и пределов нет
Остановить души стремленье,
    Отважный юности полет.

И колесница жизни мчалась...
    Вокруг нее и перед ней
Толпа, играя, увивалась
    Сопутников весны моей:
Души восторг, души отрава,
    Любовь с блаженством на устах,
С богатством счастье, с лавром слава,
    В небесных истина лучах.
Но я едва ль на полдороге?..
    А их давно запал и след,

Изменой в жизненной тревоге,
Друг за другом, давно их нет.
Любви цвет нежный не раскрылся,
Моя надежда не сбылась;
Луч истины святой затмился,
С годами юность пронеслась.

Я зрел, завистною рукою
Срывали с славного венок;
И скоро с быстрою весною
Минул любви недолгий срок;
И я, в безмолвии глубоком,
По тернам, брошенный, блуждал,
И только на краю далеком
Еще надежды луч мелькал.

Где ж спутники? Куда девался
Воздушный, легкокрылый рой?
Кто утешителем остался
И верно следует за мной?..
Ты, исцеляющая раны
И скорби горестей земных,
О Дружба, неба дар желанный,
Ты счастье ранних дней моих.

И ты, с которым Дружба вдвое
Всегда полезней и милей —
Ума занятие святое;
Ты неприметно, но верней
Души волненье укрощаешь.
Наскучив жизни пустотой,
К тебе стремлюсь — ты возвращаешь
Душе и твердость и покой.

В. А...д...ов.

ПИСЬМО О РУССКИХ РОМАНАХ

Что ни говори, любезный друг, а мы подвигаемся вперед, я вижу это ясно и на моем термометре: почта из Москвы в Петербург, например, ходит теперь шесть раз в неделю, вместо двух; газет печатается гораздо большее количество экземпляров, нежели прежде; — сидельцы и дворовые люди, приходящие за ними по середам и субботам в университетскую книжную лавку, собираются кружками и читают их на улице, прежде своих хозяев; самые плохие учебные книжки печатаются шестыми и десятыми изданиями; в обществах наших заводится иногда речь мимоходом и о литературе и пр. и пр.

Вчера было блистательное собрание у графини О...— Пред ужином, когда молодые люди наплясались, пожилые нагляделись, а престарелые наигрались в карты,— все собрались в кружок около стола, за которым сидела хозяйка, и начался разговор общий. Сперва похвалены были, как водится, все присутствовавшие взаимно друг другом, потом отпущено было несколько насмешек и косвенных замечаний на счет многих отсутствовавших, и наконец старик У... бросил камешек о Вальтере Скотте и о вновь вышедшем романе его «Вудстоке» [1].— Тут полились, разумеется, разногласные суждения об этом писателе, который достался у нас в добычу всем, и профанам, и посвященным: всякому хотелось намекнуть, что он читал или Маннеринга, или Аббата, или Антиквария [2] — «Как жаль,— сказала графиня О.,— что мы не можем иметь Вальтера Скот-

та».— «А почему же не можем, позвольте вас спросить, сударыня?» — промолвил я, слушавший дотоле в молчании наших аристархов.— «Причина ясная: у нас нечего описывать: древние русские — варвары, а новые — подражатели. Наш характер не имеет никаких отличительных признаков,— везде утомительное однообразие, такое же почти, как и на земле нашей, которая состоит из ровной степи».— «Вы позабыли о Кавказе, Крыме, Сибири».— «Они на краях».— «Так согласитесь по крайней мере, что наша нищета от богатства. Вам кажется, что не сто́ит труда упоминать о краях, между тем как эти края больше иной середины: наш Крым, наш Кавказ...» — «Но в истории нашей нет Кавказа...» — «Я покажу вам Шимборазо [3], если только вы согласитесь смотреть на нее не в уменьшительное ваше стекло».— «Вы конечно хотите променять мне его на увеличительное?» — «Нет, для России не родился еще Гершель [4] — но мы отклонились от Вальтера Скотта».— «Да, да, скажите же нам, что можно описывать у нас Вальтеру Скотту?» — воскликнули вдруг несколько голосов, и все гости оборотились ко мне с торжествующим видом, как бы предугадывая мое замешательство.— Мне должно было поднять перчатку, хотя и очень не хотелось говорить... Я окинул взорами моих строгих судей и произнес им следующую речь:

Самое начало нашей истории представляет богатую жатву писателю.— Здесь может он изобразить в противоположности три народа — норманнов, словен и греков, из коих каждый стоял на своей ступени образования и резко отличался своим характером от другого. Я обращу ваше внимание только на *некоторые*

черты, дабы вы могли видеть, какое мог бы сделать из них употребление романист. Сперва о норманнах. Сим мужественным сынам Севера не жилось на родине; какое-то беспокойство внутреннее выгоняло их из северных пустынь Скандинавии,— и они, путеводимые звездами, знакомые с ветрами, плавали по всем морям европейским, купечествовали, искали везде войны и опасностей, грабили берега и, обремененные добычею, обогащенные познаниями, возвращались домой пировать и рассказывать своим соотечественникам о чудесах виденных и совершенных.— Словене, напротив, смирные, покорные, любили жизнь оседлую и спокойную и подвергались игу завоевателей почти без сопротивления. «Кому даете вы дань?» — спрашивает Олег у радимичей [5].— «Козарам» [6].— «Не давайте козарам, а мне давайте!» — и они дают дань Олегу. Аскольд и Дир по дороге овладевают Киевом [7]; Владимир ниспровергает в Днепр кумир Перунов пред киевлянами и велит им креститься [8].— «Выдыбай наш Боже!» — восклицают они к своему плывущему богу, а сами идут на Почайну [9].— Наконец, греки, народ образованный, но изнежившийся, ослабелый, развратный, с пресыщенною душою и притупленными чувствами, действует только хитростями и кознями.— Не любопытно ли видеть встречу сих народов, впечатления, взаимно одним над другим произведенные; — норманскую лодку, словенскую хижину и великолепные чертоги цареградские и проч. и проч.? Вот полотно, по которому романист может вышивать всякими узорами, и сколько исторических узоров у него под рукою? — Водворение норманнов в земле новгородской [10], бунт Вадима [11], дерзкий поход Аскольда и Дира под Константинополь [12], ужас греков, буря и принятие устрашенными варяга-

ми христианской веры [13], чудесные походы Олеговы [14], брак Ольги [15], отмщение древлянам за смерть Игореву [16], путешествие ее в Царьград, торжественное принятие императором, крещение [17], походы бранноносного Святослава на турецкие народы [18], нападение печенегов [19], междуусобные войны сыновей его [20], гибель Полоцка, невеста Ярополкова Рогнеда за Владимиром, убийцею ее родителя и жениха [21], ее ревность и неудачное мщение, проповедники христианской веры в Киеве, посланники по странам европейским для наблюдения религий [22], поход под Корсунь [23], крещение [24], двор Ярославов — убежище несчастных государей [25], связь сего князя с европейскими государствами, браки дочерей его [26], монастыри с своими первыми, благочестивыми иноками.— Впрочем, романы, коих содержание взято из сего периода, должны быть облечены в одежду *пиитическую*: мы не можем принимать обыкновенного романического участия в лицах Свенельдов [27], Рогнед, Владимиров,— они слишком далеки от нас, и действия их слишком не похожи на наши; — но со времени Ярослава, и еще более со времени монголов, страсти и вообще отношения русских между собою определяются, и жизнь принимает форму более *прозаическую.* Здесь приходят в соприкосновение с русскими еще четыре народа различные — немцы поселяются на севере, в Риге, италианцы на юге, в Крыму, дикие литовцы нападают на Россию с запада и монголы с юго-востока.— Какое обширное поле открывается русскому романисту! Он может вывести на сцену весь Восток со всеми блестящими его картинами, и сих грозных завоевателей, кои из ущелий азиатских являлись периодически в Европе для обновления вырождавшихся ее жителей; он может представить Ита-

лию, в которой начала заниматься тогда заря просвещения,— даже Крестовые походы [28] могут войти эпизодически в его описания. В России же вот что преимущественно должно привлечь на себя его внимание: шумные вечи в Новгороде [29]; междуусобия граждан в стенах и единодушие за стенами в войне против врагов святой Софии [30]; отношение новгородцев к князьям своим, коих они и призывали и выгоняли по своей воле; гордость их в сравнении с унижением других россиян, преклонявших выю свою пред ханами; походы вольницы новгородской на Пермь и Вятку [31]; торговля с Ганзою [32]; первое упражнение нашего ума политического в происках при Золотой Орде [33]; жизнь монголов, их увеселения и проч. Одно семейство Михаила Тверского [34] представляет ряд происшествий наизанимательнейших: отец гибнет невинною жертвою своего властолюбивого племянника и враждебных обстоятельств,— сын не может снести вида злодея, пред глазами хана лишает его жизни и погибает сам; другой сын разбивает татар, напавших на область его, и после многих приключений для спасения отечества предает себя во власть ханскую, получает прощение и принимает княжение из рук третьего брата, который добровольно уступает ему оное. Не забудем и о сыне Андрея Боголюбского Георгие [35], который царствовал в Грузии; о жизни Александра Невского. Характеры Иоанна Великого, Грозного, Годунова, Лжедимитрия, Шуйского, Софии, Петра можно вывести на сцену едва ли не с таким же успехом, с каким Вальтер Скотт вывел Елизавету (в «Кенильворте»), Марию Стуарт (в «Аббате»), Кромвеля (в «Вудстоке»), Иакова (в «Ниджеле»), Каролину (в «Эдинбургской темнице») [36]. И в каких происшествиях являются сии лица!

При Иоанне Великом: уничтожение прежнего феодального правления, принятие удельных князей ко двору великого князя [37], свержение монгольского ига, политическая связь с славным крымским Менгли-Гиреем [38], переговоры с Польшею и Литвою, покорение республиканского Новгорода [39]. При Иоанне Грозном: угнетение бояр, опричники, покорение Казани, Астрахани [40], связь с Англиею [41], жизнь Ермака, войны ливонские, польская. При Годунове происки князей рюрикова племени. При Лжедимитрие поляки в России. При царе Алексее Михайловиче присоединение малороссийских казаков к России [42], народные бунты и проч. и проч. При Петре Великом иностранцы в России, борьба невежества с просвещением, стрельцы, путешествие, заговоры Софии [43] и пр. и пр.

Вот некоторые *общие* происшествия, в которых русский романист может заставить свои лица принимать участие. Творить же сии лица, представлять их отношения между собою, изображать их страсти, изобретать частные происшествия — есть уже, разумеется, его личное дело.—

Теперь скажу несколько слов о других выгодах русского романиста. В России есть все религии, начиная от язычника, от северного зверолова, который надеется на том свете иметь самую обильную оленью ловлю, до мудреца, постигающего христианскую веру во всем ее высоком величии. Наши раскольники, скажу мимоходом, представляют черты, которых не имеют и пуритане шотландские [44],—

Далее: в России видим мы все степени образования. Сколько, например, водится еще в наших провинциях г-ж Простаковых, кои каждое воскресенье ездят к ранней обедне, по середам и пятницам пьют чай с

липовым медом, и между тем не пропускают ни одного дня без того, чтоб не разделываться по-свойски с своими сухощавыми челядинцами. Сколько есть у нас Тарасов Скотининых, кои за все свои протори[45] и убытки, начиная от тысячи, заплаченной за борзую собаку, до тысячи, проигранной на бубновую двойку, доправляют с бедных крестьян своих и холопей,— и мытьем и катаньем! Сколько, ах! сколько есть у нас Митрофанушек, и городских и сельских, кои под руководством разных Вральманов готовятся служить отечеству и, научившись шаркать, прыгать и болтать по-французски, затвердив сотни каламбуров и плоских острот, являются на паркете большого света и кружатся на оном без цели и без плана. Сколько есть у нас напыщенных магнатов, кои гнилые свои пергаменты ставят выше всего на свете,— выше всякого ума, выше всяких познаний! —

Какое различие у нас в званиях! У каждого есть свой язык, свой дух, своя одежда, даже своя походка, свой почерк. Одним языком говорит у нас священник, другим купец, третьим помещик, четвертым крестьянин. Как легко различить на улице по походке сидельца, одетого по-немецки, но руками меряющего ленты,— или философа-семинариста в неразрезанном долгополом сюртуке, с косичкою, подправленною под шейной платок, который идет учебным шагом и шопотом напевает важные кантаты! — или молодого подьячего в фуражке набекрень, с тросточкой в руке, с отвагой в глазах!

У нас есть мало частных странностей, это правда,— ибо мало еще технических идей в обороте, но есть характеры, достойные кисти Скоттовой, например, наши сутяги (хотя и не похожие на г. Сельдтри

в «Эдинбургской темнице»), которые дышат апелляциями, исками и взысками; наши хлебосолы, у которых всякий день что в печи, то и на стол мечи; наши охотники до пения, которые с таким же участием говорят о каком-нибудь новом напеве, как г. Ольдбук говаривал о вновь найденной медали [46], наши закоснелые невежды, которые ненавидят просвещение и готовы гнать с остервенением всякого, кто осмеливается любить оное.

Наконец, мы имеем много обычаев, коих искусственное описание может произвести великое действие; например, ведение к присяге, сговоры, девишники, соколиная и псовая охота, кулачные бои и пр.—

У нас есть все климаты: здесь лапландец ест мерзлую рыбу, которая тает у него в желудке; там крымский татарин, томимый зноем, с трубкою в руках, сидит целый день над рекою, опустив в нее свои ноги. Здесь едва ведется мох, выгребаемый северным оленем из-под снегу; там виноград роскошно зреет на полуденном солнце.

У нас есть все местоположения — и Шотландии, и Швейцарии, и Италии, у нас... «Ну так что ж вы не пишете!» — воскликнули некоторые из моих слушателей, выведенные из терпения длинною моею речью, которой и конца не видно было.— «Милостивые государи,— отвечал я им смиренно,— неужели вы думаете, что тот, кто может обжигать кирпичи, может и выстроить римскую церковь Св. Петра [47]? неужели...» Но тут толстый дворецкий, с салфеткою в руке, громким голосом воскликнул, обращаясь к хозяйке: *кушанье поставлено*,— и все гости, возбужденные сими душистыми словами, с удовольствием на лицах встали с мест своих и потянулись за нею парами, позабыв и Вальтера Скотта, и его романы, и русскую историю, и все на свете.

Погодин.

ТРИ ИСТИНЫ

«Уж не бывать добру, батюшка Иван Алексеевич, от вашей дурной привычки — не гасить света, когда ложитесь в постелю»,— говаривал мой старый дядька Еремеич, когда бывало застанет меня заполночь с книгою в постели. Я любил его, и потому всякий раз после такого намека тихо гасил свечу и принимал твердое намерение вперед не читать в постели! — Желание мое было произвольным, но, как обыкновенно водится, привычка сильнее. Мне уже сорок пять лет, а и теперь еще каждую ночь горит свеча у моей постели; часто читаю до трех часов утра. Где бы я ни был, даже и в дороге, при всей усталости, мне кажется, я не в состоянии был бы заснуть, не прочитав нескольких страничек. *Все к лучшему*, говорит старая русская пословица, а пословицы, как сами знаете, дети истины, и моя прошедшая ночь докажет это в полной мере.

Я читал до глубокой полночи; предмет сочинения на немецком языке — «Черты из русской истории» — был в столь близком отношении к собственному моему расположению в ту минуту, что я никак не мог оставить книги: следующее место возбудило во мне особенное любопытство:

«Ислам Гирей [1], обладатель Крыма, заключивший новый союз с казаками, предложил битву королю польскому. Храбро подвизались поляки, но они были несчастливы; двенадцать тысяч воинов пали под ударами татар, и сам король едва мог искупить свободу великою суммою денег. Перемирие на несколько дней

последовало за сим кровавым происшествием, обе стороны вступают в переговоры, соглашаются и дают клятву положить оружие. Вследствие заключенного мира разлучаются союзники: гетман уводит своих казаков на родину; но Ислам, не почитающий вероломство преступлением, переменяет путь и обращается к Литве.

Один из знаменитейших вельмож сей области с приличным богатству его великолепием торжествовал в то время свое бракосочетание. Родственники невесты и его собственные собрались по сему случаю в замке, куда приглашено было и первейшее дворянство окружностей. Совершенная безопасность, в которой по-видимому находилась страна сия, отдаление ее от поприща войны, наконец волшебный свет радости, обыкновенно разливаемый счастливою любовию на предметы, нас окружающие, способствовали к соделанию сего празднества богатым наслаждениями. Вкуснейшие яства и отборные вины, лучшая музыка, какая только могла существовать в то время, искуснейшие танцовщицы, блистательное и пылкое юношество погрузили многочисленное собрание в совершенное упоение радости и восторгов. Взоры жениха счастливого безмятежно покоились на прелестях и красоте стыдливой невесты.

Но внезапно изменилась сцена! Гирей и его полудикие сподвижники окружили замок; все делается добычею грабежа, меча и пламени. Драгоценнейшие сосуды, золотая и серебряная утварь, наряды и украшения насилием обращены в собственность грабителей. Их хищные руки увлекают женщин; отчаянный жених разлучен с невестою, которой за несколько перед сим часов дал клятву в верности и которая была для него

залогом будущего благополучия в жизни. Гости, друзья и родственники, отцы, матери и дети, все лишены свободы и обречены на тяжкую неволю. Кто оказывает сопротивление, того убивают; сдавшиеся добровольно поруганы. Бедствие достигло последней степени; пролитая кровь слилась с пламенем; ужас, посрамление, неволя или смерть венчали день, посвященный радости».

Здесь прекратил я чтение и погасил свечу, желая избежать неприятных впечатлений; но позорища злодеяния в темноте, меня окружавшей, тем живее представились душе моей, а пылкость воображения рисовала все ужасы подобного зрелища с их малейшими оттенками. Вид трепетной и умоляющей невесты беспрестанно возобновлялся передо мною; я видел ее с отчаянием во взорах, неподвижно стоявшую на коленях с воздетыми к небу руками: она, казалось, желала спросить небо, за что карает ее оно таким злополучием? — «Бедное, несчастное творение!» — воскликнул я, растроганный в глубине души моей,— для чего не жила ты в другой стране или двумя сотнями лет позднее? — Теперь, по крайней мере, благодарение богу, мы не имеем надобности страшиться татар и не подвержены внезапности их нападения. В наше время всякий имевший счастие найти девушку, которая...» — Но тут связь идей невольно привела мне на память другую, жившую в соседственном со мною доме и с которою я давно уже вступил в первоначальные любовные сношения. Читатели, конечно, догадаются, что она не имела цветущих прелестей миловидной полячки, но эти достоинства тленны; были также люди, называвшие ее устарелою красавицею, но и то справедливо, что сорокапятилетний искатель невесты не дол-

жен подобные обстоятельства почитать слишком важными. Если же принять в уважение чрезвычайное расположение мое с самого детства к металлам, особенно к благородным, каковы серебро и золото, и то, что девица Гликерия-Армида была в состоянии вполне удовлетворить этой невинной склонности,— после всего этого, конечно, всякому покажется весьма естественною твердая с моей стороны решительность питать к ней любовь чистейшую. С восходом солнечным, думал я, рассветет и для ней денница счастия; пробуждение моей Дульцинеи [2] будет ознаменовано появлением нежной записочки с разительным изображением в ней всех прекрасных надежд на будущее; а теперь, в ожидании вожделенного утра, пусть перенесет меня тихое забвение в волшебную страну сновидений, где заблаговременно мог бы насладиться *звонкими* прелестями моей богини! Но я напрасно призывал сон, напрасно умолял причудливого Морфея [3] хотя об одном из тех маковых зернушек, которыми этот бог так щедро осыпал все меня окружавшее: весь дом и весь город покоились в глубоком сне, не слышно было ни одного движения жизни,— один я бодрствовал.

Вдруг пробегает яркий свет по моей комнате. Невольно пришли мне на мысль татары! Обращаюсь к окну и вижу с ужасом огромный столб пламени, развивающийся по двору, и дождь искр, падающий перед моими окнами. Выскочить на крыльцо и закричать из всех сил: «пожар! пожар!» — было с моей стороны делом одной минуты. Вскоре появились люди, и по всем углам дома раздались клики ужаса. Поспешно разбудив слугу, я в несколько минут привел в совершенную безопасность все свое движимое имение, перетащив его к одному поблизости живущему прияте-

лю. Замешательство было всеобщим, почему немудрено, что я не прежде мог прийти в самого себя и увериться в своей досадной ошибке, как уже после вторичного переселения на старое жилище. Не гостиница, в которой я жил, была объята пламенем, но соседственный дом частного человека. Боязливое предчувствие пробежало по моим жилам: стремлюсь к горящему дому и вижу исполнение своего предчувствия: жилище избранной мною было добычею пламени. Простирая руки, подобно прекрасной полячке, стояла также и она, но не в великолепной одежде свадебного пиршества, а в прозрачном покрове первой ночи. Вдвойне трогательны были прелести польской невесты в минуту ее отчаяния; моя же возлюбленная при роковом зареве пожара имела неосторожность выказать прелести, от которых дрогнуло мое сердце. Ее временное благо превратилось в пепел, а моя любовь — в воду...

Медленно возвращаюсь в гостиницу. Здесь все уже было в движении; двор наполнился людьми, и пожарные трубы действовали с удивительным искусством, уничтожая влияние близкого пламени на кровлю нашего дома. Для сохранения порядка появился отряд конницы. На крыльце встретились со мною многие в гостинице живущие путешественники, и в том числе дочь одного богатого помещика, которую я и прежде несколько раз уже видел. Я имел теперь снова свободное сердце, следовательно такая встреча показалась мне тем более благоприятною. Незнакомка стояла, опершись на железные перилы; я подошел к ней, спросил, не испугалась ли она настоящего происшествия, позаботился об ее здоровье и получил живейшую благодарность. «*Конечно*,— сказала она,— *я испугалась,*

и теперь *еще не могу успокоиться совершенно. Попробуйте, сударь, мои руки, они как снег холодны»,*— и мне поданы были ручки, сравнение которых с снегом, по крайней мере относительно белизны, было самое приличное. Я тихо жал их своими; между тем яркий свет пламени, отражаясь на лице ее, придавал ему истинно волшебное очарование. Будучи не в силах более владеть собою, я приблизил ее руки к своим устам и в полном упоении восторга произнес: *«О как завидна участь смертного, которому жребий доставит некогда этот залог земного блаженства!»* Удивленная таким приветствием, она несколько минут смотрела на меня в молчании, потом, освободив свою руку из моей, улыбнулась и указала мне на отряд конницы. *«Вот, милостивый государь, тот счастливец, о котором вы говорите, начальник отряда и мой жених, посмотрите!»* — Более от стыда, нежели из любопытства — увидеть счастливого, я наклонился к перилам и в то же мгновение был облит целым запасом пожарной трубы, весьма неискусно, по-видимому, направленной на крышу дома. Мне слышен был смех незнакомки; но я не мог уже ее видеть. Облитый с головы до ног холодною водою, я скрылся в свою комнату и там, снова ложась в постелю, решился историю этой ночи, в которую потерял разом двух невест, сохранить для позднейшего потомства, особенно же ради нравственного ее достоинства; ибо читатель мыслящий для собственного успокоения легко может извлечь из ней следующие три истины:

1). Ночное чтение в постели не совсем еще заслуживает порицание, когда мы, почувствовав приближение сна, рачительно будем гасить свечу.

2). Кто хочет жениться, тот должен это сделать

в молодости. Брюзгливая старость иного, *может быть*, наградит благоразумием; но она *конечно* отнимет у всякого любезность и привлекательность, которые только одни в состоянии удержать в оковах женское сердце.

3). При каждом любовном похождении надобно как можно более остерегаться быть поблизости трубы пожарной; ибо такое неприятное и холодное купанье, как мое, мгновенно истребляет самое сильное пламя любви. Не внимающий же истине да не жалуется на насмешки.

***

М. А. Д-ВУ

Не спрашивай меня напрасно,—
Ты не узнаешь, кто она!
Как вздох любви она прекрасна,
Как майский день душой ясна!..
Мои тяжелые печали
И охладевшие мечты
Глубоко в душу мне запали,
Зачем их знать желаешь ты?
Увы, мой друг, твое участье
Теперь уж не поможет мне;
Пускай тебя лелеет счастье,
Со мной лишь горести одне
Пускай живут! — я дружен с ними;
Страшись, страшись изведать их!
Мой друг! с летами молодыми
Все минет — время счастья — миг!
Лови его, пока ты молод,
Пока кипит младая кровь;
А мой удел сердечный холод
И безнадежная любовь!..
Я не был счастлив близ прекрасной,
Моя душа тоски полна...
Не спрашивай меня напрасно,
Ты не узнаешь, кто она!

В. Астафьев.

ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ ФЛОРЕНТИНЦЕВ *

Отрывок из Данта

(Paradiso C. XV. v. 97—126)

Когда Флоренция была в ограде древней [2],
Всем колокол один часы распределял [3]; —
Невинна и скромна — она была блаженней!
Ни камни, ни жемчуг, ни пагубный метал
В венцах и поясах на девах не сияли; —
Взор страстный прелести одни их замечал.
Они родителей заране не смущали,
К замужству требуя приданых дорогих —
И мер имуществ их, и лет не забывали;
Семейственных домов не зрели мы пустых;
Не зная роскоши искусств Сарданапала [4],
В домах живали мы, а не в дворцах златых; —
И зрелища на Рим с вершины Монтемала;
Не пристыжал еще с Учелатои вид [2*] [5];
(Но быстро вознесясь, ты быстро и упала!)
Вельможа Берти [6] был не мене сановит
В ременном поясе,— а добрая подруга
Не красила тогда пред зеркалом ланит.
Знавал я Векия, знавал и Нерли [7],— друга,—
Лосиной кожею рядилися они,—
А жены их пряли и ткали от досуга.

---

* Речь прапрадеда Дантова [1] в раю.

2* *Монтемал:* гора по дороге из Витербы, откуда открывается Рим. *Учелатоя*: другая гора, с которой Флоренция видна во всем блеске.

О жизнь невинная! о счастливые дни!
Когда в земле родной могилы мы имели —
И жены без мужей не гаснули одни!..
Там матерь юная, приникнув к колыбели,
Тем самым языком склоняла к сну дитя,
Каким отец и мать ее ласкать умели;
Другая, веретено в кругу родных крутя,
Рассказывала им о доблестных римлянах —
А дети доброму училися шутя.

Аб. Норов.

СМЕРТЬ СВЕНОНА[1], ДАТСКОГО ЦАРЕВИЧА

Из «Освобожденного Иерусалима»

(C. VIII, ott. 4—39)

. . . .

Все тихо в стане. Вот на вал
Восходит рыцарь юный.
«Кто б воины,— он говорил,—
Кто б, чада благодати,
Меня, пришельца, проводил
К вождю Христовой рати [2]?»
И рой их, жадный до вестей,
Пришельца провожает;
Пришлец, склонясь к вождю вождей,
Победну длань лобзает,
Ту длань, пред коей столько раз
Народы трепетали:
«О вождь,— потом, возвысив глас,
Сказал сквозь слез печали,—
Тебе, который славой дел
Дивиться мир заставил,
Я б весть отрадней дать хотел...»
Тут он, вздохнув, прибавил:

«Свенон, сын датского царя,
Опора лет преклонных,
Давно желал, преплыв моря,
Стать в строи ополченных
Тобой на божиих врагов,
На хищников Сиона.
Ни смерти страх, ни страх трудов,

Ни блеск завидный трона,
Ни нежность чувств любви живых
К отцу в преклонны лета
Не ослабляли ни на миг
В душе его обета.

Свенона из родной страны
Манило в край далекий
Желанье — у тебя войны
Заимствовать уроки;
Безвестность в стыд ему была;
Он слышал,— рыцарь юной —
Ринальд [3] свершил уже дела
Великие в подлунной;
Но боле юношу влекло
Из отческого края
Желанье — увенчать чело
Нетленной пальмой рая.

Он со́брал, рвением горя,
Отважные отряды,
Преплыл холодные моря,
Прошел фракийски грады [4],
Был принят греческим царем
В Царьграде с пышной честью.
Там, встреченный твоим гонцом,
Обрадован был вестью,
Как верными осаждена,
Взята Антиохия
И от врагов защищена
В дни битвы роковые.

В те дни, когда в защиту ей
Со всех концов Фарсиса [5]

Из градов, весей и полей
  И стар и млад стеклися.
Пересказав о сей борьбе
  Дружин твоих крылатых,
Гонец поведал о тебе,
  О многих из вожатых;
Открыл, как из дому бежал
  Матильдин внук [6] прелестной,
Как славу он меж вас стяжал
  Отважностью чудесной.

Потом прибавил твой гонец,
  Что вы уж у Сиона,
Что близок славных дел конец,
  И приглашал Свенона
С полками верных остальной
  Победой поделиться.
Царевич после речи той
  Желаньем битв томится,
Горит, кипит, и каждый час
  Ему казался годом;
Так он желал в бою меж вас
  С неверным стать народом!

Он каждый ваш ко славе шаг
  Считал себе упреком
И, жалкий в собственных глазах,
  В терзаньи был жестоком;
Давал ли кто ему совет,—
  Совета уклонялся;
Всем страх, ему лишь страха нет,
  Он одного боялся:
Не быть всегда в твоих глазах,
  Стремясь стезей кровавой,

С тобою не делить в боях
    Опасности со славой.

И сам спешил и нас он влек
    С собой навстречу рока.
Едва рассветный ветерок
    Повеял от востока,—
Он — панцирь с мужеством на грудь —
    Из Византии душной
Идет, избрав кратчайший путь,
    И мы за ним послушно.
В пути не избегал Свенон
    Ни трудных переходов,
Ни пепелищ со всех сторон
    Враждебных нам народов.

Везде беды навстречу нам:
    Там трудность переправы,
Там бледный голод по степям,
    Там меч врага кровавый;
Мы шли наперекор всех бед
    И все преодолели,
И думали в чаду побед,
    Что уж касались цели.
Как счастие слепит умы!
    Приближась к Палестине,
Однажды к ночи ставки [7] мы
    Раскинули в долине.

Тут горестную принесли
    Нам весть передовые:
Им звук оружий невдали,
    Знамена развитые

И все сказало: близок враг,
Идущий с страшным войском
И не объял Свенона страх,
И на лице геройском
Все тот же цвет, и речь лилась
Из уст, как прежде, стройно;
Мы побледнели, он на нас
Возводит взор спокойной.

«Друзья! — сказал он наконец,—
Здесь рок нам неизследной
Плетет страдальческий венец,
Или венец победной;
Не хладен к пальмам я земным
И — льщуся пальмой рая;
На месте сем, где мы стоим,
Неверных ожидая,
Воздвигнется священный храм
Грядущими веками
И воскурится фимиам
Над нашими гробами».

Сказав, расставил стражу он,
Весь стан привел в порядок,
В оружьи дал вкусить нам сон —
И сон наш не был сладок,—
И сам оружий не снимал,
На нем и щит и латы.
Уже полночный час настал,
Слетели сны крылаты,—
Вдруг варварский раздался вой
Во мраке ночи мирной
И ужасом над глубиной
Откликнулся эфирной.

«На брань! на брань!..» и вождь младой
Как вихрь — грозы предтеча —
Вперед с отвагой огневой
И — закипела сеча;
Настал ужасный битвы час,
Открыт пир бранной стали;
Враги со всех сторон на нас
Нахлынули и сжали;
Мечей и копий лес густой
Растет, возрос пред нами,
И стрелы тучей градовой
Упали над главами.

В бою, где сто на пятерых
Отважных наступало,
Во мраках полночи глухих
Их много-много пало
На копья наши и мечи —
Кто раненый, кто мертвый;
Но кто б исчислил в той ночи
И их и наши жертвы?
Завистливая ночи мгла
От нас их утаила
И наши славные дела
Безвестностью покрыла.

Свенон все впереди, Свенон
И в самой тьме полночной
Повсюду виден, отличен
От всех по длани мочной;
Везде опора он полков,
Везде он смелых чудо,
Пред ним, за ним ручьями кровь
И трупы вражьи грудой,

И где ни пролетит, там страх
С очей его провеет,
И смерть с руки на каждый взмах
Неотразима реет.

Так бились мы, пока взошла
Денница молодая;
Едва над бранным полем мгла
Рассеялась густая,
И свет желанный нам открыл
Весь ужас пораженья,
Который мрак ночной таил,
Скрывал от сожаленья:
Мы видели — почти весь стан.
Все силы наши пали,
И трупы бедных христиан
Все поле устилали.

Две тысячи нас вышло в бой,
Осталось сто, не боле.
Что чувствовал наш вождь младой,
Взглянув на бранно поле,
Была ль душа его тверда,
Смутилась ли, кто знает?
Он это скрыл и, как всегда,
Спокойный, к нам взывает:
«Идем за падшими вослед
Кровавою стезею!
Друзья! нам светит горний свет,
Нас бог зовет к покою».

Сказал и с светлостью лица
И с светлою душою,

При виде близкого конца,
   Стремится снова к бою;
На сердце мужество лежит,
   Как мужество Гиганта,—
И ни из чистой стали щит,
   Ни щит из адаманта,
Казалося, сдержать не мог
   Ударов стали бранной,
И — весь он с головы до ног —
   Весь стал одною раной.

Не жизнь — нет! но она, но пыл
   Геройства негасимый
Поддерживал еще, крепил
   Сей труп неукротимый;
Платя ударом за удар,
   Он ран своих не слышит,
Чем боле их, тем боле жар
   В груди бесстрашной пышет.
Вот воин на него с толпой —
   Взор страшен, стан высокой —
Напал, боролся и — герой
   Пал под рукой жестокой.
Пал наш бестрепетный герой,
   Пал, не отмщенный нами!..
Клянуся, вождь бесценный мой,
   И кровью и костями,
Которыми ты освятил,
   Прославил поле брани,
Клянусь — я жизни не щадил,
   Не бегал вражьей длани,
И я, когда б мне бог судил
   Пасть мертвым в час кровавый,

И я бы вечным сном почил
С поборниками славы.

Меж мертвых спутников моих
Один я, чувств лишенный,
Пал жив... что было в этот миг,
Не знаю; мрак сгущенный
Во мне все чувства оковал
Каким-то сном холодным.
Когда ж я вежды приподнял
Движеньем несвободным,
Казалось, час полночный был
И в смутные мне очи
Дрожащий огонек светил,
Мелькая в мраке ночи.

На все в изнеможеньи сил
Смотрел я как-то смутно,
Как человек, который был
В просоньи поминутно;
То открывал, то закрывал
Отяготевши очи.
Я на сырой земле лежал
Под хладным кровом ночи;
И этот одр земли сырой,
И этот воздух хладной,
Касаясь ран, меня тоской
Терзали безотрадной.

Благословляя тайный рок,
Я скрыл под сердцем ропот.
Меж тем дрожащий огонек
Все ближе — слышу шепот;

Я поднял, ободрясь душой,
Тяжелые ресницы;
Гляжу—два мужа предо мной,
На дивных власяницы [8],
В руках свещи, и был мне глас:
«Бог чад не оставляет,
Он благостью в нежданный час
Мольбы их предваряет».

Так говорил один из них
И, руку простирая,
Благословлял меня в сей миг
Благословеньем рая,
И что-то надо мной шептал
И тихо и невнятно:
«Восстань!»—потом он мне сказал.
Вняв речи благодатной,
Я встал и бодро и легкó;
Мне так отрадно было!
На теле раны никакой,
Дух полон новой силой.

Я взор вперил на пришлецов
С глубоким изумленьем;
Они казалися мне снов
Чудесным привиденьем.
Тут мне сказал один из них:
«Спокойся, маловерной!
Не призраки в очах твоих
В пустыне сей безмерной;
Ты видишь в нас рабов Христа;
Отрекшися от света,
Мы скрылись в дикие места,
Наш мир — пустыня эта.

Тот бог, Которым все живет,
Тот бог, Чья длань для чуда
Высокого не небрежет
Скудельного сосуда [9],
Которым я предизбран был
Тебе на избавленье; —
Тот дивный бог благоволил
Дать телу прославленье;
Оно — и здесь прекрасный храм —
Цвело душой прекрасной,
С которой сопряжется там —
В стране блаженства ясной.

Ты понял ли меня, мой сын?
Знай, прежде чем денницу,
Увидишь ты средь сих долин
Свенонову гробницу,
И будут чтить ее всегда
Благоговеньем веры.
Взгляни, как солнце, к нам звезда
Блистает с горней сферы;
Она, осиявая грудь
Почившего героя,
Тебе укажет верный путь
К одру его покоя».

Я мужу дивному вослед
Подъял на небо очи,
И вижу — от звезды той свет,
Иль свет от солнца ночи
На труп Свенонов полосой
Нисходит золотою,
И — ярко раны были той
Озарены звездою;

И этот свет, и в ранах грудь,
Поивша жажду стали,—
Едва лишь я успел взглянуть,—
Узнать вождя мне дали.

Лицом лежал он не к земли,
Но к небу, где желанья
Его от первых дней цвели,
Где зрели воздаянья;
В одной руке, сжав крепко, меч
Держал он свой багровый,
Как будто в грозной буре сечь
Еще разить готовый;
Другую ко груди прижал
В сердечном умиленьи,
Как будто душу изливал
Пред господом в моленьи.

Меж тем, как в тяжкой скорби я
Рыдал, над трупом стоя,
Катились слезы в два ручья,—
Пустынник у героя
Взяв меч из длани, говорит,
Дыша святой любовью:
«Ты видишь, сын мой, он горит
Еще враждебной кровью.
О! как пред этим острием
Неверные дрожали!
Ты знаешь,— на шару земном
Нет крепче этой стали.

Увы! владевший ею пал;
Но небу не угодно,

Чтоб он — сей чудный меч дремал
    И ржавел здесь бесплодно;
Его удел — руке другой,
    Счастливейшей достаться,
Счастливей в буре боевой
    И долее вращаться,
И наконец в желанный день
    Отмстить за эти раны,
За смерть твою, святая тень,
    И близок день желанный.

Свенона Солиман [10] убил,
    В свой час и Солиману
С меча Свенона рок судил
    Приять смертельну рану.
Возьми ж сей меч и к верным в стан
    Бестрепетной стопою
Ты протечешь вдоль чуждых стран
    Безбедною стезею;
Тебе никто не преградит
    Пути чрез степь, чрез грады;
Тебя Пославший отстранит
    Незримо все преграды.

О! не забудь, мой сын, ты был
    Чудес Его сосудом,
Он глас тебе твой возвратил
    Неизреченным чудом;
Твой долг — дать весть во все места,
    От хижины до трона,
О чистой вере во Христа,
    О мужестве Свенона,
Чтоб и в грядущи времена
    Народы и владыки,

Как он, взяв крест на рамена,
　　Шли Гроб спасать Великий.

Теперь узнаешь ты, кто он —
　　Счастливец тот наследной,
Которому предобречен
　　Свенонов меч победной;
Счастливец тот — Ринальд младой;
　　Он первый в поле боя;
Ему назначено судьбой
　　Отмстить за смерть героя».
Безмолвный, я еще речам
　　Внимал его священным,
Вдруг чудо новое очам
　　Предстало изумленным:

На месте, где лежал мертвец,
　　Гробницу примечаю,
Смотрю, дивлюся, наконец —
　　И как, и кем, не знаю —
Подъят и скрыт в ней хладный прах;
　　И письмена в скрижали
О имени и о делах
　　Почившего вещали.
Смотря на пышный мавзолей —
　　Созданье рук незримых,
Я долго не сводил очей
　　С него ненасытимых.

Раич.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Откуда слетели вы к нам, божественные девы? не небо ли было вашей колыбелию? и для чего променяли вы жилище красоты и наслаждения на долину желаний и усилий? Ваши пламенные взоры горят огнем неземным. Вы расточаете ласки свои смертным; но черты вашего лица, как бы предназначенного вечной юности, сохранили всю прелесть красоты девственной. Кто вы, небесные, откройтесь. Вы мне уже знакомы; не ваши ли волшебные образы летали предо мною в те счастливые часы, в которые я мечтал о лучшем мире? не вас ли везде ищет мое воображение?

Мы сестры, отвечала первая богиня, и все трое царствуем во Вселенной; но не нам принадлежит венец бессмертной славы, он будет вечно сиять на главе нашей матери [1]. О смертный, ты часто восхищался этим миром, с восторгом взирал на все тебя окружающее: мы все видимое тобою украсили. Я старшая из сестер, и меня первую послала мать для того, чтоб оживить Вселенную в очах твоих; я указала тебе этот круглый шар, который плывет в воздухе; я вознесла взоры твои на сие небо, которое как свод его обнимает, я рассеяла эти горы с утесами, которые как великаны возвышаются над долинами; мой искусный резец образовал каждое дерево, каждый лист, каждую жемчужину, сокровенную на глубине раковины.

Прелестно, воскликнула вторая богиня, прелестно было произведение сестры моей, когда я слетела с

неба; но взор напрасно искал разнообразия на земле бесцветной. Все было хладно, безжизненно, как те образы, которые представляют серые тучи в день пасмурный. Я взмахнула поясом, и радуги со всех сторон посыпались на землю, ясное светило загорелось в воздухе, по небу разлилась чистая лазурь и море отразило небо; — долины и леса оделись зеленым цветом, и я, довольная новым миром, возвратилась к престолу нашей матери.

Тогда и я слетела на землю, сказала третья богиня; прелестны были произведения сестер моих, но я напрасно искала в них жизни; ничто не улыбалось мне в природе, мертвая тишина царствовала на земле и стесняла мои чувства; я вздохнула, и вздох мой повторился во Вселенной; чувство жизни разлилось повсюду; все огласилось звуками радости, и все эти звуки слились в общую волшебную гармонию.

С тех пор, продолжала первая богиня, с тех пор воздвигнулись три алтаря на земле; я первая встретила смертного, и мне первой принес он дары свои. Он был еще странником на новой земле; все поражало его удивлением; все питало в нем то чувство гордости, которое невольно пробуждает первая встреча с незнакомым. Где найду я, говорил он, удовлетворение бесконечным моим желаниям, где найду предмет, достойный моих усилий? Я услышала сетования смертного и первая внушила ему смелую мысль похитить у бессмертных огонь, дающий жизнь. Я вручила ему резец, и вскоре мрамор оживился под его руками и человек окружил себя собственным миром. Они еще живы, священные памятники его усилий — его славы.— Их не коснулась все истребляющая коса времени. О смертный, стремись туда, где на развалинах столицы мира

гений минувшего основал свое владычество и, вызывая из праха протекшие столетия, кажется, посмеивается над настоящим. Вступи в сей храм бессмертный, где герои древности, бледные как произведения сна, в красноречивом безмолвии возвышаются около стен; вступи в сей храм, когда утренний луч солнца озарит сие величественное сонмище и будет скользить на белом мраморе; тогда ты познаешь мое владычество и присутствие тайного божества поразит тебя благоговением.

И мне повиновался смертный, воскликнула вторая богиня, и я была его сопутницей. Когда любовь пролила в сердце его свою очаровательную влагу, напрасно силился он резцом сестры моей изобразить предмет своих желаний. Взор его напрасно искал в очах изображения того же неба, которое таилось под ресницами прекрасной его подруги; напрасно искал краски стыдливости на мертвых ланитах мрамора; напрасно хотел он окружить образ возлюбленной очарованием бесконечного, к которому стремилась душа его и в котором являлся ему идеал прекрасной. И что ж? я дала ему кисть, и чувства его вполне вылились на мертвый холст, и мысль о бесконечном сделалась для него понятною. О смертный, хочешь ли видеть небо на земле, взгляни на сию картину,— взгляни, когда яркий луч полдня прольет на нее свет свой — ты невольно падешь на колена и тогда познаешь мое владычество.

Настало и мое царствование, промолвила последняя богиня. Случалось ли тебе в безмолвии ночи слышать волшебные звуки, которые тайною силой увлекают душу, тешат ее надеждою и заставляют забывать все окружающее? Это торжество мое. Ты переносишься тогда в новый мир, ты думаешь быть далеко от земли и ты в самом себе. В тебя вложила я таинст-

венную арфу, которой струны дрожат при каждом впечатлении и служат как бы дополнением всего, что ты чувствуешь в природе. Не пламенная радость, не улыбка гордости выражают мое владычество; нет! слезы тихого восторга напоминают смертному, что мне покорено его сердце.

Мой слух прикован к устам вашим, бессмертные богини; но где та, которой вы уготовляете венец славы,— где храм, в котором возвышается престол ее, из которого она предписывает законы свои Вселенной?

О смертный! весь мир престол нашей матери. Ее изображал и мрамор, и холст на земле; ее прославляли лиры песнопевцев; но она останется недосягаемою для чувств смертного — наша мать — Поэзия; вечность — ее слава; Вселенная — ее изображение.

Веневитинов.

НЕ СБЫЛОСЬ

J'ai payé cher la vérité.
M. Mézes *.

Великие люди не верят случаю. Подчиняя или думая подчинить все действия силе воли своей, они не хотят признать участия обстоятельств ни в удачах своих, ни в несчастии. Для них *не сбылось* есть следствие ошибки собственной в расчете, а не следствие, как мы, люди обыкновенные, думаем, столкновения обстоятельств, разрушающих часто самые обдуманные предположения прозорливой нашей мудрости. Вопрос в умозрении еще не решен: выиграли ли бы люди, приняв мнение первых, или, согласно убедившись в справедливости заключения большинства? Почитая в деле важном каждый голос значащим, осмеливаюсь присовокупить к сумме доказательств оппозиции мнения людей великих одно, стоившее мне лепоты телесной, глаза, невесты и выгодного места. Прошу милостивого внимания.

Я родился в Р., небогатом провинциальном городке. Первая неблагосклонность судьбы: надобно было случиться, что в то время, когда суждено было мне вступить в эту юдоль плача,— не было вакансии повыгоднее и в столице.— Мы, провинциалы, никогда не можем дойти до той степени в искусстве *искать*, в какой постигают ее жители столичные. В столицах только мож-

* Я плачу́ дорого за истину. М. Мезе. (*франц.*).— *Ред.*

но приобрести высокое знание: угладить дорогу к почестям услугами, по которой непривычные тащатся спотыкаясь, думая опереться на заслуги.— А если рассмотреть, как это искусство нужно для успехов в жизни и как оно трудно приобретается в известных уже́ летах, то парадокс с первого взгляда: *родиться в провинции — потеря*, становится неоспоримою истиною.— Родившись не уродом, по естественному порядку вещей, я мог бы и вырасти таковым, но *не сбылось*! В городке нашем ходила оспа, медиков было мало, или и совсем не было (число их — замечу мимоходом — относительно бывает не к количеству больных, но к возможности платить), ждали избавителя из соседнего города; он приехал, но поздно, для меня по крайней мере: мать-природа предупредила, и как на зло моему физиогномисту, безжалостно испестрила зеркало души моей [1]. Не понимая в детстве выгод гладенького личика, я и не горевал об нем; но с возрастом опыт горько растолковал мне обиду судьбы. Я увидел, что в действиях людей успех гораздо более зависит от первых впечатлений, нежели сколько они думают. Как немного встретил я таких, которые имели глупость, не доверяя наружности, доискиваться какой-то красоты внутренней! Очевидность собственная, что я, при сравнении даже с посредственностию в проигрыше, поселила во мне застенчивость, недоверчивость к самому себе и мешает пользоваться даже и теми средствами, в которых я, может быть, не уступаю другим.—

Вышедши из оспы с изразцовым лицом, я страдал и глазами. Нашелся наконец и благодетельный оператор, сделал мне операцию со всевозможною систематическою точностию, и я — без глаза. *Не сбылось* определение природы, чтобы я на красоты ее смотрел

двумя глазами!..— «Просвещай за то умственные очи»,— говорили мои наставники; я слушался; но заметил впоследствии, что люди подшучивают над мудростью одноглазого.—

Не покажется мудреным и то, что, потеряв половину чувства, нужного для странника по кочковатому пути жизни, я ковыляю по нем хромой и горбатый. Зацепившись однажды левою ногою, ударился об камень, и вот я — точная копия знака вопросительного, невольно с каждым шагом нарушающий перпендикуляр, принимаемый Бюффоном [2] за один из главных признаков, отличающих человека от животных.

Юность моя прошла. Имев *чем* жить, я хотел, чтоб было бы и с *кем*. Но легкое для других, для меня было невозможно. Характер мой имел все те же неровности, которыми щеголяла моя наружность. Я с неудовольствием находил в себе разборчивость, обещавшую сделать из меня симметрическое продолжение Крыловской басни «Разборчивая невеста» [3], только под другим, красивейшим названием.— Случай свел меня с фамилиею П **. Недостатки мои телесные выгодно для меня гармонировали с их недостатками хозяйственными, и я был принят хорошо. Находили в характере моем все нужные условия для благополучной жизни домашней; славили жизнь семейную, и я удвоил старания около М *, старшей дочери моих доброжелателей. Дело близилось уже к концу, как случайно или по судьбе на горизонте нашего провинциального неба явилась звезда, которая по многим ощутительным отношениям ко мне, была первой величины. Наблюдатели наши не ошиблись: я потерпел затмение. Случай был обыкновенный, но гордость моя страдала ужасно: я был в *запасе*; это меня, как говорится, рвало́; но осмотрев-

шись на досуге и сообразив свои поступки, я назвал себя глупцом за прошедшее. Опыт меня научил, что привязать к себе людей нельзя даже готовностью самопожертвования.— Ошибка в расчете, думал я после, с горестью услышав, что и М * не выиграла при перемене.

Не сбылась лучшая из надежд моей жизни.—

Завязка жизненной драмы моей не удалась; одно действие, занимательнейшее, кончилось: пришла пора любочестия.— Я имел неосторожность простодушно верить тому, что написали люди в книгах о чести, почестях, о средствах к оным и пр. и пр., и с первого раза увидел, что все сказанное и написанное об этом было — чистая ирония; как мало шло прямою дорогою и сколько зато окольными. Один ползком пробирался далее; другой с лицом умильным тихонько шагал вперед; тот забавляя и смеша протирался сквозь толпу; этот, услуживая с поклонами, благополучно шел за другими; за того бабушка кланялась; у этого тетушка шла впереди...

Не имея твердости — идти прямо одному, и слабости — пробираться с подпорою проселком, я своротил с дороги... и таким образом *не сбылось* предсказание моей покойной бабушки, которая, любуясь некогда своим внучком, прозревала во мне Колберта [4].

В. Андросов.

ВЫКУП ХОЛОСТОГО *

Слышу — в двери стучат, слышу — громко кричат:
«Кандалы на него! в тридцать лет не женат!»
Растворилася дверь, и замужних конвой
Ворвался, и раздался вакханский их вой:
«Кандалы на него! в тридцать лет не женат!»
— Кандалы тяжелы; но жена тяжелей! —
«Тяжелей кандалов?» — Тяжелей во сто крат! —
«Что с тобой толковать? выкупайся скорей!»
— Что хотите,— возьмите; не жаль мне казны;
Я жалею себя, я боюся жены.
Откупился... вперед не пугайте меня.
Провожаючи вас, не во гнев вам, скажу:
Кто мне скажет — *женись*, я как лист задрожу;
Я боюся жены, как холодного дня...
Я боюся жены, как меча, как огня.

* В Малороссии на масленице замужние женщины приходят к холостым мужчинам с кандалами и требуют выкупа за безженство. Почти такое же обыкновение было и в Лакедемоне.

РОЗАЛИИ

Погляди на эту розу,
Соименница ея!
И забудь судьбы угрозу,
Возмутившую тебя.

Видишь — как она, нарядной
Развивая свой покров,
Красотою ненаглядной
Расцветает меж цветов!

Видишь — как горит, играет
Радугой на ней роса,
И, играя, отражает
Бирюзовы небеса.

А вчера, как перестала
Буря, буйный ветр затих —
Роза смятая стояла
В крупных каплях дождевых.

Тучи грозные несчастья
Над тобою пронеслись,
Из очей,— как дождь ненастья,
Слезы мутные лились.—

Веря благости небесной,
Будь как роза ты душой! —
И блеснет твой взор прелестной
Светлой счастия слезой.

М—ч.

1826, мая.

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

На Севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий, подъемлясь, белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.

Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока
Под мирной лазурью на светлом холму
Стоит и цветет одинока...

Ф. Тютчев.

Минхен.

ПЕТРОНИЙ[1] К ДРУЗЬЯМ

(Из собрания стихотворений под названием «Эротическая лира древних»)

Други, время коротко!..
Завтра солнце в небе встанет,
Но меня уже не станет,—
Друг ваш будет далеко —
Там — на береге забвенья
За туманною рекой,
Где, как прежде, наслажденья
Не придут к нему толпой;
Завтра друг ваш будет тенью...
Отдадимте ж наслажденью
Ночь, последню для меня,
Всю до завтрашнего дня!..

Я у жизни был в гостях,
Смерть от ней меня уводит...
Друг ваш в мрак подземный сходит
С тихой ясностью в очах.
Праздник жизни миновался,
Я иду, куда зовут,
И счастлив; — я наслаждался,
Я сменял забавой труд...
Срок мой отжит,— завтра к тленью;
Отдадимте ж наслажденью
Ночь, последню для меня,
Всю до будущего дня!

Я у жизни на пиру

Пил, но ввек не упивался;
Пир веселый миновался,
Минет ночь, и поутру
Я на береге забвенья.
Завтра, может быть, у вас
Брызнут слезы сожаленья
Обо мне, друзья, из глаз;
Завтра друг ваш будет тенью...
Отдадимте ж наслажденью
Ночь, последню для меня,
Всю до завтрашнего дня!

Мне не много жить дано,
Уж и сердце холодеет,
И дыхание редеет...
Где Фалернское вино [2]?
Где наперстницы любови?
Дайте мне близ них помлеть,
Дайте разыграться крови
И в восторгах умереть!
Завтра друг ваш будет тенью,
Посвятимте ж наслажденью
Ночь, последню для меня,
Всю до будущего дня!

В чашах пенится вино...
Лида! чашу мне скорее!
Наливай ее полнее!
Мне не много жить дано...
Сладко! и дышу я чаще;
Но, веселие очей,
Лида! поцелуй твой слаще...
Поцелуй меня нежней!..
Завтра, друг, я буду тенью;

Отдадим же наслажденью
Ночь, последню для меня,
Всю до завтрашнего дня!

Полно, полно! я устал;
Пощади остаток крови,
Дева пламенной любови!
Срок лобзаний миновал;
Не играет кровь, хладея!..
Нет! не жрец уж боле я
Ни Киприды, ни Лепея [3]!..
На закате бытия,
Прежде, чем я стану тенью,
Посвятимте, други, пенью
Ночь, последню для меня,
Всю до будущего дня!

Где сын нег — Анакреон [4]?
Где поэт-мудрец Гораций [5]?
Где Тибулл — наперсник граций [6]?
Где божественный Марон [7]?
Где Назон сластолюбивый [8]?
Где Катулл [9] и страстный Галл [10]?
Где Проперций говорливый [11]?
Кто б в их лиры прозвучал?
Срок мой бтжит, завтра к тленью —
Посвятимте, други, пенью
Ночь, последню для меня,
Всю до будущего дня.

Раич.

ОТРЫВОК ИЗ СОЧИНЕНИЯ ОБ ИСКУССТВАХ

Не в песнях ли сокрыт волшебный дар чудес?—
Всемощный песни глас луну сводил с небес!

Мерзляков. VIII эклога Вирг⟨илия⟩ [1]

... Сколько удивительных рассказов о музыке древних! Питомец Меркурия Амфион [2], получив в дар от наставника своего лиру, очаровательными звуками оной воздвигнул Фивы.— «Как, звуками воздвигнуть город,— это невозможно!» — скажете вы.— Я и сам готов бы с вами не верить, мм. гг., если бы предание только этим ограничивалось; но оно именно говорит, что камни, тронутые сладостию его песней, сами клались один на другой, и таким образом построился весь город. Что может быть этого яснее! Да и сомневаться почти невозможно в этом событии! Известно, что природа с одинаковою щедростью всем равно уделяет свои сокровища, и если она особенною чувствительностию наделила фивские камни, то в замену этого фивянам дала каменное ухо. Все историки совершенно согласны между собою, что, за весьма малым исключением, не было глупее народа фивского в целой Греции.

К сему малому исключению принадлежит Линус, иначе называемый Этолинус [3],— знаменитейший музыкант своего времени и, как говорят, сын Урании и Амфимара, сына Нептунова. Несчастный вздумал учить Геркулеса музыке [4]; но видя, как неловко держал ученик его в руках своих лиру, не мог удержаться от

смеха,— и этот смех был последним в его жизни. Раздраженный Иракл, не привыкший переносить насмешки, своею лирою раздробил голову наставника. Пример поучительный для будущих поэтов, чтоб они в выборе учеников своих были вперед осторожнее и не всякому невежде передавали тайны божественного своего дара.

Кому не известна также история Ариона Матемнийского [5]? Осыпанный дарами Периандра [6], тирана Коринфа, радостный плыл он на корабле в свою отчизну Лесбос, как вдруг матросы сговорились между собою убить его, чтоб овладеть всеми его сокровищами. Тщетно обещался Арион добровольно уступить им оные; тщетно со слезами просил их, чтоб они только пощадили его жизнь. Злодеи были неумолимы. Видя неизбежную свою гибель, он заклинал их всем священным, чтоб они дозволили ему в последний раз сыграть на лире. Неохотно и с трудом на сие согласились.

Тогда поэт, исполненный высокого вдохновения, взыграл свою прощальную песнь, и перелив в струны, с невыразимой гармониею, все волнения души, бросился в волны. Но поверите ль,— о сила чудес! — певец не погиб. Дельфин, плывший близ корабля, прельщенный сладостию песней, принял его на хребет свой и благополучно донес его к мысу Тенара [7].— Счастливые времена, когда и камни были чувствительны, и рыбы пленялись музыкою! времена веков первобытных, мы никогда уже вас не увидим; но поэты позднейшие всегда с признательностию будут вспоминать об вас! Да, мм. гг., если в часы досуга, читая пленительные произведения наших знаменитых писателей, вас остановит вдруг или жесткое слово, или водяный стих, не спешите их осуждать в отступлении от гармонии и правил

вкуса. Верьте, что в этом была потребность их признательного сердца. Они хотели вам стороною напомнить о фивских камнях и водном обитателе, спасшем Ариона! В каком чувствительном веке живем мы!

Рассказывать ли об Орфее, как он игрою на лире останавливал течение рек, как хищные звери покидали свои берлоги и выбегали из дремучих лесов, чтобы внимать его песням, как наконец самые горы, растроганные дивными звуками, колебались в своем основании. Вы надо всем этим будете смеяться, вы назовете повествования мои баснями, хотя вся древность готова быть за меня порукою, и я предугадываю, что старания мои вас в том уверить едва ли будут успешнее трудов дочерей Даная [8]. Как бы то ни было, но стихи Виргилия [9] так красноречиво и убедительно доходят к сердцу, что я, признаюсь к стыду моему, почти в половину начинаю верить. Пусть сам поэт говорит за меня.

Описав внезапную кончину Эвридики, он, обращаясь к ней, продолжает:

Там, в слезы погружен — один с любовью сирой —
Там нежный твой супруг с сострраждущею лирой
Тебя, о свет очей! тебя у мрачных скал,
Тебя с денницею, тебя в час ночи звал...
И спящий в мгле Тенар [10] — преддверье вечной нощи,
И черным ужасом одеянные рощи
Бестрепетный прошел, проник во град Теней [11];
Пред грозный трон Царя отживших меру дней,
Пред дев, шипящими увенчанных змиями,
Неумоляемых ни стоном ни слезами,
Предстал — коснулся струн — воспел пришлец младой.

За сим следует превосходное описание Ада; посмотрим, какое действие произвела песнь Орфея.

И Тартар встрепенул от сладостного гласа,
По челам Евменид улыбка разлилася,
В отверстых Цербера трех зевах лай уснул,
И ветр, смежив уста, впервые отдохнул
На спящем колесе страдальца-Иксиона [12].

Вот истинное торжество музыки! Неумолимый Айдес уступил свою жертву. Юная, прелестная Эвридика незримо следует за певцом всемогущим.

Уже редела мгла; уже в преддверьи света
Любовью побежден, забывший глас завета,
Увы! стопой земле приник... взглянул... и весь
Мгновенно труд погиб...[13]

Оплакивая потерю возлюбленной супруги, он удалился от сообщества людей и степи и горы оглашал своими горестными стенаниями; и там, наконец, говорит Виргилий:

Там жрицы Вакховы [14] презрителя красот
На оргиях ночных при кликах растерзали
И члены по холмам и долам разметали;
Отторгнута глава от мраморных рамен [15]
Скатилась в бурный Гебр [16]; с хладеющих устен
Слетевший глас твердил с волнами: Эвридика!
И вторили брега уныло: Эвридика!!» *

Так окончил жизнь певец, единственный в древнем мире; впрочем мнение касательно его смерти не всеми

* Весь сей отрывок взят из перевода Виргилиевых Георгик г. Раича [17].

согласно принято. Некоторые утверждают, что он был убит громом,

И что древес в приветной чаще [18],
Где прах певца от взоров скрыт,
И соловьи льют трели слаще,
И роза пламенней горит.

Лира его помещена была в число созвездий,— а с ней вместе, кажется, взяты были на небо и его вдохновенные песни. То, что дошло до нас под именем Орфеевых гимнов, носит отпечаток позднейшего века, и если верить Аристотелю [19], которого Цицерон [20] приводит в свидетельство, то они суть произведения пифагорейца Церкона [21]. Другие приписывают их Ономакриту [22],— поэту, жившему во времена Пизистрата [23], тирана Афинского.

Некоторые сомневаются даже, существовал ли когда-либо сам Орфей; но таковых весьма немного, и они не заслуживают опровержений. Странная и, прибавлю, горестная участь великих гениев! Высокость их мыслей пробуждает уснувшую зависть современников; своим ядовитым шипением следит она все начинания их доблестной жизни, и если не в силах охладить небесного пламени, их согревающего; то не только на могилу, но и на самую жизнь силится набросить мрачную завесу небытия.

Так, например, если бы я вздумал упомянуть о Тамирисе [24], превосходном певце своего времени, который, как сохранило предание, был соперником муз и, наконец, побежденный ими, в наказание за дерзость свою, лишился зрения, голоса, рассудка, и даже лира его была разбита. Если бы начал говорить о Марсиа-

се [25], прославившемся игрою своею на флейте до такой степени, что многие даже почитали его изобретателем сего инструмента; если б я стал вам рассказывать о несчастном споре его с Аполлоном и, наконец, о гибельных последствиях оного, которые так живо и вместе ужасно описаны Овидием в его «Превращениях» [26]; вы бы мне начали смеяться в глаза, и со всех сторон посыпались бы на меня упреки, что я не умею различать лжи от истины, что я смешиваю баснь с историей.

Век наш — век скептицизма! мало верят преданиям; на все требуют доказательств, между тем как в древние времена никто не сомневался в песнях лебедя и в несравненно опаснейшем пении сирен!

Нет веры к вымыслам чудесным [27],
Рассудок все опустошил,
И покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников — их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливало душу,
Давало тело бестелесным!..
Счастливы древние народы!
Их мир был храмом всех богов;
И книгу матери-природы
Они читали без очков!..
Счастливы древние народы!
Наш век, о други, не таков *.

На все было время, скажете вы, тогда ум младенчествовал, воображение творило, а сердце верило. Тогда было прекрасное время, прибавлю я,— время юно-

* Стихи г. Тютчева.

сти человеческой природы! При всех усилиях ума приводить все в систему, много ли мы выиграли? — Самые успехи сего ума не во многих ли отношениях сомнительны? — Может ли разум в точности узнать истинные границы, где оканчивается мифология и возникает история? На чем будет он основывать свои доводы? — «На истине,— возразите вы,— которая там только существует, где свидетельство чувств не противоречит рассудку; если вы нам представите стихи Тамириса, если мы убедимся в их подлинности не одним свидетельством беспристрастного писателя, которое в таком случае недостаточно; но собственным, им приличным духом древности; если наконец найдутся памятники, подтверждающие наше мнение; тогда мы поверим, и готовы признать его лицом историческим».— Поэтому Марсиас существовал. Он родился во Фригии,— там льется и река, носящая его имя. Многие памятники изображают сего несчастного музыканта привязанного спиною к дереву с обращенными назад руками; пред ним стоит Аполлон, держащий в руке лиру. Этого мало: скульптура и живопись, наперерыв одна перед другою, старались его увековечить. В Риме, в самом Форумѐ [28], находилась его статуя, и вблизи оной было судилище. Ораторы, получившие успех, венчали оную цветами, в знак благодарности, и как бы желая привлечь к себе благосклонность того, кто был славен как отличный игрок на флейте; всем известно, какое сильное влияние имел в то время сей инструмент на декламацию и до какой степени мог он возбуждать ораторов и актеров. В Риме же, во храме Союза [29], находилась картина, изображающая связанного Марсиаса,— драгоценное произведение Зевксиса [30]. Этого мало: Павзаний [31] и Аполлодор [32] свидетельству-

ют, что кожа сего несчастного музыканта сохранялась в его отчизне — Целене [33]. Недостает только его сочинений; но и те нам не совершенно незнакомы. Так, например, слушая дурного музыканта, который фальшивыми звуками оскорбляет слух наш, мы, как бы возобновляя в уме своем *очаровательные* переливы марсиасовой флейты, в то же время припоминаем мщение Аполлона и говорим: *он дерет уши*! Итак, Марсиас существовал; в этом нет более сомнения!

Но обратимся к временам не столь древним и по сей причине уже более заслуживающим вероятия. Если музыка не творит здесь столько чудес, сколько прежде, то, кажется, действие ее не менее могущественно. Фемий [34], упоминаемый Омиром и Иродотом, сладостию песней своих прогонял скуку Пенелопы [35] и нередко укреплял ее ослабевающую добродетель.

Когда за тканью бесконечной [36]
Прискучится бывало ей,
И мысль, что муж из-за морей
К ней, может, не доедет вечно;
Что век свой горевать она
Безвинно во вдовстве должна;
За что и как, сама не зная,
Холодно женихов встречать,
И страсть их сердцем понимая,
Быть равнодушной и молчать.
Когда, полуночной порою,
Склонясь над тканью роковою,
Она, задумавшись, на нить
Глядит,— и медлит распустить
Заветну ткань заветной скуки:
Тогда незримой лиры звуки —

Волшебные слетают к ней:
Конец скорбям, конец разлуки!
Приветный голос шепчет ей:
Смотри, от Трои разоренной
К тебе, любовью окрыленной,
Спешит возлюбленный герой.
Он близок... перед ним Итака[37]
Сквозь пар яснеет голубой,
Он слышит голос Телемака[38],
Он мыслит видеть образ твой;
На палубе, в доспехах брани,
К тебе он простирает длани,
Тебя по имени зовет:
Жива ли милая подруга?
Грустить иль радоваться мне?
Все так же ль нежно любит друга,
Иль счастье было лишь во сне?..

Так глас певца и лиры звуки
Ей услаждали бремя скуки;
И тихо слезы льет она,
И быстро ткань распущена.

Прошло десять лет,— Улисс не показывался; но подивитесь могуществу гармонии, чудесной силе песней: роковая ткань еженочно распускалася, и Пенелопа осталась верна своим обетам.

Такой подвиг не мог остаться в неизвестности; болтливая Древность разнесла его повсюду, и самое имя Фемия столько сделалось славным, что в позднейшие времена Овидий придавал оное вместо эпитета всем отличным музыкантам.

Не менее искусен был и Демодок[39], певец, живший при дворе царя Алкиноя[40], которого песни со-

хранил нам Омир[41] в своей бессмертной Одиссее. К сожалению, стройные звуки его арфы навсегда для нас погибли. Вот каким образом поэт, в присутствии Улисса, воспевает введение деревянного коня во внутренность Трои:

Уже корабли, благолепно устроены, в море готовы[42];
И хищные чада Аргоса[43], таясь на брегу искривленном,
Пред станом, при соснах горящих, сидят в ожидании томном.
Тогда знаменитый Улисс, младая дружина героев,
Сокрытые в ма́хине дивной у врат Илиона[44] отверстых,
Решительны, хладны, как смерть, внимают врагов совещанья.
Еще колебался народ: — одни предлагали, поспешно
Чудовищны ребра пронзить испытующей медью;
Иные, восхитить коня на утес и в бездну низвергнуть;
Иные желали Бессмертным принесть в благочестную жертву.—
Приятно и праведно всем показалось последнее слово.—
И се растворился в стенах Илион — восприять свою гибель!
Громада, шатаясь со скрыпом, несет разрушенье по стогнам[45]! —
Потом воспевает певец: как аргивцы[46], в желанное время,
Исторгшись из хитрых затворов, из вольного плена,
Ударили с шумом на стражу, объятую жалкой дремотой;
Смущенны, безгласны, постигнуты часом внезапным,
Как тени, не видят, не внемлют, без ратных доспехов! —
Но быстро парящий Улисс к чертогам Дейфоба[47] стремится,

Арею[48] подобный, свирепый, с подобным себе Менелаем[49];
Там ярая сеча кипела, мечи об мечи ударялись!
Но скоро, водимый Минервой, Улисс увенчался победой! —

Смотрите, какое действие произвели в Улиссе вдохновенные песни Демодока: неизвестным пришельцем сидит он на пиршестве, где воспевают его подвиги; не слава, но мысль об отдаленной отчизне взволновала грудь его; он вспомнил все бедствия, которые следили его от берегов разрушенной Трои; он вспомнил оставленную им Пенелопу, и, внимая звуку оживленных струн, продолжает Омир:

Герой воздыхал, и ланиты покрылись слезами.
Так нежна супруга скорбит о любви своей — милом супруге,
Который погиб пред очами отеческа града и братий,
Погиб, подвизаясь отвесть злоключенья годину свирепу
От родины, прежде блаженной, от чад, украшения дома! —
Несчастная видит супруга, как страждет в борении смерти;
К нему приникает, и бьется, и ноет... но изверги люты,
Как гладные звери, стеклись; от милых остатков отторгли, —
И се повлеклася невольница к нужде и вечному горю!
Влечется во чуждую землю, к печалям и тяжкой работе!
И прелесть младая навеки угасла на томных ланитах!
Так скорбью снедаем Улисс проливал неотрадные слезы;

Но, мудрый и скромный, таил от беседы он радостной слезы *.

Если Фемий и Демодок превосходною своею игрою только производили чудеса в частности — один подкрепляя слабую жену; другой подвигнув к жалости твердое сердце героя, который хладнокровно внимал сетованиям Калипсы [51], которого не могли тронуть ни мольбы Цирцеи [52], ни привлекательное пение сирен [53]; — то все это однако ж не может и не должно нас вести к тому заключению, что будто музыка вдруг утратила свою силу и то древнее могущество, которыми она славилась во времена Амфиона и Орфея. Пример Терпандра [54] совершенно опровергает сие мнение. В волнении народном, грозившем гибелью Лакедемону [55]; в то время, когда советы, просьбы и увещания оказались безуспешными; когда наконец оставалось одно только средство — прибегнуть к силе и междуусобною войною погасить возгорающееся пламя. Юный поэт, исполненный благородным мужеством, с однею лирою в руках, является среди толпы недовольных и, сопровождая искусною игрою свои вдохновенные песни, останавливает мятежников... Сперва удивление, потом ужас и наконец раскаяние овладевают ими. Они в слезах,— они у ног поэта.

Тот же самый Терпандр был первый увенчан победителем в музыке на играх Карнейских [56], которые, как известно, изображали военную жизнь древних посреди стана. Но что всего удивительнее: говорят, что в то самое время, когда его венчали, Эфоры [57] осудили его к денежной пене за прибавление лишней

* Перевод г. Мерзлякова: Улисс у Алькиноя [50].

струны к обыкновенно употребляемой шестиструнной лире; и его семиструнную лиру велено было прибить гвоздем к стене. Наказание, скажете вы, несправедливое и извинительное только лакедемонцам, которые не любили никаких нововведений и буквально придерживались к однажды принятым обыкновениям. Наказание столь строгое, прибавлю я, что оно и в новейшие времена невольный наводит ужас. Заметьте, как осторожны наши поэты! как искусно они избегают эпитета: *семиструнная*, говоря о лире. Иной подумает, что они боятся, чтоб ее у них не отняли и не прибили гвоздем к стенке. Так, например, один из них, начиная поэму свою, восклицает:

Мальвина, лиру мне подай! *

Но сочинитель Херсониды, который одну картину летнего дня вместил в довольно толстую книгу [59], в этом случае может послужить образцом благоразумия. Он дал своей *сладкопоющей* камене [60]:

Приморску арфу в робки длани [2*].

Напрасные опасения [3*]! При великом многоразличии предметов, которые входят в объем новейшей поэзии, начиная от шарады и оканчивая поэмою, судите, можно ли обойтись только древними шестью струнами? Да и притом какие еще крепкие струны употреблять надобно, когда у нас в восемь месяцев иногда

---

* Поэма «Суворов» [58], стр. 1.
2* Херсонида, стр. 18.
3* Это мне напоминает время, когда в Вене многие ходили, держа свою голову в руках, от страха, чтобы она не попалась под грозные пальцы искусного доктора Галля [61].

поспевают поэмы в двадцати песнях! Наверное предполагать можно, что струны были в беспрерывном трении, и пальцы так же скоро двигались, как колесо в паровой машине.

Но какой разительный пример силы гармонии представляет нам древность в песнях Тимотея[62], когда он на пиршестве Александра — победителя, млеющего страстью к Таисе[63] близсидящей, к Таисе — дивной красоте Востока, в сонме вождей и вельмож, в присутствии бесчисленной толпы народа, искусными перстами летал по струнам звучной лиры! Кто не знает высокой песни его, которую сохранил нам Драйден[64]. Для каждого чувства у него есть особенное созвучие, каждая страсть имеет свой резкий звук, каждое движение души свою особенную мелодию; и сей мир звуков, постепенно развиваясь во всей полноте своей гармонии, то исполнял сердце внутренним терзанием, волнуя его всеми помышлениями дольного мира; то, низлетая, как вестник горних пределов, вдыхал в грудь слушателей благоговейное стремление ко всему бесконечному, и если можно выразиться, вмещал небо в сердце человека; то наконец, как светлый, яркий луч эфира, случайно отделившийся от своей планеты, со звуком струны невольно вторгался в душу, как бы желая найти в ней приют, в котором отказало осиротелому уже недоступное небо; или звук сей, как пришлец из веков отдаленных, мрачный и таинственный, невольно располагал к сладостному самозабвению, — к тем драгоценным минутам задумчивости, когда фантазия своими легкими, игривыми тенями сливает минувшее и будущее в одном настоящем, незамечаемом мгновении. Сию, так сказать, *природу* звуков, которую необходимо должен изучить всякий му-

зыкант, прежде нежели начнет творить по собственному идеалу, если желает с успехом достигнуть цели, им избранной,— Тимотей обнял во всей ее обширности, и потому высокая мысль певца легко воплощалась в восторженные песни.

Воспевает ли он Зевеса, сходящего на землю:

И строй внимающих восторгом распален;
Клич шумный: Бога зрим! и стар и млад воспрянул!
И звучно: Бога зрим! — по сводам отзыв грянул.
Царь славой упоен;
Зрит звезды под стопою;
И мыслит: он Зевес!
И движет он главою,
И мнит — подвигнул свод небес!

Восхваляет ли он пришествие вечно юного, сановитого Вакха:

И царь, волнуем струн игрою,
В мечтах сзывает рати к бою!
Трикраты враг, сраженный им, сражен;
Трикраты пленный ринут в плен!
Певец зрит гнева пробужденье
В сверкании очей, во пламени ланит;
И небу, и земле грозящу ярость зрит...
Он струны укротил; их заунывно пенье;
Едва ласкает слух задумчивый их глас,
И жалость на струнах смиренных родилась.

Поет ли он Дария, его величие и страшную кончину [65] —

Сидел герой с поникшими очами;
Он мыслию прискорбной пробегал

Стези судьбы, играющей царями;
За вздохом вздох из груди вылетал,
И пролилась печаль его слезами.
И дивный песнопевец зрит,
Что жар любви уже горит
В душе, вкусившей сожаленья,—
И песнь взыграл он наслажденья.

Он напоминает о краткости жизни; превозносит Таису,— призывает вкусить любовь, и...

Восстал от сонма клич и своды восстенали:
«Хвала и честь любви! певцу хвала и честь!»
И полон сладостной печали,
Очей не может царь задумчивых отвесть
От девы, страстью распаленной;
Блажен своей тоской; что взгляд, то нежный вздох;
Горит и гаснет взор, желаньем напоенной,
И, томный, пал на грудь Таисы полубог!
Но струны грянули под сильными перстами!
Их страшный звон, как с треском падший гром!
Звучней! звучней! воспрянул царь; кругом
Он бродит смутными очами;
Разрушен неги сладкий сон!
Исчезла прелесть вожделенья,
И слух его разит тяжелый, дикий стон.

За сим поэт превосходно и ужасно изображает евменид, им вслед несется воздушный полк воинов, сраженных в битве, не приявших погребения, с пламенеющими светочами в руках взывающих к мести,— гибель Персеполю [66]!

И сонмы всколебались к брани;
На щит и меч упали длани;

И царь погибельный светильник воспалил.
О горе! Персеполь! грядет владыка сил!
Таиса вождь герою;
Елена новая, зажжет другую Трою * [67].

Так вдохновенная песнь Тимотея была виновницею сожжения Персеполя. Честь поэту! Слава его искусству; но нельзя не скорбеть, что оно было причиною гибели такого града, который и в самых развалинах поныне возбуждает удивление путешественника своими огромными мраморными колоннами, превосходными остатками скульптуры и чудными письменами, известными под названием *клинообразных*,— заключающими великие тайны, по мнению азиатцев, и над коими ломают головы европейские антикварии [69]. Новейшие поэты в этом случае гораздо рассудительнее. Они беспрестанно творят, и можно надеяться, что со временем, благодаря книгопечатанию, весьма легко будет сложить из тисненных фолиантов город, не уступающий в обширности и величине древнему Персеполю; с тем только различием, что Персеполь *новый* будет в безопасности от огня и воды. Укажите мне поэта, который бы в глубине души своей не говорил словами Державина:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный [70],
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.
Так! весь я не умру: но часть меня большая...

После этого кто будет сомневаться в прочности города, построенного из такого материала!

---

* Перевод г. Жуковского [68].

Я бы мог представить еще много других примеров чудес, производимых музыкою у греков; упомянуть об *Архилохе*[71], которому Плутарх[72] приписывает музыкальное устроение стихов ямбических, столь язвительных, что несчастный Ликамб[73], против которого они были написаны, повесился с отчаяния; мог бы сказать несколько слов об *Аристоксене*[74], *Антигениде*[75], об уроженце Милета[76] *Дамоне*[77], о Пифагоре[78], про которого говорит предание, что увидя однажды юношей, разгоряченных вином, и от звуков флейты, наигрывающей фригийским размером, дошедших до такой степени исступления, что они были готовы посягнуть на все неистовства, он велел музыкантше, переменив размер, играть важно, соблюдая падение меры спондея, и таким образом привел их снова к рассудку. Я бы мог заметить об *аркадянах*[79], у которых был установлен закон, понуждавший учиться музыке даже до тридцатилетнего возраста; о *синефцах*[80], которые пренебрегали музыку и оттого сделались столь зверскими и суровыми в нравах, что ни в одном городе Греции не совершаемо было столь великих и часто ужасных преступлений, как между ними; о *сибаритах*[81], которые впали в противную крайность и от музыки погибли: но это бы удалило меня от моей цели и увлекло бы слишком далеко. Предоставляю подробно писать об этом людям более меня сведущим и имеющим более досуга; мы же снова обратимся к нашему предмету. Мне кажется, что я уже слышу со всех сторон упреки и обвинения: неужели между одними греками музыка производила столь великие чудеса? Ужели она ограничилась одним только греческим небом и была совершенно чуждою для остального мира?

Не спешите, мм. гг., и вспомните прелестный стих Гете:

Eile mit Weile! war weiland des Kaysers Augustus Devise *.

Римляне, к которым впоследствии перешло все просвещение греков, были совершенно *не музыкальный* народ; и оттого мы не находим между ними великих художников, а одних только раболепных подражателей. Мнение их об музыке ясно обнаруживается в упреке, который делает знаменитый их историк Саллюстий [82] одной римской даме: «что она слишком хорошо пела и плясала, нежели сколько прилично было знатной и честной женщине». Что ж касается до пляски, то вот каким образом выражается сей же писатель: «что одни только упоенные вином и лишившиеся рассудка могут заниматься ею!» — Какая противоположность с понятием греков, которые попрекнули самому Фемистоклу [83] в необразованности за то, что он не умел играть ни на каком инструменте. После этого каких чудес искать между народом, который с столь невыгодной точки смотрел на изящные искусства! Правда, что впоследствии он променял свою суровую доблесть на утонченную роскошь и негу азиатцев; но не мог совершенно изменить своего вкуса, — даже посреди удовольствий, столь красноречиво описанных Петронием, невольно заставляет краснеть читателя.

Обратимся к тем народам, которых римляне называли *варварами* [84]. Может быть мы случайно найдем

* Поспешишь — людей насмешишь! — было девизом короля Августа (*нем.*).— *Ред.*

между ними то, в чем природа как бы отказала гордым завоевателям мира.

На севере, посреди бесплодных и неприступных скал Каледонии[85] видим мы людей, которых сердце согревалось высоким пламенем музыки и поэзии. Часто, под мрачным покровом ночи, при свисте бурь и завывании ветра, внезапно слетало чудесное вдохновение на оструненную арфу задумчивого барда. Он видит, как века в грозном течении своем толпятся, погружаясь в вечность; он слышит глас праотцев, из облака к нему взывающих,— образ возлюбленной улыбается к нему, как луч вечерней звезды сквозь легкую завесу тумана,— и дикий огнь воспылал в очах его, искусные персты пробежали по струнам — и дивная песнь разлилась, как неукротимый поток, свергающийся с крутых гор его отчизны; попеременно воспевает он: громкую славу предков, их грозные битвы, их победы, или выражает нежную задумчивость любви безнадежной, восторг страсти, увенчанной взаимностию, воспоминания прошедших наслаждений, которые наполняют душу радостию, смешанною с прискорбием; — с такою непринужденною простотою, с такою естественностию, столь искусно согласуя звуки со словами и, так сказать, слова переливая в звуки, что они легко и невольно доходят к сердцу. Кто не слыхал о *выкупе барда*! Юный певец обвинен в убийстве, позорная смерть его ожидает. Разгневанный царь неумолим; но вдохновенный бард не молит о пощаде — как новый Арион, испрашивает он одной только милости: пропеть свою *последнюю* песнь. Коснулся арфы, запел, и слезы навернулись в очах неумолимого владыки, который не в силах будучи удерживать долее своих восторгов, восклицает к юноше:

Ко мне в объятия [86]!.. ты победил природу!
Сей песнью... искупил и жизнь ты и свободу!..
Плыви в свою страну — и радостию той,
Которой мне уже не суждено судьбой,
Обрадуй твоего виновников рожденья!
Да юность мирная любимца вдохновенья
Течет без ропота, как волны у брегов;
Да некогда среди сынов твоих сынов,
Волнуем думою, с смущением во взоре,
Ты повествуешь им о мне и об Ельморе [87]
И знаешь поздний род, наставленный тобой,
Сколь песнопенья власть всесильна над душой *.

Устремим ли мы наши взоры на снежные холмы Скандинавии,— и там музыка имела свои жертвенники — там была она обоготворяема в образе воинственной Фре́йи [88], сестры Фре́йра [89] — повелителя дождя, солнечного света и всех земных произрастений. Поэзия сего народа носит отпечаток воинственного и смелого духа. Суровая и величественная, как их прибрежные скалы, она пренебрегала искусственными украшениями, и тогда только арфа скальда [90] одушевлялась бурным огнем вдохновения, когда призывный клик брани собирал мужественных сынов Севера против утеснителей свободы.— Небо О́дина [91] и пиршества Валхалы [92] весьма мало нашли бы теперь охотников между новейшими обитателями Европы; но какой бы скальд в то время не решился пожертвовать своею жизнию для одной капельки Лерадского меда [93]? — Так часто суеверие обуздывает самые непреклонные нравы, которые бы неохотно подчинились мудрейшим законам: совершенно овладевает умами, взлелеянными незави-

* Стихи М. А. Дмитриева.

симостью, и даже в то самое время, когда они наименее сие подозревают.

Но я боюсь, чтобы, продолжая таким образом, не уклониться от моей цели, и потому, отложив на время мифологию, обратимся к музыке скальдов.

Хотя и от ней равномерно никаких следов не осталось; но древность завещала нам песню (это третья глава их древней Эдды [94]), из которой мы легко можем видеть, как сильна была власть музыки и поэзии среди сего воинственного народа:

Я помню, как девять осенних ночей [95],
Одину на жертву взнесенный,
Висел я с дымящейся грудью своей,
Ко древу мечом пригвожденный,
Ко древу, чьих корней никто не видал,
И ветр полунóчный вокруг бушевал.

Устам не касались ни снедь, ни питье,
На землю я пал, изможденной,—
И руны нашел я,— и тело мое
Не вспомнило боли мгновенной.
Я руны увидел, я руны понял,
И мыслию ожил, дух бодрость принял.

И песни узнал я — их девять числом,
Узнал их из уст я Болтара,
Пил мед златоцветный за шумным столом —
Мед, полный высокого дара.
Тогда я стал счастлив, и мудр, и велик,
И слово, и дело постигнул язык.

После этого скальд начинает высчитывать порознь могущественное действие каждой песни:

«Я знаю песню,— говорит он,— которую не знает ни царская дочь, ни сын знаменитого мужа; она верная помощница в скорби и нужде — она песнь радости».

«Знаю другую: страждущий недугом лишь только ее услышит, получает исцеление,— она лучше всех врачеваний».

«Запою ли я третью песнь — и меч врага, уже занесенный на грудь мою, остается недвижим и тупеет».

«Знаю еще песнь: закуйте меня в железы! запою и — цепи спадывают с моих ног, и снова мои руки свободны».

«Увижу ли я крылатую стрелу, пущенную врагом моим,— запел, и в быстром полете остановлю ее своим взглядом».

Он упоминает еще о многих других песнях сверх девяти им узнанных, которыми может привлечь к себе сердце девицы, очаровывать оружие, заставлять говорить мертвых, назвать по имени каждого эльфа или подземного духа, что знают немногие, и проч.; но исчислять все сии песни было бы слишком долго.— Что ж касается до эльфов, то и теперь еще простой народ в Зеландии [96] весьма их опасается. Он верит, что сии духи весьма любят подсмеиваться над девушками, и почитает их превосходными музыкантами. Еще и поныне, говорят, сохраняется в сем народе одна песня эльфов, которую хотя умеют играть многие искусные музыканты того края, но никто на сие не отваживается; ибо как только она зазвучит, стар и млад собираются в кружок, даже мертвые принимают участие в этой общей пляске, и музыкант не может окончить сей песни, не может остановиться, пока не сыграет ее с такою же точностию, с соблюдением всех малей-

ших тонов, держа инструмент за спиною; или пока кто-либо сзади не обрежет на нем струны. Не ручаюсь за истину сего рассказа; но для чего бы не попробовать сего способа для излечения иных метроманов: руки назад! авось подействует!

Не менее обильную жатву по сему предмету представляет нам Восток. Все, что ни рассказывают чудесного об Орфее, о неподражаемом искусстве, с каковым играл он на лире, и об удивительных действиях, произведенных сею игрою; все, что ни повествуют чрезвычайного о Тимотее, не может сравниться с сверхъестественными действиями, производимыми индейскими *рагами*[97] и *рагинами.* (Так называются древние мелодии сего народа, которым он приписывает высокое происхождение.) Всех рагов считается шесть; из них первые пять произвел из своих пяти голов их бог *Магадева*[98]; *Парбути*[99], жена его, сочинила шестой; а тридцать рагинов изобретены *Брамою*[100]. Два рага в особенности славны. Говорят, что когда *Миа Тонсин*[101], превосходный музыкант, живший во время императора Акбара, запел среди дня один из *ночных рагов*[102], то действие музыки было столь могущественно, что вдруг сделалась ночь, и мрак, окруживший дворец, распространился по окрестности так далеко, как только могли быть слышны звуки его голоса.

Есть также предание, что кто осмелится запеть раг, именуемый *Дипук*[103], тот непременно должен погибнуть от огня. Тот же император Акбар, желая видеть это на опыте, приказал знаменитому музыканту *Найк Гопалу* спеть сей удивительный раг. Каких отговорок ни представлял несчастный, все было напрасно; Акбар настоятельно требовал, чтобы его желание было исполнено. Видя свою неизбежную гибель, Найк

испросил позволение побывать на своей родине, в последний раз проститься с своим семейством и друзьями. Была уже зима, когда он возвратился после шестимесячного отсутствия. Прежде нежели начал петь, взошел он по шею в реку Джумну [104]; но как только два или три раза ударил по струнам,— вода постепенно начала согреваться, наконец стала кипеть, так что мучения несчастного музыканта сделались скоро нестерпимыми. Прервав на минуту мелодию, которая столь жестоко его терзала, он начал снова испрашивать помилования у монарха; но и в сей раз просьбы его остались безуспешными. Акбар непременно хотел увериться, до какой степени справедливо предание о сем раге. Найк Гопал снова начал гибельную песнь; пламя с яростию обвилось вокруг его тела, которое, невзирая на то, что было погружено в волны Джумны, наконец совершенно преобратилося в пепел. У нас, к счастию, нет таких огнистых песней; но зато, когда иной поэт начнет читать свою многосложную поэму, так и обдаст холодом!

Рассказывают также, что после рага, известного под именем *Майг Муллар* [105], немедленно следует дождь, и вот какой приводят по сему случай. Одна девушка, забавляясь однажды пением сего рага, низвела из тучи весьма сильный дождь на иссохшую жатву риса в Бенгале [106], и таким образом отвратила все ужасы голода от сего *земного Рая.*

Но все это невероятно, скажете вы. Напротив того, мм. гг., индейцы в этом совершенно уверены,— сверх того в истине сих рассказов удостоверяют самые имена действующих особ, которые сохранило предание. Наконец, если бы вы спросили у индейца: существуют ли и ныне между ними музыканты, производящие по-

добное действие? — Он вам с важностью скажет: хотя сие искусство теперь почти потеряно; но впрочем есть еще люди, наделенные сим чудесным даром, в западной части Индии. Правда также и то, что когда вы будете на Западе и сделаете тот же вопрос,— вам укажут на Бенгал; но это видимое противоречие не может служить доказательством противу истины, которая освящена и временем и всеобщим мнением. Притом же, кто не знает, как гении должны быть ныне редки, когда за несколько уже сот лет назад Диоген в полдень с фонарем искал человека [107]!

Между арабами мы найдем весьма немногих музыкантов, и то разве времен Халифатства [108]. Это, можно сказать, древние римляне, с тем только различием, что столетия давно унесли с собою гордых повелителей мира [109], между тем как дикие обитатели Аравии еще и поныне стоят неподвижно посреди бегущих столетий. Поэзия с незапамятных времен отделена у них от музыки; последняя кажется даже преимущественно предоставлена одним женщинам, которых вся жизнь на Востоке единственно устремлена к той цели, чтобы нравиться и угождать своим самовластным повелителям. Оттого мы находим, что сие искусство доведено было между сими последними до известной степени совершенства. Любопытствующие могут видеть сему многие примеры в «Тысяче и одной ночи» [110], и в особенности в прелестной повести «Спор шести невольниц» [111].

Можно прибавить к этому, что самое воспитание арабов весьма мало располагает их к музыке. До пятилетнего возраста живут они обыкновенно в гареме; потом их берут оттуда, приучают мыслить и говорить с важностью, даже проводить целый день вместе с

отцом. Музыка и пляска почитаются у них неблагопристойными. В подтверждение этого выписываю следующее место из книги шейка Абд-Алькадера [112] под заглавием: «Сильнейшие доказательства в пользу законного употребления кофея». Это отрывок просьбы, которую жители Мекки [113] подали султану в рассуждении сего питья, прописывая:

...«Что употребление кофея сделалось весьма обыкновенным в Мекке, и что его продают в сем городе в зданиях, подобных питейным домам; что в сих местах собираются во время питья мужчины и женщины с барабанами, ребабами [114] и другими музыкальными инструментами. Что в сих местах бывает также сходбище людей, играющих в шахматы, в манкалу [115] и проводящих время в других подобных играх *на деньги*, и что там происходят еще и многие другие дела, противные их высокому закону».

Надобно однако ж заметить, что хотя знатные арабы сами не занимаются музыкою, но слушают ее с удовольствием во время пиршеств. Доказательством могут служить следующие арабские стихи, которые предлагаю в переводе:

С звонкой чашей, с полновесной [116]
Обходи вокруг гостей!
Пей вино из рук прелестной!..
Нет, до музыки не пей!
Пусть сначала заиграет;
В жизни часто видел я:
Веселей под свист глотает
Конь из светлого ручья!

Сие применение к коню нимало не покажется странным для того, кто знает, как много арабы

уважают сие животное, и до какой степени они к нему привязаны.

В обширных степях Великой Татарии,— повествует Беркенмейер,— и теперь еще обитает великое множество привидений, которые в совершенстве подражают человеческому голосу с намерением удалить путешественников от каравана и сбить их с дороги. Воздух оглашается там весьма часто звуками инструментальных орудий, в особенности барабанами и кимвалами [117]. Вероятно, Вебер [118] занял оттуда хоры для духов своего очаровательного Стрелка [119]!

Но изо всех восточных народов ни один почти не занимался столько музыкою, сколько персияне. Самое происхождение оной носит у них отпечаток чудесного: «Изобретателем ее почитают Пифагора, ученика Соломонова. Три ночи сряду видел он во сне прелестный образ, который манил его на берег моря, чтобы там поведать ему тайны необыкновенного искусства; и три раза сряду он ходил туда, не находя ничего другого, кроме кузнецов, которые своими молотами ударяли в наковальню. Это подало ему повод к глубоким размышлениям и обратило его внимание на звук молотов. Он сделал небольшой инструмент, навязал на него шелковые струны, и когда привел их в движение, то они начали издавать звук довольно приятный. Когда Пифагор приобрел более известности, то говорил, что понимает мелодии круговращения миров, и что ему дана свыше сила выражать сии мелодии из глубины своей души посредством струнных звуков. Впоследствии начертал он законы сей внутренней гармонии, которая была усовершенствована позднейшими художниками, и в особенности Аристотелем — изобретателем органона».

Цель, с каковою изобретена музыка, по мнению восточных писателей, заключается в том, «чтобы привести дух в равновесие и приготовить душу к приятию высоких познаний; но совсем не для игры и шуток. Душа, очарованная прелестными мелодиями, стремится к созерцанию высших существ и духов, чтоб сделаться сопричастною их светлому миру. Посредством музыки души, отемненные грубостию их окружающего тела, предуготовляются и делаются способными к беседе с высшими духами и существами светлыми, которые носятся в обители блаженных, вокруг престола Всемогущего».

Но обратимся снова к нашему предмету: произвела ли что-либо чудесного музыка между персиянами? — О, без сомнения, да и могло ли быть иначе в той земле, где соловьи изъясняют свою любовь к розе на пеле́ви, или языке древних персов? Ссылаюсь на Фирдусси [120]:

Слышишь, как в утренний час [121], меж ветвей
На древнем персидском поет соловей!

Рассказывают, что и ослы прежде певали на Востоке; но после несчастного приключения, случившегося с одним из их собратов, охота в них к пенью пропала. Вот каким образом это рассказано в «Тутинаме́» [122].

«Некогда осел подружился [123] с лосем, так что они были всегда неразлучны и паслись на одном лугу. В одну ночь, это было весною, оба они щипали дерн. Осел был в веселом расположении духа и сказал лосю: нынешняя ночь так очаровательна, цветы так роскошно распространяют вокруг нас свои сладостные благоухания, и воздух, кажется, льет волны мускуса.

Не правда ли, было бы очень не дурно, если бы я спел песенку, как ты думаешь?»

«— Что ты это? — отвечал ему лось; — не с ума ли ты сошел? ты только годен щипать репейник и волчец [124]; да и могло ли когда быть что-либо общее между ослом и музыкою? Мы вошли в этот сад тайком и никем не примеченные; если же ты заревешь, то разбудишь садовника, который созовет людей, и тогда нам будет плохо. Я боюсь, чтоб с нами не случилось того же, что было с одними ворами, которые, закрывшись в доме богача, нашли там сосуд с вином; они им завладели и начали пить в ожидании часа, приличного их намерениям. Но питье так их развеселило, что они стали петь и кричать. Хозяин дома проснулся, созвал своих невольников, и воры все до одного были пойманы».

«Я горожанин,— возразил ему осел,— а ты грубый деревенский житель; так тебе ли судить о моих дарованиях! Мне хочется петь; право, никакой беды с тобой не случится, если ты меня послушаешь».

«Как сказано, так и сделано. Осел заревел; садовник проснулся, хозяин дома также; лося и осла схватили и обоих заперли».

После этого несчастного происшествия осел с горя совершенно перестал петь на Востоке и большая часть его соплеменников, переселившись на Запад, преимущественно занимаются одною критикою, если верить тому, что говорит о них наш знаменитый баснописец Крылов [125].

Когда справедливо также замечание, сделанное известным путешественником Шарденем [126], что верблюдов приучают ходить и носить ношу по звуку слов, подобных песне, что сии животные, сообразуясь с

сими звуками, идут скорее или медленнее, и что есть один известный верблюжникам тон, в особенности любимый верблюдами, под который они бегут гораздо охотнее; то судите сами, какое действие должна производить музыка на людей, рожденных под тем же знойным небом Азии, с детства приученных к неге и одаренных от природы тонким вкусом изящного? — Вот один случай. Рассказ сей заимствован мною из «Ша-намé», поэмы Фирдусси:

«Кавус по смерти [127] своего отца вступил на престол прародительский. Всюду вокруг себя видел он бесчисленные сокровища, коней и пышные убранства, превосходно изукрашенное златое седалище царей, драгоценные утвари,— и его сердце сделалось жертвою лукавства Дивов [128]; в суетной гордости никого на земле не равнял он с собою. Воссев на златой престол с хрустальными подножиями, начал он совещаться с вельможами своего двора. Тогда подошел странствующий певец, хитрый Див, к одному из его придворных и сказал ему: Я певец, пришедший из Мазендерана [129], если шаху угодно будет изведать мое искусство, то пусть повелит меня допустить к себе. Придворный пошел к шаху и сказал: Певец с арфою стоит за дверьми, он поет как соловей, и только ищет стези к твоему престолу; что повелит шах? — Кавус велел его представить. Певец приблизился и начал тихим голосом песнь напевом Мазендерана. Он начал хвалою родному краю: «Мазендеран,— так пел он,— достоин того, чтобы шах о нем помыслил; там в садах всегда алеет роза; тюльпанами и ясминами осыпаны горы; кроток воздух, цветами испещрена земля; ни холод, ни жар не удручают прелестного края; там постоянно владычествует весна, непрестанно поет в садах соловей

и птицы радостно порхают по густым ветвям дерев. Никогда земля не утомляется произведением плодов, всегда полон воздух благовониями, реки льются как розовая вода; на полях вечно пылает тюльпан, светлы потоки, и берега их улыбаются; весьма часто можно видеть сокола, следящего добычу. Вся область наполнена обильными яствами; невозможно исчислить сокровищ, там собранных; цветы, благоговея, преклоняются перед престолом, окруженным мужами знаменитыми, пышно опоясанными златом. Кто там не обитает, неизвестны тому ни радость, ни веселие и совершенно незнакомы забавы».— Кавус внимательно слушал игру певца, и слова песни мгновенно воспламенили в его душе бранные помыслы. Он сказал вельможам: «На Мазендеран хочу я идти войною; хочу превзойти Цохака [130], Кейкобада [131] и Джема [132]; мир должен повиноваться увенчанному!» — Все слышавшие слова сии сокрушились сердцем, бледность покрыла их лица, и на ланитах показались морщины; ни в ком не было желания идти на войну сию. Все безмолвствовали, наконец, прервав молчание, единогласно воскликнули: мы твои подданные, твоя воля владычествует над Вселенной».

История упоминает еще о двух знаменитых персидских музыкантах — Нигиссáре [133] и Барбуде [134], изобретателе лютни и песни, известной под именем *Ауренги* [135]. Оба они жили при дворе славного не столько своими победами, сколько любовью к пышности и блеску Хосру Первиза [136]. Но я боюсь, не слишком ли уже долго пользовался я вниманием моих читателей, и признаюсь, что начинаю опасаться, чтобы с ними не случилось того же, что было однажды, при конце песни ученого Фараби [137], с его слушателями.

Вот как это рассказывает Гербелот[138]: «Бывши однажды в обществе с Сахеб бен Ибадом[139], Фараби взял лютню из рук одного музыканта и своею искусною игрою заставил всех присутствующих смеяться; потом, переменив тон музыки, привел их в слезы, и наконец новою переменою погрузил всех в глубокий сон...

Какое бы действие ни произвело сие слабое произведение моих досугов, ожидаю суда просвещенной публики; но я бы желал, чтобы оно было принято с снисхождением, соразмерным тому удовольствию, которое воспламеняло сочинителя при мысли, что может быть он даже своими несовершенствами пробудит деятельность других, более счастливых делателей. В заключение предлагаю небольшой аполог[140] из Саадиева Гюлистана[141].

Только сорванный[142] лишь с ветки,
На террасе у беседки,
Я пучок увидел роз;
С ними травка обвивалась.
«Ты, спросил я, как попалась?
Кто презренную занес?»
— Не срывай меня! — сказала
Дочь стыдливая полей,—
В цвете — прелести очей
Мне природа отказала;
Но от розы получала
Я бесценный аромат,—
Нас один взлелеял сад.

Делибюрадер.

ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ
(Посвящено С. В. В.)

На небе все цветы прекрасны,
Все мило светят над землей,
Все дышат горней красотой.
Люблю я цвет лазури ясный:
Он часто томностью пленял
Мои задумчивые вежды
И в сердце робкое вливал
Отрадный луч благой надежды; —
Люблю, люблю я цвет луны,
Когда она в полях эфира
С дарами сладостного мира
Плывет, как ангел тишины; —
Люблю цвет радуги прозрачной; —
Но из цветов любимый мой
Есть цвет денницы молодой:
В сем цвете, как в одежде брачной,
Сияет утром небосклон;
Он цвет невинности счастливой,
Он чист, как девы взор стыдливой,
И ясен, как младенца сон.

Когда и страх и рой веселий —
Все было чуждо для тебя,
В пределах тесной колыбели —
Посланник неба, возлюбя
Младенца милую беспечность,
Тебя лелеял в тишине;
Ты почивала, но во сне.

Душой разгадывая вечность,
Встречала ясную мечту
Улыбкой милою, прелестной...
Что сорвало улыбку ту,—
Что зрела ты — мне неизвестно;
Но твой хранитель-гость небесной
Взмахнул таинственным крылом,
И тень ночная пробежала,
На небосклоне заиграла
Денница пурпурным огнем,
И луч румяного рассвета
Твои ланиты озарил.
С тех пор он вдвое стал мне мил —
Сей луч румяного рассвета.
Храни его... не даром он
На девственных щеках возжен;
Не отблеск красоты напрасной,
Нет! он печать минуты ясной,
Залог он тайный, не земной.
На небе все цветы прекрасны,
Все дышат горней красотой;
Но меж цветов есть цвет святой,
Он цвет денницы молодой.

Д. Веневитинов.

ВЕЧЕР В ОДЕССЕ

На море легкий лег туман,
Повеяла прохлада с брега —
Очарованье южных стран,
И дышит сладострастна нега.

Подумаешь — там каждый раз,
Как Геспер [1] в небе засияет,
Киприда из шелковых влас
Жемчужну пену выжимает,

И, улыбаяся, она
Любовью огненною пышет,
И вся окрестная страна
Божественною негой дышит.

Раич.

1823. Одесса.

АМУРУ

Тебе я младость шаловливу,
О сын Венеры, посвятил;
Меня ты плохо наградил,
Дал мало сердцу на разживу.—
Подобно мне любил ли кто?
И что ж я вспомню, не тоскуя?—
Два, три, четыре поцелуя...
Быть так, спасибо и за то.—

Е. Баратынский.

САКОНТАЛА́
(*Из Гете*)

Что юный год дает цветам,—
Их девственный румянец; —
Что зрелый год дает плодам,—
Их царственный багрянец; —
Что нежит взор и веселит,
Как перл в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
Как нектар всемогущий: —
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья
И словом: небо красоты
В лучах воображенья; —
Все, все Поэзия слила
В тебе одной — *Саконтала́.*

Ф. Тютчев.

ДЕРЕВНЯ
(*Отрывок*)

Я слышу, слышу ваш красноречивый зов,
Спешу под вашу тень, под ваш зеленый кров,
Гостеприимные, прохладные дубровы!
С негодованьем рву постыдные оковы,
В которых суетность опутала меня;
Целебней воздух здесь, живей сиянье дня
И жизнь прекраснее и сердце безмятежней!
Здесь человек с собой беседует прилежней,
Степенней ум его и радостней мечты.
Здесь нет цепей, здесь нет господства суеты!
Ко счастью след открыв, наперсник верных таин —
Здесь мыслям и делам и времени хозяин
Не принужден платить предубежденью дань
И в мятеже страстей вести с собою брань;
Мужаю бытием и зрею в полных силах:
Живительный огонь в моих струится жилах.
Как воздух, так и ум в людских оградах сжат:
Их всюду тяжкие препятствия теснят.
И думать и дышать равно в столицах душно!
В них мысль запугана, в них чувство малодушно,
Желания без крыл прикованы к земле
И жизнь как пламенник, тускнеющий во мгле.
В полях, сынов земли свободной колыбели —
Стремится бытие к первоначальной цели:
Отвагою надежд кипит живая грудь
И думам пламенным открыт свободный путь.
Под веяньем древес и беглых вод журчаньем

Спит честолюбие с язвительным желаньем.
В виду широких нив, в виду высоких гор,
Небес, раскинувших сияющий шатер,
Как низки замыслы тщеты высокомерной! —

Страстей мятежных раб, корысти ль раб послушной,
Раб светских прихотей, иль неги малодушной,
Равно унизил он свой промысл на земле,
Равно затмил печать величья на челе.
Здесь утром, как хочу, я сам располагаю,
Ни важных мелочей, ни мелких дел не знаю.
Когда послышу муз таинственный призыв
И вдохновенных дум пробудится порыв,
Могу не трепетать: нежданный посетитель,
Чужого времени жестокий расточитель,
Не явится ко мне с вестями о дожде!..

Как часто три часа, не шевелясь со стула,
Злодей держал меня под пыткой караула
И холостой стрельбой пустых своих вестей.
Счастлив еще, когда, освободясь гостей
И светского ярма свалив с себя обузу,
Мог залучить я вновь запуганную музу,
И рифму отыскав под дружеским пером,
Стих сиротливый свесть с отставшим близнецом.—

Кн. Вяземский.

ВЕСНА

Слышишь — соловей беспечной
Под черемухою млечной
Песнь поет весне младой;
Видишь — роз душистых ветки,
Увиваясь вкруг беседки,
Дышат радостью живой.

Наслаждайся! нам весна
Не на долгий срок дана.

Посмотри, как белы крины [1]
Над коврами луговины
Величаются красой...
Что грядущему вверяться?
Может быть, нам любоваться
Уж последнею весной!

Наслаждайся! нам весна
Не на долгий срок дана.

Там, качаясь на лилее,
Перла млечного белее,
Ранний воздух пьет роса.
Если жаждешь наслажденья, —
В нем сынам земного тленья
Не откажут Небеса.

Наслаждайся! нам весна
Не на долгий срок дана.

Дев прелестные ланиты —
Розы с лилиями слиты;

Серги перловы — роса...
Что надеждой долгой льститься?
Быстро-быстро юность мчится,
Скоро блекнет их краса.

Наслаждайся! нам весна
Не на долгий срок дана.

В цветнике благоуханном
С анемоном и тюльпаном
Прелесть-роза сдружена.
Научись у них быть другом,
С милыми делись досугом —
И — весна твоя — красна...

Наслаждайся! нам весна
Не на долгий срок дана.

Придет время,— зелень свянет,
Роза блекнуть, сохнуть станет...
Что до будущего нам? —
Видишь — стелется коврами
Зелень с юными цветами
По пригоркам и лугам.

Наслаждайся! нам весна
Не на долгий срок дана.

С сводов неба светлым утром
Сходят росы перламутром,
В ветрах дышит аромат...
Что за нами, что пред нами,
Не заботься! — дни с крылами:
Дунет ветр и — улетят.

Наслаждайся! нам весна
Не на долгий срок дана.

Розы блещут перламутром,
Воздух сладок — только утром;
День взойдет — и все не то;
Ароматы разлетятся,
Росы с розами простятся
И уйдут в эфир пустой...

Наслаждайся! нам весна
Не на долгий срок дана.

Придет лето — лето минет;
Придет осень и остынет
Кровь, играющая в нас —
И,— прости земли веселье! —
Мы пойдем на новоселье...
Насладись — пока твой час!

Насладися! нам весна
Не на долгий срок дана.

Раич.

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(Из Л. Байрона)

1

Как медлит путника вниманье
　　На хладных камнях гробовых:
Так привлечет друзей моих
　　Руки знакомой начертанье!..

2

Чрез много-много лет оно
　　Напомнит им о прежнем друге:
«Его — нет боле в вашем круге;
　　Но сердце здесь погребено!»..

Ф. Тютчев.

ДОПОЛНЕНИЯ

РЕЦЕНЗИИ НА АЛЬМАНАХ «СЕВЕРНАЯ ЛИРА»

П. А. Вяземский

СЕВЕРНАЯ ЛИРА НА 1827 ГОД

«Северная Лира» может, кажется, быть признана за представительницу московских муз. Имена писателей, в ней участвующих, принадлежат, по большей части, московскому Парнассу; не знаю, можно ли сказать: *Московской школе*, хотя точно найдутся признаки отличительные в новом здешнем поколении литературном. Вообще вся наша литература мало имеет в себе положительного, ясного; есть что-то неосязательное, облачное в ее атмосфере. В климате московском есть что-то и туманное. Пары зыбкого идеологизма носятся в океане беспредельности. Впрочем, из этих туманов может еще проглянуть ясное утро и от них останутся одни яркие блестки на свежей зелени цветов. Один из Издателей «Северной Лиры», г-н Раич, уже знаком с выгодной стороны читателям; опыты другого носят признаки дарования. Судя по некоторым отрывкам, кажется, он занимается литературою восточных народов: такое изучение может принесть много пользы нашей, если оно доведено будет с успехом до конца. Полуисполнения, как в другом, так и в литературе, ни к чему, или по крайней мере к немногому служат. Мало пользы, да и радости мало, видеть под

маловажными статьями в прозе и в стихах: с *Персидского*, с *Арабского*, с *Монгольского* и проч. и проч. Такая пестрота даже и не ослепительна. Из сочинений г-на Ранча, здесь помещенных, важнейшие, в прозе: «Сравнение Петрарки и Ломоносова» (по крайней мере, думаем, что оно писано самим Издателем, хотя под статьею означена одна заглавная буква: Р.; в стихах: отрывок из «Освобожденного Иерусалима»: «Смерть Свенона». Вообще, в характеристических сравнениях двух авторов бывает более полуистин, чем истины; более изысканности, насильственности, чем естественных прикосновений. Кто-то читал Риваролю[1] сравнение Расина и Корнеля. Выслушав чтение, Ривароль сказал: «По моему мнению, можно сравнение наших трагиков сократить таким образом: общее в них, что тот и другой писали трагедии; разность, что одного звали Фома Корнель, другого Иван Расин». В сравнении Петрарки и Ломоносова некоторые главные черты их, а особливо же первого, означены верно и живо, но, признаюсь: усматриваю редко точки, где эти черты сливались бы вместе. За исключением влияния того и другого на современную каждому поэзию, учености того и другого поэта и замечания, что «*Петрарка остался представителем италиянской литературы XIV века, Ломоносов считается представителем литературы русской, века Елисаветы*», не понимаю: в чем и как хотел Сочинитель сводить их? Не слишком ли также увлекается он любовью к италиянской словесности и Петрарке, когда радуется, как хорошей находке, что Ломоносов «умел счастливо перенесть в свои творения много, очень много италиянского и даже некоторые, так называемые, *concetti*». Едва ли и *подлин-*

ные concetti не безобразная прикраса италиянских стихов, а заимствованные *concetti* на русский лад и того хуже. Впрочем, вероятно в Ломоносове этот мишурный блеск не подражание, а просто погрешность, свойственная худому вкусу, не озаренному светом здравой критики, и насильственной игре воображения. В сей статье встречается забавная обмолвка. Автор говорит, что «из Понтремоли в Неаполь» пришел старец, *и к тому же слепой*, «чтобы *видеть* Петрарку». Впрочем, за исключением основной мысли сего сравнения, которая по существу своему, как мы сказали выше, всегда сомнительна, и здесь, в применении к Петрарке и Ломоносову, кажется еще менее удовлетворительною, статья сия имеет неоспоримое достоинство литературное: в ней заметны сведения в италиянской словесности, хороший слог, благородные чувства и направление ума благонамеренное. Опыты г-на Раича в переводе «Освобожденного Иерусалима» уже известны читателям, так же как и критические замечания, к коим они подали повод. Находят, что куплет из 12-ти стихов г-на Раича не отвечает италиянской октаве; что он не приличен поэме, потому что присвоен Жуковским балладе. Но какую же форму принять? Италиянская октава по бедности нашей в рифмах не приступна для большого творения. Александрийский стих слишком важен и утомителен со временем. Баллада принадлежит повествовательно-лирическому роду: поэма, разделенная на стансы, может также отнестись к роду лирико-эпическому. Сообразуя все это вместе, мы готовы почти оправдать г-на Раича. Отлагая в сторону форму, должно признаться, что стихи Переводчика часто живы и сочны, почти всегда звучны

и вообще хороши. В отрывке: «Смерть Свенона» язык вернее, строже и зрелее, чем в прежних: в нем гораздо менее и почти вовсе не находится прежде встречавшихся заимообразных оборотов Жуковского, которые могут быть хороши у него, потому что они его коренные, но становятся погрешными, когда они пересажены на чужую почву. По любви г-на Раича к италиянской литературе и по сведениям его, должно желать, чтобы он короче познакомил нас с нею, предлагая нам в прозаических переводах и в критическом рассмотрении лучших писателей италиянских, стихотворцев и прозаистов. Переводы в стихах приятны и льстят более суетности переводчиков, но могущество стихотворства так сильно, что забывая о подлиннике, мы судим перевод, как оригинальное творение: переводы в прозе полезнее, более действуют на язык, на который переводят, более пускают идей, образов в обращение и всегда совершеннее знакомят и сближают литературы и языки. На переводчике в стихах лежат две неволи, а и с одною справиться тяжело.

В числе хороших стихотворений, помещенных в «Северной Лире» и носящих подписи уже известные, отличаются начальные опыты Поэта, в первый раз являющегося на сцене. Стихотворения Андрея Муравьева: «Ермак»», «Воззвание к Днепру», «Русалки», «Отрывок из описательной поэмы: Таврида», исполнены прекрасных надежд, из коих некоторые уже сбылись. Выпишем несколько стихов из «Русалок»:

Волнуется Днепр, боевая река,
Во мраке глухой полуночи;
Уж облако месяц прорезал слегка
И неба зарделися очи;

Широкие идут волна за волной
И с шумом о берег биются,
Но в хладном *русле*, под ревущей водой,
  И *хохот* и *смех* раздаются...
    Как под вечер звезды ясные
    Заиграют в небесах,
    Друг за другом, девы красные
    Выплывают на волнах...
    Русы косы рассыпаяся,
    С обнаженных плеч бегут,
    По волнам перегибаяся,
    Золотым руном плывут;
    Грудь высокая волнуется
    Сладострастно между вод,
    Вал ревнивый полюбуется
    И задумчиво пройдет;
    Руки дев, как мрамор, белые,
    Подымаются, падут;
    То, стыдливые, несмелые,
    Медленной толпой плывут;
    То в восторге юной радости
    Будят песнями брега,
    Иль с беспечным смехом младости
    Ловят месяца рога
    Над водою...

Картина прелестная и во всех частях с искусством выдержанная: последняя черта удивительно игрива. Можно только заметить лишнее слово, в стихе:

И хохот и смех раздаются —

Смех после *хохота* вставка и неправильное ударение в слове: *русло*. Ермак написан другою кистью: краски

здесь мрачные и более силы в чертах; но в нем также есть живая поэзия в вымысле и выражении. Посреди имен известных и анонимов в подписях «Северной Лиры», встречается загадочное имя: *Делибюрадер*. Вот одно из его стихотворений, с *Арабского*:

НАМА

Уаль нашру мискун (?)

Уст ее *дыханье* —
Мускус благовонный;
А ланиты — розы;
Зубы — млечны перлы;
Стан — лозы стройнее;
Бедра округленны —
Холмики песочны;
Локоны густые —
Мрак осенней *ночи;*
А *лицо* сияет —
Словно полный *месяц*.

Скажите по совести: не правы ли мы, когда сказали, что мало радости и пользы с похищений такого рода, хотя и добыты они издалека? Пускай это и тому подобное с Арабского, на Арабском языке и остается. Довольно нам и одного греческого Анакреона, которому нам велят кадить, потому что он древний и грек, хотя в новейшие времена часто за приятельскими пирушками встречаются Анакреоны; но для европейской гордости нашей слишком уж будет оскорбительно, когда захотят колоть нам глаза арабским Анакреонтичеством. «Отрывок из сочинения об искус-

ствах» носит ту же загадочную подпись. В сей статье, которая по большей части одна *компиляция*, но довольно искусно и живо составленная, полушуточно, полуучено, полумифологически, полуисторически, излагают мнения о могуществе Музыки и степенях состояния ее у разных народов. «Письмо о русских романах», или правильнее, о возможности писать русские романы, произведение г-на Погодина, умное и занимательное. Признаемся однако ж, что соглашаясь с ним в мнении, что у нас в истории встречаются предметы для *поэтических романов*, сомневаемся в богатстве наших материалов для романов в роде Вальтера Скотта. В нашей истории, по крайней мере до Петра Великого, встречаются, разумеется, лица, события и страсти, но нет нравов, общежития, гражданственного и домашнего быта: источников необходимых для наблюдателя-романиста. Жаль, что Автор, в письме своем о русских романах, задевает, как многие из наших комиков, погрешности условные, мнимые, а не существенные. Описывая, например, общество, в коем он находился, продолжает он: «Сперва похвалены были, как водится, все присутствовавшие взаимно друг другом». Характеристическая ли это черта наших нравов? Мало ли в наших *блистательных собраниях* встретится истинно смешного? Зачем прибегать к общим, так сказать, давно заданным уликам? «*Сколько есть у нас Тарасов Скотининых*», говорит Автор: и тут не метит он в цель. Тарас Скотинин и в комедии Фон-Визина каррикатура, а не портрет. Порока и глупости не должно представлять в увеличительные зеркала: им это по руке. Они скажут: «мы себя здесь не узнаем» — и ваши исправительные меры останутся без успеха. Лучше дотрагивайтесь слегка, но задирай-

те всегда за живое, то есть за истинное. Читатели найдут еще в «Сев. Лире» произведения гг. Шевырева, Титова, Веневитинова, Тютчева, кн. Одоевского и некоторых других; все они более или менее отличаются, или игривостью мыслей, или теплотою чувства, или живостью выражения. Одним словом: «Северная Лира», посвященная Издателями любительницам и любителям отечественной Словесности, может во многих отношениях заслужить их признательность.

Н. М. Рожалин[1]

ИЗ СТАТЬИ: «АЛЬМАНАХИ НА 1827-Й ГОД»

В *Северной Лире*, изданной гг. *Раичем* и *Ознобишиным*, находим лучший выбор стихов, и прозу, более разнообразную, хотя и не богатую хорошим.

Любительницы и любители отечественной Словесности, которым посвящается Альманах, с удовольствием увидят на нашем языке (и, по большей части, в хороших переводах) некоторые из прекрасных стихотворных пиес Словесности иностранной, напр.: *Смерть Свенона*, г. Раича из Тасса, *Сакontала*, Тютчева из Гете; *Радость*, его же из Шиллера. Несколько оригинальных пиес князя Вяземского, Туманского, Баратынского, Тютчева, *Ермак* Муравьева и еще некоторые другие могут порадовать читателей, которые в сем Альманахе хотели бы найти новые, собственные произведения нашей Поэзии. Прочее ниже посредственного, и мы жалеем, что гг. Издатели взяли еще на себя труд знакомить публику с новыми рифмачами, кои называют друг друга поэтами и в коих всякий с неудовольствием узнает качества авторов, доставивших свои лепты в Сириус[2] и Календарь Муз[3].

Вместо того, чтоб представить любителям Словесности отечественной хорошее собрание оригинальных пиес прозаических, Издатели наполнили Северную Лиру переводами с языков Азиатских, надеясь вероятно доказать оными ужасную бедность литературы Персидской и Арабской, или по крайней мере, бедность Хрестоматий, которыми пользовались переводчики.

С особенным любопытством остановились мы на *письме г. Погодина о русских романах*: он указывает на источники для них в Русской истории и Русских обычаях. Благодарим за некоторые дельные замечания,— но если автор хорошо, быть может, знает старину: то ему очень худо известны, кажется, современные обычаи в нашем большом свете. Читатели не помнят, чтобы на *блистательном вечере*, *после танцев*, *перед ужином* и молодежь и старики когда-нибудь собирались за один круглый стол делать друг другу приветствия, *отпускать* насмешки и заводить разговор общий. Верно он писал свою речь в кабинете, а не произносил в гостиной.

Напрасно г. Р. старается доказать нам сходство между Ломоносовым и Петраркою, между Елизаветою и Лаурою: мы видим одно различие.

Мы хотели-было предоставить право судить о стихотворениях Делибюрадера той части нашей публики, которая вкусом приближается к Арабам и Персам; но отрывок из сочинения того же автора об искусствах показал нам, что Персы стараются применяться к нам европейцам, что у них господствует даже дух подражания французам, ибо язык Делибюрадера в прозе есть язык устарелого Демутье[4] в его письмах к Емилии.

О красоте изданий ни слова. В других журналах определено уже достоинство оных в сем отношении.

— *нъ*.

А. С. Пушкин

‹ОБ АЛЬМАНАХЕ «СЕВЕРНАЯ ЛИРА»›

Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков, имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех «Северной Лиры», первенца московских альманахов.

Из стихотворений «Греческая песнь» Туманского, «К одесским друзьям» (его же) отличаются гармонией, точностью слова, и обличают решительный талант. Между другими поэтами в первый раз увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостию. О г. Шевыреве умолчим как о своем сотруднике [1].

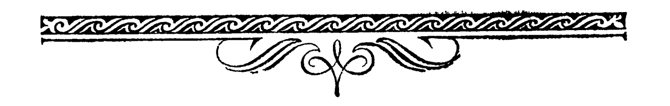
Заметим, что г-ну Абр. Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье. Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-м Делибюрадером,— что касается до нас, то мы находим его преложения изрядными для татарина.

Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна и остроумна. В самом деле, сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы.— Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества,

они сходствуют твердостию, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников. Но г-н Р. глубокомысленно замечает, что *Петрарка* был влюблен в Лауру, а *Ломоносов* уважал Петра и Елизавету, что Петрарка писал на латинском языке, написал поэму Сципион Африканский (т. е. Africa), а Ломоносов латинской поэмы не написал. Он в любопытном отступлении рассказывает, что старик приходил из Испании в Рим к Титу Ливию и что *такой же* старец, но к тому ж *слепой*, приходил *видеть* Петрарку,— таковой чудесный пример наш Ломоносов не может представить; наконец, что Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и проч., но что он (г. Р.) не знает, что бы сказал Ломоносов в таком случае.

Долго г-н Р. не знал, почему «у нашего холмогорца такая свежесть, такая сладость в стихах, не говоря уже о силе, которою, без сомнения, обязан он древним; но перечитавши все, написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые так называемые concetti». Сомнительно.

⟨1827.⟩



ПРИЛОЖЕНИЯ

Т. М. Гольц

«СЕВЕРНАЯ ЛИРА», ЕЕ ИЗДАТЕЛИ И АВТОРЫ

«Теперь ходячая наша словесность сделалась карманною... Пример „Полярной звезды" породил множество подражаний...»,— писал в 1825 г. А. Бестужев[1]. В. Г. Белинский назвал этот период развития литературы «альманачным периодом»: «Успех „Полярной звезды" произвел в нашей литературе альманачный период, продолжавшийся с лишком десять лет»[2].

Белинскому принадлежит и остроумная классификация разнообразного и интенсивного потока альманахов 20—30-х годов: «Одни из альманахов были аристократами, как, например, „Северные цветы", „Альбом северных муз", „Денница"; другие — мещанами, как, например, „Невский альманах", „Урания", „Радуга", „Северная лира", „Альциона", „Царское село" и проч.; третьи — простым черным народом, как, например, „Зимцерла", „Цефей", „Букет", „Комета" и т. п. ...Аристократические альманахи украшались стихами Пушкина, Жуковского и щеголяли стихами гг. Баратынского, Языкова, Дельвига, Козлова, Подо-

---

[1] *Бестужев А. А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов.— В кн.: Литературно-критические работы декабристов. М., 1978, с. 76.

[2] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954, т. IV, с. 120.

линского, Туманского, Ознобишина, Ф. Глинки, Хомякова и других модных тогда поэтов... Альманахи-мещане преимущественно наполнялись изделиями сочинителей средней руки и только для обеспечения успеха щеголяли несколькими пьесками, вымоленными у Пушкина и других знаменитостей...» [3]

Оценка Белинского нуждается в уточнении. Лучшие альманахи 20—30-х годов представляли собой различные литературные группировки и направления. Поэтому изучение альманахов позволяет правильно понять расстановку литературных сил, роль той или иной школы в развитии русской литературы.

«Полярная звезда» была печатным органом писателей-декабристов. После разгрома восстания 1825 г. передовые литераторы во главе с Пушкиным объединились вокруг «Северных цветов», издаваемых в Петербурге А. А. Дельвигом.

«Северные цветы» — самый долговечный русский альманах, пользовавшийся большим авторитетом у читателей; в нем было опубликовано наибольшее количество произведений Пушкина.

Если в «Северных цветах» печатались в основном петербургские литераторы, то «Северная лира» С. Е. Раича и Д. П. Ознобишина, как и выпущенная годом ранее М. П. Погодиным «Урания», представляли москвичей. И хотя «Северная лира» вышла только один раз, она стала заметным явлением в русской литературе 20-х годов. «Северной лирой» заинтересовался Пушкин, глубоко понимавший историческую роль подобного рода изданий. В неопубликованной при

---

[3] *Белинский В. Г.* Указ. соч. М., 1955, т. VIII, с. 214—215.

жизни поэта рецензии на этот альманах он писал: «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков, имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех „Северной лиры", первенца московских альманахов» [4]. П. А. Вяземский также считал, что: «„Северная лира", может, кажется, быть признана за представительницу Московских Муз. Имена писателей, в ней участвующих, принадлежат, по большей части, Московскому Парнасу» [5]...

Возможно, что название для своего альманаха Раич и Ознобишин позаимствовали из статьи А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», опубликованной в «Полярной звезде на 1823 год», где говорилось о русских поэтах, «составляющих созвездие Северной Лиры» [6]. По-видимому, именно «Полярная звезда» служила для них образцом. По своей архитектонике московский альманах напоминает не «Северные цветы», а альманах Бестужева и Рылеева: в нем проза не отделена от стихов, есть сходство и в оформлении обложки, где на виньетке изображена та же лира в лучах солнца (в «Полярной звезде» вместо солнца — звезда), окруженная облаками.

---

[4] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1949, т. XI, с. 48.

[5] Московский телеграф, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 239.

[6] *Бестужев А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России.— В кн.: Литературно-критические работы декабристов, с. 45.

1

Семен Егорович Амфитеатров, известный в литературе под фамилией Раич (1792—1855) родился в селе Рай-Высокое Кромского уезда Орловской губернии в семье священника. Семи лет он лишился матери, женщины, «образованной по тогдашнему времени, выше своего состояния» [7], начавшей обучать сына грамоте. Десяти лет, как и старший брат (впоследствии митрополит киевский Филарет), он был помещен сначала в Севскую, затем в Орловскую духовную семинарию. Фамилия «Раич» скорее всего была взята поэтом уже после выхода из семинарии [8].

По окончании семинарии Раич не принял духовного сана, так как чувствовал призвание к иного рода деятельности, мечтал учиться в Московском университете. Но чтобы прокормиться и иметь возможность посещать университетские лекции, ему пришлось заниматься частной педагогической практикой. Юноша служит домашним учителем в дворянских семьях: у А. Н. Надоржинской, ее сестры Н. Н. Шереметьевой. В 1813 г. его приглашают в дом И. Н. Тютчева, брата

---

[7] *Раич С. Е.* Автобиография.— Русский библиофил, 1913, № 8, с. 17.

[8] Сын Раича, Вадим Семенович, в одном из писем (*ПД*) сооообщал: «...По вопросу о происхождении фамилии «Раич» вполне определенных сведений сообщить не могу. От отца я слышал, что эта фамилия сербская, фамилия Амфитеатровых семинарского происхождения... [С. Е.] учился в Орловской семинарии под фамилией братьев — Амфитеатров».

К. А. Полевой писал, что Раич был серб по происхождению. Возможно, что сербкой была мать Раича, и фамилию он унаследовал от матери; отказавшись от духовной карьеры в пользу светской, решил сменить и фамилию.

Н. Н. Шереметьевой, наставником к Ф. И. Тютчеву. Здесь он жил с перерывом семь лет и в 1815—1818 гг. вольным слушателем прошел полный курс университетского образования по этико-политическому отделению.

К 1819 или 1820 г. относится участие Раича в Обществе громкого смеха, учрежденном им и его друзьями по университету. Среди его членов были и будущие декабристы: Ф. П. Шаховской, М. А. Фонвизин, А. Н. Муравьев, пытавшиеся превратить это литературное общество в тайную политическую организацию, что, однако, им не удалось [9].

Готовя Тютчева к поступлению в университет, Раич вместе с ним посещал частные лекции А. Ф. Мерзлякова и слушал профессоров словесного отделения. Неплохо знавший еще в семинарии римских авторов, он начинает углубленно заниматься итальянским языком и литературой.

Между Тютчевым и Раичем устанавливаются дружеские отношения: «года через три он уже был не учеником, а товарищем моим,— так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум» [10]. Вместе они читают Горация, Вергилия, произведения отечественной словесности. Из русских поэтов Раич особенно ценил Державина и И. Дмитриева, с творчеством которых основательно познакомился еще в семинарии. В доме Тютчевых он начал свой первый большой труд — перевод «Георгик» Вергилия. В 1821 г. перевод этот вышел в свет и привлек к Раичу внимание мос-

[9] См.: *Грумм-Гржимайло А. Г., Сорокин В. В.* Общество громкого смеха.— В кн.: Декабристы в Москве. М., 1963, с. 146—149.

[10] *Раич С. Е.* Автобиография, с. 24.

ковских литераторов, в частности маститого И. И. Дмитриева.

С октября 1821 г. Раич — член-корреспондент Вольного общества любителей российской словесности, с октября 1822 г.— член Общества любителей российской словесности при Московском университете.

По-видимому еще в 1820 г. он поступил в дом основателя школы колонновожатых Н. Н. Муравьева для воспитания его сына Андрея и пробыл там до 1823 г.

Дополнительно окончив в 1822 г. словесное отделение Московского университета, 29 апреля того же года Раич успешно защитил диссертацию на звание магистра — «Рассуждение о дидактической поэзии». Она была опубликована в виде предисловия к переводу «Георгик». На диспуте он выступал против Мерзлякова, доказывая ложность дидактического направления в поэзии и отстаивая равноправие в ней «полезного и приятного». Им разработана своя теория дидактической или, как он ее еще называл, догматической поэмы: «Научая, она не забывает доставлять нам удовольствие... Действуя на ум и сердце в одно и то же время, вы поддержите внимание читателя и нечувствительно перельете в душу его истины даже самые отвлеченные» [11].

Тезис о полезном назначении поэзии («Дидактик есть или наставник людей, или судия их поступков») соответствовал декабристскому пониманию воспитательной роли «изящной словесности».

Обращение к античности у Раича было обусловлено пассивным неприятием господствующих общественных

---

[11] *Амфитеатров С.* (*Раич*). Рассуждение о дидактической поэзии. М., 1822, с. 19.

порядков, романтическими поисками гармонической личности, отличающейся простотой и искренностью чувств. Он восхищается Вергилием — человеком и художником: «живший в веке утонченного разврата, ‹он› сохранил в душе своей священный огнь Весты и согрел им свои творения» [12].

Гекзаметры латинского оригинала Раич передал рифменным шестистопным ямбом. Российская академия нашла его переводы «Георгик» слишком вольными, но отметила в них ряд удачных мест [13]. Более лестный отзыв был помещен в «Полярной звезде на 1823 год»: «Переводы Раича Виргилиевых „Георгик" достойны венка хвалы за близость к оригиналу и за верный, звонкий язык» [14].

В 1822 г. Раич становится председателем литературного «Общества друзей», в которое входили в основном воспитанники Университетского благородного пансиона и Московского университета. Вероятно, к этому же времени относится его знакомство с Д. П. Ознобишиным и начало их творческого содружества. Первым плодом занятий общества стал выпущенный Раичем в 1823 г. альманах «Новые Аониды», в который вошли произведения Пушкина, Ф. Глинки, Д. Давыдова, Вяземского, Жуковского, Крылова, Тютчева, Баратынского, Гнедича.

В 1823 г. в Одессе Раич знакомится с Пушкиным [15],

---

[12] Там же, с. 22.
[13] См.: *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1888, т. VIII, с. 247—248.
[14] Цит. по: *Бестужев А.* Взгляд на старую и новую словесность в России.— В кн.: Литературно-критические работы декабристов, с. 49.
[15] См.: Галатея, 1839, ч. III, № 19, с. 132—133.

а в Москве — с Бестужевым и Кюхельбекером. С Пушкиным он встречался впоследствии у Веневитинова, Погодина и других москвичей.

В конце лета 1825 г. Раич снова в качестве наставника уехал с семьей одного помещика на Украину, откуда возвратился в августе 1826 г.; общество его больше не собиралось. Тогда же вместе с Ознобишиным он начал подготавливать альманах «Северная лира». В нем приняли участие почти все члены его общества.

Одновременно Раич готовил к печати перевод «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, над которым работал в 1821—1822 гг., печатая отрывки в журналах и альманахах. Полностью перевод был издан осенью 1828 г. в четырех томиках малого (16°) формата. Еще до выхода в свет перевод стал предметом полемики. Нападкам критики подверглась, в частности, использованная Раичем балладная строфа «Громобоя» (1810) и «Певца во стане русских воинов» (1812) Жуковского. Двенадцатистишная строфа с последовательным чередованием четырехстопных и трехстопных ямбических строк, которую Раич считал эквивалентом октавы, примененная в большом по объему произведении, привела к монотонности ритма. Переводчика обвиняли в неоправданных отступлениях от оригинала, в изысканной красивости. Впрочем, в периодике появились и сочувственные отклики.

Сам Раич считал перевод «Освобожденного Иерусалима» едва ли не своей главной литературной заслугой и потому счел необходимым опровергнуть рецензента «Современника» (1849, октябрь, Смесь, с. 132), приписавшего ему «уродливый стих своего изделия, будто бы встреченный им в моем переводе „Освобож-

денного Иерусалима": Вскипел Бульйон, течет во храм» [16].

Позднейший переводчик поэмы Тассо Орест Головнин (Роман Брандт), хотя и писал, что «Раичев перевод бледноват, а легкий размер его, годный для лирики и баллады, звучит хорошо только во вводной строфе, присочиненной самим переводчиком»,— тоже считает долгом снять с Раича «ходячий, но несправедливый упрек, будто он сделал невольный каламбур: Вскипел Бульйон, течет во храм. Раич,— пишет он,— никогда не называет Готфрида Бульйонского „Бульйоном", да и нет во всем Освобожденном Иерусалиме места, которое, даже при самой вольной передаче можно было бы перевести таким образом» [17].

Той же балладной строфой Раич перевел и опубликовал тремя выпусками «Неистового Роланда» Ариосто (1831, 1833, 1837). Перевод этот, не встретивший сочувствия у читателя, не был доведен до конца: из 46 песен было переведено 26.

Выступил Раич и как оригинальный поэт. Мотивы эпикурейства, наслаждения земными радостями перемежаются у него с мотивами одиночества лирического героя, его сиротства в этом неласковом мире. Отсюда, с одной стороны, типичные для эпикурейца образы радостной весны — юности, соловья, веселья на пиру жизни и полных чаш («Ероты», «Прощальная песнь в кругу друзей», «Соловью», «Песнь на пирушке друзей», «Жаворонок»), с другой — образ сиротливой судьбы, олицетворением которой являются то одинокий челнок, разбивающийся о скалу («Грусть на пиру»,

[16] Цит. по: *Раич С. Е.* Автобиография, с. 31.
[17] *Тассо Т.* Освобожденный Ерусалим. М., 1911, т. I, с. X—XI.

«Друзьям»), то бездомные растения («Амела», «Перекати-поле»).

Характерный для романтиков конфликт художника и толпы наполняется в поэзии Раича конкретным социально-историческим содержанием. Возникает тема пророческого смысла искусства и страдательной судьбы художника. Например, в стихотворении «Жалобы Сальватора Розы»:

...Я родился на свет, чтоб терзаться, страдать,
И трудиться весь век, и награды не ждать...
. . . .
И я ... я живописец! .. Да!
На все смеющиеся краски
Я навожу, и никогда
От счастия не вижу ласки...
Будь живописец, будь поэт,—
Что пользы? В век наш развращенный
Счастлив лишь тот, в ком смысла нет,
В ком огнь не теплится священный...

В 1829—1830 и 1839—1840 гг. Раич издавал журнал «Галатея», как он сам говорит, «не по призванию, а по обстоятельствам». Журнал приобрел печальную славу из-за ожесточенной полемики с «Московским телеграфом» Полевого. Известны нелестные отзывы о нем М. Ф. Орлова, Пушкина, Вяземского, Белинского. Однако неправильно было бы сводить на нет положительную роль этого журнала. В нем печатались Ф. Глинка, Тютчев, Полежаев, Шевырев, В. Туманский, Ознобишин, Вельтман, Красов, Е. Ростопчина; два стихотворения — «Ел. Н. Ушаковой» («Вы избалованы природой..») и «Цветок» — поместил Пушкин.

Основные идейно-эстетические установки Раича нашли отражение в статьях «Об италианском стопосложении» и др.; в рецензиях на поэму Ф. Глинки «Карелия», на стихотворения И. Козлова, на перевод «Илиады» Гнедича; в критических обзорах журналов и альманахов.

К оценке творчества Пушкина Раич подходил с позиций романтизма, считая, что содержание «почти во всех произведениях г-на Пушкина не богато»; не понял он и «Евгения Онегина» [18]. Но впоследствии сумел увидеть в поэте «выразителя чувств и дум русского народа» [19].

В той же «Галатее» был опубликован без подписи довольно подробный разбор «Бориса Годунова», где содержалось глубокое рассуждение о заключительной ремарке Пушкина «Народ безмолвствует»: «Как много заключается в этом „народ безмолвствует"! Вы нехотя задумываетесь при этом „народ безмолвствует" и как будто присутствуете при поражении Аполлоновыми стрелами Ниобы и при превращении ее в камень в минуту гибели невинных ее детей... В этом „народ безмолвствует" таится глубокая политическая и нравственная мысль: при всяком великом общественном перевороте народ служит ступенью для властолюбцев-аристократов... он слепо доверяется тем, которые выше его и в умственном и в политическом отношении; но увидевши, что доверенность его употребляют во зло, он безмолвствует от ужаса, от сознания зла, которому прежде бессознательно содействовал; безмолвствует, потому что голос его заглушается внутрен-

[18] Галатея, 1830, № 14, с. 124—134.
[19] *Раич С. Е.* Воспоминания о Пушкине.— Галатея, 1840, № 10, с. 182—185.

ним голосом проснувшейся, громко заговорившей совести. В высшем сословии совсем другое дело: там совесть подчинена и раболепно покорствует расчетам честолюбия или какой другой страсти...»[20].

В «Галатее» помещались отчеты С. Т. Аксакова о московских спектаклях — «лучшие для своего времени критические отзывы о сценическом искусстве»[21]. Журнал этот сыграл определенную роль в литературном процессе своего времени; в нем пытались найти «пути органического соединения газетной оперативности и основательной и разнообразной журнальной содержательности»[22].

Связь личной судьбы и творчества Раича с декабристским движением нашла отражение и в более позднем его произведении — поэме «Арета» (М., 1849). Тема Древнего Рима, соотнесенность ее с современной русской действительностью включают эту поэму в круг декабристской литературы. В судьбе главного героя отражены моменты личной биографии Раича.

Последнее произведение поэта — оставшаяся в рукописи поэма нравственно-дидактического содержания «Райская птичка»[23].

---

[20] Галатея, 1839, ч. IV, № 27, с. 52, 54—55. Об этом также см.: *Алексеев М. П.* Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует».— В кн.: *Алексеев М. П.* Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 208—239.

[21] *Колюпанов Н. П.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889, т. I, кн. 2, с. 62.

[22] *Морозов В. Д.* Из истории журнальной критики 20—30-х годов XIX века. (Журнал С. Е. Раича «Галатея»).— В сб.: Художественное творчество и литературный процесс. Томск. 1982, вып. 3, с. 101.

[23] *ПД*, 4204/XIII, с. 48, 56 лл.

В жизни Раича большое значение имела его педагогическая деятельность, неразрывно связанная с собственной поэтической практикой,— «мне как будто на роду написано было целую жизнь учиться и учить»[24]. Воспитывая и развивая поэтический талант своих учеников, он не переставал учиться сам. У него были воспитанники не только в частных домах. С 1827 по 1831 г. Раич преподавал практическую российскую словесность в Университетском благородном пансионе, где его учениками были Лермонтов, Л. Якубович, С. Стромилов, Н. Колачевский, В. М. Строев, брала у него уроки и Е. В. Сухово-Кобылина, впоследствии известная писательница (псевдоним — Евгения Тур). Немаловажна и благотворная роль Раича в поэтическом воспитании Лермонтова[25].

Взаимоотношения с Тютчевым — яркая страница в творческой биографии Раича. Работая над переводом «Георгик», Раич показывал свой труд только Тютчеву, «вкусу которого вполне доверял»[26]. Когда перевод был закончен, Тютчев посвятил учителю стихотворение «Неверные преодолев пучины...» (14 сент. 1820):

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..

---

[24] *Раич С. Е.* Автобиография, с. 17.

[25] См. *Левит Т.* Литературная среда Лермонтова в Московском благородном пансионе.— *ЛН.* М.; Л., 1948, т. 45—46, с. 241—242, 244—246; *Гроссман Л.* Стиховедческая школа Лермонтова.— Там же, с. 260—262.

[26] *Раич С. Е.* Автобиография, с. 25.

Дата написания второго его стихотворения, обращенного к Раичу и появившегося в «Атенее» (1829, янв. кн. I, с. 61—62) под заглавием «К NN» («На камень жизни роковой...»), неизвестна. Обычно оно относилось к маю — началу июня 1822 г.: 29 апреля этого года Раич защитил магистерскую диссертацию. Н. В. Королева высказала предположение, что стихотворение написано позднее — в 1827—1828 гг., т. е. уже после выхода в свет перевода Раича «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо, вызвавшего оживленную полемику [27]. Но, как справедливо замечает К. В. Пигарев, «в стихотворении Тютчева, рисующем поэтический путь бывшего воспитателя, нет ни единого намека на перевод Раичем поэмы Тассо» [28].

Раич, член Союза Благоденствия, привлекался к следствию по делу декабристов, но был «оставлен без внимания» [29], как и другие члены Союза, не проявлявшие после его распада заметной политической активности. По-видимому, это стало известно Тютчеву, которого не могла не волновать судьба наставника и друга. И потому стихотворение могло быть написано и во второй половине 1826 г., когда «гроза миновала» [30].

---

[27] См. примеч. Н. В. Королевой в кн.: *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. М.; Л., 1962, с. 383.

[28] См. примеч. К. В. Пигарева в кн.: *Тютчев Ф. И.* Лирика. М., 1965, т. 2, с. 335.

[29] Восстание декабристов, т. 8. Алфавит декабристов. Л., 1925, с. 161.

[30] Список этого стихотворения имеется в раичевском рукописном собрании. А. А. Николаев считает его автографом и предположительно датирует 1827 г. (см.: *Николаев А. А.* Судьба поэтического наследия Тютчева 1822—1836 годов и текстологические про-

Прослеживая жизненный путь Раича, Тютчев подчеркивает его исключительную приверженность поэзии; поэт-мечтатель, живущий «в мире сем, как в царстве снов», далек он от реальной общественно-политической жизни; по натуре он не борец, не оратор, а публично выступил лишь однажды на «диспуте магистра»:

На камень жизни роковой
Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
Играл — неосторожен,
Но Муза сирого взяла
Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
Ковер под ним роскошный.
Как скоро Музы под крылом
Его созрели годы —
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы,—
Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру,—
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.

. . . .

И в мире сем, как в царстве снов,
Поэт живет, мечтая,—
Он так достиг земных венцов
И так достигнет рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье — быстро...
А спорил в жизни только раз —
На диспуте магистра.

блемы его изучения.— Русская литература. 1979. № 1, с. 140).

В стихотворении встречаем элементы декабристской поэтики: «камень жизни роковой», «храм Свободы», «пламенная лира». Говоря о характеристике Раича в этом стихотворении, К. В. Пигарев замечает: «Тютчев лучше, чем мы, знал поэзию Раича, который в эти годы, очевидно, не только переводил „Георгики" Вергилия, но и писал стихи политического содержания»[31]. По всей вероятности стихотворение было послано Тютчевым в Москву и вызвало ответ Раича. Его стихотворение «Друзьям», написанное до 1 ноября 1826 г. (цензурное разрешение «Северной Лиры»), является, по нашему мнению, ответом на два упомянутых стихотворения Тютчева, причем ответом не только своему бывшему питомцу, но и всей той молодежи, которая в 1822—1825 гг. составляла его литературный кружок.

Если Тютчев в первом стихотворении создает образ певца, достигшего «желанных берегов», влетающего в пристань «с верным торжеством», а во втором «сирого» младенца, взятого Музой под «покров надежный» и ею воспитанного, не приносившего «мрачных жертв» кумиру Свободы, а посвятившему ей «горсть цветов» и «пламенную лиру», то Раич отвечает, что путь его как пловца не окончен: он одинок и сир, в будущем его ожидает одинокая смерть, что «в скучной молодости» он цветов «с тех брегов не срывал» и «венков не вил».

Глубоко лирическое и проникновенное стихотворение «Друзьям» отражает душевное состояние поэта после событий 14 декабря и расправы над его участ-

---

[31] *Пигарев К.* Ф. И. Тютчев и его время. М., 1978, с. 27.

никами. Эти события не прошли мимо него так бесследно и «благополучно», как это рисуется Тютчевым. Раич ощущал свою причастность к тому же героическому поколению, что и декабристы:

Вы во всей еще весне,
    Я почти
    На пути
К темной Орковой стране
С ношей старческою.
. . . .
Я чрез жизненну волну
    В челноке
    Налегке
Одинок плыву в страну
Неразгаданную.
Я к брегам бросаю взор —
Что мне в них,
Каждый миг
От меня, как на позор,
В мгле скрывающихся?

Что мне в них? Я молод был,
    Но цветов
    С тех брегов
Не срывал, венков не вил
В скучной молодости...

Я плыву и наплыву
    Через мглу
    На скалу
И сложу мою главу
    Неоплаканную...

По-видимому, в «Атеней» стихотворение «На камень жизни роковой...» попало через Раича.

Позднее в том же 1829 г. в «Галатее» (№ 10, с. 210—211) было опубликовано стихотворение «Раздумье» за подписью «Р.», где мы снова встречаем устойчивые для поэта образы челнока и «вероломных» волн, в которых он погибает. Здесь появляются и новые образы:

Я вижу на брегу раскрашенный челнок:
Приветлив кормчий в нем; широки моря волны
Спокойно улеглись; Борей и Нот безмолвны,
Лишь плещется в зыбях игривый ветерок.
Но верности нельзя от вероломных ждать,
И не один, пленясь спокойствием погоды,
При чистом свете звезд спускал челнок на воды,
И смелых был удел — неверным жизнь отдать.
И я не раз видал трофеи волн седых,
Раздранны паруса и веслы раздробленны,
И кости — на песке лежат не погребенны,
И сирыя кругом блуждают тени их.
Когда мне судит рок сердитые валы
Для милой рассекать и сеять брызги пены,
Пусть гробом будут мне объятия Сирены,
А не пески брегов, не каменны скалы.

Намек на трагическую судьбу декабристов, на казнь пятерых, чьи тела были тайно зарыты на острове Голодай, достаточно внятен. Не является ли Раич автором и этого стихотворения? Он нередко подписывался инициалом. Помета «С италианского» также свидетельствует в пользу авторства Раича — переводчика Тассо и Ариосто. Впрочем, это скорее оригинальное стихотворение: «переводом» оно сделано, вероятно, из

цензурных соображений. Возможно, это продолжение раздумий поэта над выступлением декабристов и жестокой расправе над ними.

К 30-м годам переписка Тютчева с Раичем, как считают исследователи, прекратилась. Объяснять это тем, что Тютчев был недоволен деятельностью Раича — издателя «Галатеи», журнала, который резко полемизировал с «Московским телеграфом» Н. Полевого, едва ли возможно [32]. Скорее всего, сказалась отдаленность Тютчева от России, его принадлежность в те годы к совершенно иной среде. А когда тот возвратился на родину и они встретились, Тютчев едва мог узнать своего прежнего наставника: «...я расстался с ним двадцать лет тому назад, когда он был во цвете лет, а нынче это лишенный почти всех зубов человечек, со старческой физиономией, представляющей, так сказать, карикатуру на его прежнее лицо. Я никак не могу опомниться от этого удара» [33].

Тютчева можно понять, если сравнить два портрета Раича. Один, написанный маслом в 1855 г., за несколько месяцев до смерти Раича, И. Д. Кавелиным по заказу Погодина, другой — акварель Лермонтова «Портрет неизвестного», датируемая 1830—1832 гг. [34] Мы считаем, что Лермонтов изобразил на ней своего пансионского учителя Раича. Портреты эти трудно сопоставимы: они выполнены в разной технике, один — дилетантом, другой — профессиональным художником; их разделяет примерно 25-тилетний период. И все же,

---

[32] *Николаев А. А.* Судьба поэтического наследия Тютчева..., с. 134.

[33] Цит. по: *Пигарев К.* Указ. соч., с. 116.

[34] Лермонтов. Картины, акварели, рисунки. М., 1980, с. 150.

как нам представляется, в этих изображениях есть нечто общее.

На акварели Лермонтова изображен смуглый брюнет среднего возраста с восточным типом лица, с вдохновенным взглядом. Он узкоплеч и, видимо, невысок. Все это соответствует описаниям внешности Раича современниками [35]. Сын Раича считал кавелинский портрет неудачным [36]. Возможно, акварель Лермонтова точнее сохранила нам облик Раича-поэта.

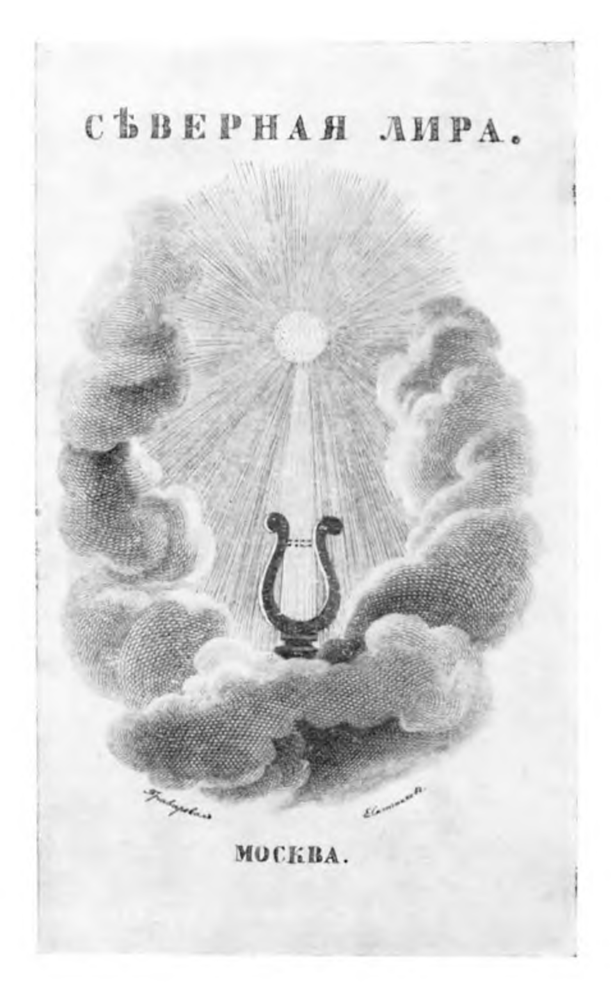
И в последние годы жизни Раича у него собирался дружеский кружок: поэты Ф. Н. Глинка, М. А. Дмитриев, Ф. Б. Миллер, художник К. И. Рабус, скульптор Н. А. Рамазанов. Поэт и переводчик Ф. Б. Миллер писал о Раиче: «Убеленный сединами, но юный душою, он любил окружать себя молодыми людьми, горячо сочувствовал всему прекрасному и благородному и радовался проявлению каждого молодого таланта» [37].

2

Дмитрий Петрович Ознобишин (1804—1877) родился в поместье отца — селе Троицком Карсунского уезда Симбирской губернии. Отец его, происходивший из старинной дворянской фамилии, известной с XIV в., служил некоторое время директором банка в Астрахани; там он женился на дочери богатого грека-благотворителя И. А. Варваци, который оказал важные услуги русскому флоту в Чесменском сражении. Лишившийся еще в детстве обоих родителей, Ознобишин был взят дедом в Петербург и помещен в семью

---

[35] См., напр., *Полевой К. А.* Записки. СПб., 1888, с. 100.
[36] *ПД*, Р. I, оп. 24, ед. хр. 8, л. 2 (письмо Раича В. С. к Славскому Г. М.).
[37] Москвитянин, 1855, т. VI, № 21—22, с. 246.



Лицевая сторона обложки альманаха «Северная лира на 1827 год». Гравировал Е. Скотников

СѢВЕРНАЯ ЛИРА

НА 1827 ГОДЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМЪ

И

ЛЮБИТЕЛЯМЪ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

РАИЧЕМЪ И ОЗНОБИШИНЫМЪ.

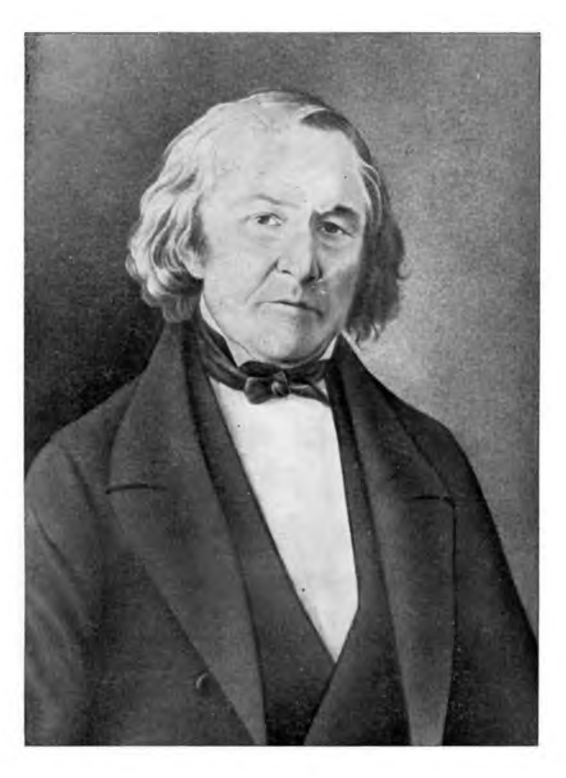
МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1827.

Титульный лист альманаха
«Северная лира на 1827 год»

М. Ю. Лермонтов.
Портрет неизвестного (С. Е. Раича?).
Акварель 1830—1832 гг. ГПБ



С. Е. Раич.
Фототипия Фишера с портрета И. Д. Кавелина. Масло, 1855 г. Музей ИРЛИ (ПД) АН СССР. Местонахождение оригинала неизвестно

родственника — сенатора А. В. Казадаева, где получил хорошее домашнее воспитание.

С 1819 г. он воспитанник Московского университетского благородного пансиона, где любимым предметом была русская литература, которую преподавал А. Ф. Мерзляков. Уже в младших классах Ознобишин входил в литературные общества пансиона, а затем был выбран «за отличие в аускультанты высшего собрания, учрежденного Жуковским» [38].

В 1820 г. в пансионском альманахе «Каллиопа» (ч. 4) был напечатан его перевод французского стихотворения «Трубадур», а в следующем году в «Вестнике Европы» (ч. 116, № 4) — оригинальное стихотворение «Старец».

В первых своих стихотворениях он подражает Жуковскому, затем осваивает стиль изящной эротической лирики, переводит Парни и стихи из древнегреческой антологии. Молодым поэтом заинтересовался А. А. Бестужев. Собирая материал для «Полярной звезды», 15 апреля 1823 г. он обращается к Вяземскому за содействием: «Еще пощупайте молодого стихотворца, едва у Вас известного,— это Ознобишин. У меня есть две его прелегкие штучки из Парни. Внимание Ваше ободрит его, да и мы уверимся, можно ли от него чего-нибудь дождаться» [39]. Для альманаха Бестужева и Рылеева «Звездочка», не вышедшего в свет, Ознобишин дал свой перевод с санскрита эпизода из поэмы Виазы «Брама-Пурана» — «Пустынник Канду» [40].

---

[38] Цит. по: *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион... М., 1858, с. 76—77.

[39] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому (1823—1825).— *ЛН.* М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 202.

[40] Звездочка на 1826 г.— В кн.: Полярная звезда, изд

К кружку Раича Ознобишин, вероятно, присоединился уже в 1822 г.[41] и исполнял обязанности секретаря[42]. Знакомство с Раичем, перешедшее затем в дружбу,— важное событие в творческой биографии Ознобишина. Именно Раич помог ему обрести свое «лица не общее выраженье». Он поддерживал увлечение молодого поэта восточными языками, результатом чего явились обширные статьи-экскурсы в поэзию народов Востока и подражания поэтам Востока.

В течение двух лет Ознобишин занимается арабским и персидским языками под руководством ученого муллы и слушает лекции профессора восточных языков А. В. Болдырева в Московском университете[43].

Раич внимательно следит за успехами своего друга в ориенталистике, надеясь, что персидские и арабские переводы обогатят русскую поэзию новыми темами, приемами и образами и тем самым довершится «опоэзение» русского языка.— «Чтобы дополнить это опоэзение нашего языка,— писал он Ознобишину,— надобно перенести к нам поэзию Востока. Этот благород-

---

А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960, с. 742—745.

[41] Среди изданных им книг Ознобишин называет и «Новые Аониды на 1823 г.» (Ц. р. 9 янв. 1823 г.).— См. его письмо к П. М. Языкову от 9 ноября 1848 г., опубликованное Н. Варламовым в статье «Друзья библиотеки» (Пролетарский путь, 1940, 6 января). Указанием на это письмо мы обязаны любезности зав. сектором краеведения Ульяновского Дворца книги Н. И. Никитиной.

[42] См. неопубликованное письмо Ознобишина к В. Ф. Одоевскому, датируемое приблизительно 1823 г.— *ПД*, ф. 213 (Ознобишина), № 100, л. 2.

[43] Энциклопедический словарь. СПб., 1897, т. 21(а), с. 776.

нейший, прекраснейший труд предлежит Вам, любезный друг, конечно, вам, по крайней мере значительною частию»[44]. А в другом письме спрашивал: «Что ваш Восток? Дышите, дышите им — он ваша слава, ваша жизнь в полном значении этого слова»[45].

Окончив пансион в апреле 1823 г., Ознобишин в августе 1824 г. поступил на службу в Московский почтамт, где до 1828 г. был цензором французских повременных изданий. В 1826 г. в «Урании» он публикует восточную повесть «Спор», а в «Сыне отечества» статью «О духе поэзии восточных народов и рассмотрение статьи „Московского телеграфа“ под заглавием: „Новейшие исследования и сочинения касательно восточной литературы“». Сделав общий обзор истории изучения Востока в Европе и России, он подвергает резкой критике статью «Московского телеграфа» за всякого рода неточности.

Ознобишин-переводчик понимал, что своеобразные, гиперболические восточные образы русскому читателю могут показаться странными, и потому спешил подготовить его. Так он пишет о фарсиязычной поэзии: «Язык ее есть язык страсти: оттого он силен, обилует фигурами и метафорами, если даже, как иные утверждают, иногда излишествует сравнениями, то это потому, что он есть излияние сердца преисполненного, которому недостает слов для выражения всех своих

---

[44] Письмо к Ознобишину от 20 ноября 1825 г. (см.: *Васильев М.* Из переписки литераторов 20—30-х годов XIX века.— Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1929, т. 34, вып. 3—4, с. 175.

[45] Письмо от 17 июня 1826 г.— Там же.

чувствований — беден, слишком недостаточен для него язык обыкновенный...»[46]. Он подробно говорит о Фирдоуси, Низами, Саади, Хафизе, Хусейне Ваизе Кашефи, Джами и его «Хамсе» («Пятерица»). В эпопее Фирдоуси он находит «разительное сходство с „Илиадой" и „Одиссеей" Омира», т. е. Гомера.

Статью эту Ознобишин опубликовал под псевдонимом «Делибюрадер» (видоизмененное Дел-е берадар — сердце брата), которым отныне подписывает все свои труды по восточным литературам.

В 1827 г. он вместе с Раичем издаст альманах «Северная лира». Вошедшие в него переводные стихотворения Ознобишина, в частности «Нама» (с арабского), сделались объектом резкой критики Вяземского, и Делибюрадер-Ознобишин так и остался с репутацией переводчика-неудачника с восточных языков, хотя уже его современник, известный востоковед И. Н. Березин (1818—1896) оценивал его переводы совсем по-другому: «Стихотворения его, в том числе замечательные переводы с восточных языков, печатались в альманахах, „Телескопе" и др.»[47].

К 1827 г. относится намерение Ознобишина, уже хорошо владевшего персидским и арабским языками, отправиться в Персию. Через своего дядю Г. А. Хомутова он хлопочет о включении его в состав миссии А. С. Грибоедова. Намерение это не было осуществлено[48].

---

[46] Сын Отечества, 1826, ч. 106, № 9—12, с. 385.
[47] Цит. по: Русский энциклопедический словарь, изд. И. Н Березиным. СПб., 1876, отд. 3, с. 192.
[48] См.: Биография Дмитрия Петровича Ознобишина. СПб., 1878, с. 12.

Две стороны творчества Ознобишина — оригинальная и переводная — не могли развиваться изолированно одна от другой: в его оригинальные стихотворения проникают мотивы и образы персидско-таджикской и арабской поэзии. Образ «духа степей», который дарит за поцелуй «чертог из пышного коралла», в стихотворении «Рождение перла» ассоциируется с хафизовскими строками о турчанке из Шираза. Восточного происхождения и образ слезы, ставшей перлом: в «Бустане» («Плодовый сад») Саади рассказывается о смиренной капле, превращенной в жемчужину. Те же образы находим в стихотворениях Раича («Капля росы и река», 1824; «Песнь соловья», 1827) и Лермонтова («Грузинская песня», 1828; «Кинжал», 1838).

С 1826 по 1830 г. Ознобишин создает превосходные оригинальные стихотворения: «К N» («Страдалец произвольной муки...»), «Меня обманула улыбка одна», «Милодора», «Три розы», «Пятнадцать лет», «Воспоминание», «Рождение перла», «Продавец невольниц», «Ревнивый демон», «Тайна пророка», «Аравийский конь», «Пловец». Здесь и любовная лирика, порой доходящая до трагического звучания, и гражданская, примерами которой могут служить три последних стихотворения.

В 1830 г. поэт выпускает две небольшие книжки — «Гинекион», вольный перевод стихотворений из древнегреческой антологии, и «Селам, или Язык цветов». Основная часть второй книжки — словарь-перечень названий цветов на русском, латинском и французском языках. Поэма Ознобишина образует поэтическое вступление, рассказывающее о происхождении Селама. В. М. Жирмунский рассматривает это произведение в ряду романтических поэм, написанных в традиции

«Бахчисарайского фонтана»,— «гаремные трагедии» [49].

К 1830-м годам относятся встречи Ознобишина с Пушкиным в петербургском салоне М. Виельгорского [50].

Вначале поэзия Ознобишина развивалась в русле школы «гармонической точности», но уже с 30-х годов его миросозерцание изменяется, и в его лирике все чаще начинают звучать трагические ноты, приводящие ее к гармонии контрастов. В его поэзию проникают мотивы одиночества, разлуки, смерти, рока («Фивский царь», «Аттила», «Чудная бандура», «Прости», «Умирающий клефт», «21 июня» и неопубликованное «Турецкий кинжал»).

Одновременно он продолжает занятия восточными литературами, свидетельством чего является помещенный в «Телескопе» за подписью «Делибюрадер» перевод главы из поэмы «Искандер-наме» («Книга Александра») Низами Ганджеви — великого азербайджанского поэта, писавшего на фарси. Глава называлась «Прибытие Ал. Великого в степь Кефчака» [51]. Перевод этот был сделан с книги, содержавшей текст на фарси и французский перевод (СПб., 1829). Сличение русского перевода с подлинником показывает, что Делибюрадер работал с оригиналом на фарси, а французский перевод мог привлекать в отдельных случаях для сверки. Поэт Ознобишин, тем не менее, стихи Низами передает прозой, стремясь к филологически точному переводу с возможным сохранением системы образов подлинника.

---

[49] *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. Л., 1978, с. 257

[50] См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 285.

[51] Телескоп, 1831, ч. VI, № 21, с. 521—532.

Попытка Делибюрадера перевести стихи Низами стихами относится к 1833 г., когда он опубликовал, опять-таки в «Телескопе», большую статью о вышедшем в 1832 г. в Казани подражании пятой новелле из поэмы Низами «Семь красавиц»: «Красавица замка, или Повесть о Русской царевне», выполненном на немецком языке профессором восточных языков Казанского университета Ф. Эрдманом [52].

Включенное в статью переложение Делибюрадера по содержанию близко к оригиналу, хотя художественные образы воспроизведены избирательно. Сохранена парная рифмовка месневи.

В статье имеется рассуждение Делибюрадера о назначении поэзии и роли поэта. Останавливаясь на панегирическом периоде в истории персидско-таджикской поэзии, он с горечью отмечает: «Стихотворцы сей эпохи, по большей части, были купленные хвалители шахов, коих обоняние, пресыщенное благоуханием лести, жаждало новых, более изысканных хвалебных благовоний... Таким образом суетность властителей и низость панегиристов довели поэзию до унизительной обязанности рабыни!» [53].

Во взглядах на роль поэта и назначение поэзии Ознобишин выступает как продолжатель традиций декабристской эстетики; он остался верен свободолюбивым идеалам юности. В 1828 г. поэт совершил смелый поступок, решившись анонимно издать переданную ему, по-видимому, сестрой поэта-декабриста Е. А. Бестужевой, первую главу повести в стихах «Андрей,

---

[52] Телескоп, 1833, ч. XVIII, № 21, с. 89—111.
[53] Там же, с. 96.

князь Переславский»[54]. До конца своих дней он хранил у себя стихотворения К. Ф. Рылеева и А. И. Одоевского, список «Горя от ума» А. С. Грибоедова, запрещенные лондонские издания.

Поэтический арсенал современной ему русской поэзии Ознобишин стремился обогатить за счет мотивов, приемов и образов персидско-таджикской поэзии. И хотя переводов и подражаний арабскому и персидскому у него не так много, влияние поэзии Востока на его творчество было и значительно и плодотворно. Процесс усвоения восточных элементов становится особенно интенсивным в 30-е и 40-е годы, когда Ознобишин печатает свои стихотворения в «Отечественных записках», где тогда же сотрудничает В. Г. Белинский, положительно отзывавшийся о поэте в статьях «Литературные мечтания» и «Русская литература в 1840 году»[55].

В «Отечественных записках» и «Москвитянине» напечатаны лучшие, наиболее зрелые стихотворения поэта: «Кавказское утро», «Прости, Пятигорск», «Пардзан», «Пятигорск», «Машук и Казбек», «Тоска по Отчизне», «Кавказский полдень и буря», «Кисловодск». Из стихотворений этого периода особого внимания по своей гражданской направленности заслуживает «Турецкий кинжал», являющееся «ответом» («назира») на два стихотворения Лермонтова — «Кинжал» и «Поэт»,

---

[54] Сообщение о Д. П. Ознобишине как издателе поэмы А. А. Бестужева содержится в уже упомянутом нами его письме к П. М. Языкову от 9 ноября 1848 г. (см.: *Варламов Н.* Друзья библиотеки — Пролетарский путь, 1940, 6 янв.).

[55] *Белинский В. Г.* Указ. соч., 1953, т. 1, с. 21; 1954, т. 4, с. 441.

и представляющее большой интерес и по своему идейному содержанию и по художественным особенностям:

Мой кинжал не блещет златом,
Бирюзами не покрыт,
Он красуется булатом,
Полумесяцем извит.
Чужд он роскоши восточной,
Не сияет в жемчугах;
Под чеканкой узорочной
Скрыт он в бархатных ножнах.
Говорят, искусством чудным
Был в Дамаске отлит он,
Знойным солнцем, ветром буйным
Прокален и закален.
И по стали серебристой
Сребро-звонкого клинка
Стих златой струей волнистой
Чья-то врезала рука.
Дышит мир в словах Корана:
«Жизнью смертных водит рок!»
Но в значеньи талисмана
Тайный смысл сокрыл пророк.
И преданье сохранилось,
Что не ветр кинжал калил,
Что как сталь в огне томилась,
Он слезою облит был...
Безнадежной, безотрадной!..
То любви слеза была,
И она по стали хладной
Буквы золотом прожгла.
Верен и могуч ударом
Мой кинжал во тьме ночной,

Бледен лик пред ним не даром
У турчанки молодой.
Вероломную моленья
Не спасут, не оградят,
Он как Эвлис жаждет мщенья...
Мой таинственный булат [56].

Как это было принято в персидско-таджикской классической поэзии при создании «назира», в стихотворении Ознобишина использованы образы и лексика произведений его предшественника, хотя и не соблюден стихотворный размер Лермонтова. Здесь тоже рассказана история булатного кинжала. Кинжал с надписью из Корана, как и у Лермонтова «слезою облит был», причем «безнадежной, безотрадной» «слезою любви». Образ вероломной «турчанки молодой» едва ли надо понимать буквально. Скорее всего это иносказание, за которым, как в суфийских произведениях персидско-таджикской поэзии, скрывается нечто иное. И «таинственный булат» Ознобишина жаждал мщенья за смерть Лермонтова, как в январе-феврале 1837 г. жаждала отмщенья за Пушкина муза Лермонтова.

В стихотворении видна преемственность линии гражданственности в русской поэзии, которая вслед за Радищевым и декабристами была подхвачена Пушкиным и Лермонтовым. Вряд ли бы цензура пропустила «Турецкий кинжал». Но, наверное, не только это останавливало Ознобишина, поэта, весьма сдержанно относившегося к оценке собственного творчества и, ви-

---

[56] *ПД*, ф. 213 (Ознобишина), № 17, л. 49—50. Эвлис, Эблис — правильнее, Иблис — дух зла в коране, дьявол.

димо, не считавшего себя вправе претендовать на роль продолжателя двух великих гениев.

С Лермонтовым Ознобишина сближает тонкое проникновение в мир восточной поэзии; у них много общего не только в изображении природы Кавказа, но и в использовании образов персидско-таджикской и арабской поэзии: сравнений, метафор, уподоблений, параллелизмов, эпитетов, в стремлении приблизиться к восточной инструментовке стиха. Со временем в его поэзии находят отражение противоречия жизни, звучит тема рока, ему все ближе становится лермонтовское мировосприятие.

У себя на родине Ознобишин активно занимался вопросами народного просвещения. С 1833 г. он был почетным смотрителем Карсунского уездного училища, а с апреля 1838 г. по апрель 1841 г. и с мая 1844 г. по июнь 1847 г.— почетным попечителем Симбирской гимназии. У себя в имении в 1861 г. он открыл школу для крестьян (ныне это средняя школа № 3 города Инзы, Ульяновской области). В пореформенное время Ознобишин, отличавшийся либеральными взглядами, состоял членом Симбирского губернского статистического комитета и членом «особого присутствия» по крестьянским делам, благоустраивал быт своих крестьян [57].

Разносторонне образованный, знавший, кроме персидского и арабского, латинский, греческий, французский, немецкий, шведский, английский, испанский, итальянский языки, Ознобишин переводил Шекспира,

---

[5] См.: *Селиванов К.* Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969, с. 58.

Байрона, Шенье, Томаса Мура [58], Булвера-Литтона [59], Шамиссо, Гете, Гейне, Мицкевича, Тегнера [60], Беранже, Гюго, Лонгфелло.

Интересы Ознобишина — «поэта и полиглота», как назвал его в дружеском послании 1834 г. Н. Языков, были необыкновенно широки: он внес свой вклад и в русскую историю [61], в фольклористику [62], и в развитие русской музыкальной культуры, и в научную арабистику [63].

Несколько стихотворений Ознобишина стали песнями. На тексты его стихотворений писали романсы А. А. Алябьев и Н. А. Титов [64].

Первым из русских писателей он обратил внимание

---

[58] См.: *Державин Н.* Забытые поэты.— Исторический вестник, 1910, № 9, с. 860; *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX века).— *ЛН.* М., 1982, т. 91, с. 686, 705, 717—719.

[59] Сизиф и смерть. Милетская сказка. СПб., 1871.

[60] К сожалению, ни в статье «Тегнер Э.», ни в статье «Ознобишин Д. П.» «Краткой литературной энциклопедии» не указано издание: Аксель. Повесть в стихах. Перев. Д. П. Ознобишина. СПб., 1861. Не упомянут он как переводчик Э. Тегнера и в книге Д. М. Шарыпкина «Скандинавская литература в России» (Л., 1980).

[61] См.: *Державин Н.* Указ. соч., с. 861.

[62] См.: Песни, собранные писателями. Д. П. Ознобишин.— *ЛН.* М., 1968, т. 79, с. 513—558.

[63] *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950, с. 84.

[64] См.: Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., (Библиотека поэта. Большая серия), 1965, с. 395—398.

на культуру и искусство народов Поволжья — чувашей, татар и мордвы[65].

Современники ценили Ознобишина не только как поэта, но и как страстного популяризатора фарсиязычной литературы. Поэт-петрашевец А. П. Баласогло, тоже занимавшийся в молодости восточными языками, писал:

Где Ознобишин, мой восточник,
Игривый, страстный, полный сил...[66]

В этих строках, взятых из стихотворения 1840 г. «А. П. В‹ульф›» — живой портрет незаслуженно забытого поэта, своеобразного мастера стиха, чья душа была открыта культурным завоеваниям разных народов.

3

Душой «Северной лиры» и активными ее вкладчиками явились сами издатели, печатавшиеся в альманахе и за полной подписью, и за инициалом, и под псевдонимом, и вовсе анонимно.

Раич в «Северной лире» выступает как оригинальный поэт, в различных жанрах лирической поэзии (песня, лирическое стихотворение, аполог, «священная идиллия»), как переводчик «Освобожденного Иерусалима» Тассо и, наконец, как теоретик. Его эстетические установки и некоторые приемы литературоведческого анализа нашли отражение в программной статье «Петрарка и Ломоносов». Уже само название статьи звучало тогда как вызов, ибо заключало в себе такое, казалось бы, странное сближение. Но оно как нельзя

[65] *Владимиров Е. В.* Русские писатели в Чувашии. Чебоксары, 1959, с. 57—72.
[66] Поэты-петрашевцы. Л., 1967, с. 67.

лучше отвечало замыслу автора, видевшему между Петраркой и Ломоносовым «разительное сходство».

В статье, содержащей высокую оценку Ломоносова как мастера торжественной оды, высказана мысль и о роли поэта в обществе. Соответственно этому, высоким авторитетом пользовался Петрарка у себя на родине: «все важные переговоры италиансих дворов с Императором, с Папою, с республиками вверяемы были Петрарке, и посредничество его уважалось более, нежели посредничество в нынешнее время какого-нибудь уполномоченного посланника великой державы»; и здесь же Раич не упускает случая заметить: «Счастливые времена, когда ум, просвещение и таланты ценятся выше породы и всех титулов!» Взаимоотношения Петрарки с неаполитанским королем Робертом для Раича идеал взаимоотношений просвещенного монарха и благородного, гордого поэта.

В пропагандировании ораторского стиля в поэзии и ломоносовской оды Раич сближается с поэтами-декабристами, в частности, с В. К. Кюхельбекером [67]. Выступая, подобно декабристам, против засилия и господства французского языка [68], он восхищается Ломоносовым, сохранившим верность своему стилю и тогда,

---

[67] См.: *Кюхельбекер В. К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие.— В кн.: Литературно-критические работы декабристов. М., 1978, с. 191; *Тынянов Ю. Н.* Ода как ораторский жанр.— В кн.: *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 252.

[68] См., напр.; *Бестужев А. А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года.— В кн.: Литературно-критические работы декабристов, с. 63—64; *Он же.* О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем».— Там же, с. 113—114.

когда в России «начал водворяться французский язык, и мы беспрекословно, раболепно — покорились французской литературе. Ломоносов один остался верным истинно изящному в творениях древних и италианцев...»

Ломоносов оказался особенно близок и дорог Раичу тем, что в своем творчестве сумел соединить высокий стиль ораторской оды с «истинно изящным»; «он умел, и счастливо умел перенести в свои творения много — очень много италианского, и даже некоторые так называемые concetti». Раич приводит и пример такого concetti (утонченной и неожиданной метафоры) у Ломоносова.

Статья интересна и как ранняя попытка в России сопоставительно-типологического исследования творчества представителей различных литератур. Принципами, провозглашенными в ней, Раич руководствовался в своей литературной деятельности. Подобно Ломоносову и Петрарке, он тоже умел угадывать юные дарования и соответствующим образом развивать их. В этом ему несомненно помогали широкие познания в поэзии античности и Возрождения, тонкий художественный вкус и собственная поэтическая практика.

В «Северной лире» Раич поместил восемь оригинальных стихотворений и два перевода — отрывок из «Освобожденного Иерусалима» Тассо «Смерть Свенона» и «Петроний к друзьям», подражание древним.

Из стихотворений два даны за полной подписью («Вечер в Одессе» и «Весна»), три подписаны инициалом («Соловью», «Друзьям», «Амела»), три другие («С незапамятных веков...», «Вифлеемские пастыри», «Выкуп холостого») без подписи. Авторство Раича в этом случае подтверждается экземпляром альманаха,

принадлежавшем М. Н. Лонгинову, где имена всех участников издания выставлены по указанию Д. П. Ознобишина [69]. Кроме того, «Друзьям» и «Амела» упомянуты самим поэтом в перечне его оригинальных сочинений [70]. Тема, сюжет и образы «Вифлеемских пастырей» варьируются в стихотворениях «Ночь на рождество Христово» [71] и «Вера» [72].

В оригинальных стихотворениях Раича отразились характерные для его лирики особенности: эпикурейство, библейские мотивы декабристского толка, мотивы одиночества и сиротства, интерес к народной поэзии. Поэзия Раича пестра и неоднородна. Ему одинаково дороги Державин и Жуковский. В прошлом члену Союза Благоденствия, ему были присущи и некоторые черты гражданской поэзии декабристов. Так, устойчивые для него символические образы челнока и моря могут наполняться конкретным политическим смыслом («Друзьям»).

Библейская символика также приобретала у него политическую окраску. Образ «ливанского древа» в стихотворении «Вифлеемские пастыри» ставит эту «священную идиллию» в один ряд с «Одой на разрушение Вавилона» (1801) А. Мерзлякова, «Падением Вавилона» (1822) В. Григорьева, поэмой В. Соколовского «Разрушение Вавилона» (1838). «Вифлеемские па-

---

[69] Библиотека Института русской литературы АН СССР, 54 5/II; *ЛН.* М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 447, 553 (со ссылкой на указание Я. Л. Левкович).
[70] Галатея, 1830, ч. XII, № 8, с. 85.
[71] Утренняя заря на 1839 г., с. 372—373.
[72] Сочинения в прозе и стихах. Труды ОЛРС. М., 1826, ч. 6, кн. 17, с. 223.

стыри» Раича могут быть истолкованы именно в контексте названных произведений.

Композиционно стихотворение делится на четыре части. Первая и четвертая — диалог трех пастырей, присутствующих при рождении Христа, представляют собой обрамление. Вторая часть, центральным образом которой выступает «ливанское древо» — символ величия, прочности и священной свободы,— своеобразный параллелизм к третьей.

Если в произведениях Мерзлякова, Григорьева и Соколовского ливанское древо противостоит тирану и побеждает его, то у Раича оно гибнет по воле рока. После поражения восстания декабристов Раичу довелось быть свидетелем торжества тирана, и он по-иному осмысляет образы гражданской лирики. Однако третья часть, в которой поэт в аллегорической форме предсказывает неизбежность наступления перемен, завершается картиной «золотого века» человечества. Для изображения двух эпох автор выбирает из Библии сопоставление ветхозаветного мира и новой христианской эры. Описание наступления «золотого века», традиционное для русских поэтов приобретает здесь политический смысл, как утопическая вера в лучшее будущее.

В поэзии Раича соединялись живопись, пластичность, гармония, легкость, живость. В поисках средств музыкальности и напевности он обращался к различным источникам: античной и итальянской поэзии, русской поэзии и народной песне. Элементы народной песни органически вошли во многие его произведения. Одно из самых популярных стихотворений Раича «Друзьям» — классический пример удачного соединения напевности с принципами эвфонии. Широко ис-

пользуя многообразные средства звукописи: аллитерации, ассонансы, повторы, рефрен, варьируя размеры, поэт создает изящный ритмический рисунок.

В открывающем альманах стихотворении «С незапамятных веков» вера в силу поэтического слова звучит как лейтмотив всего альманаха. Иллюстрирующий эту мысль образ легендарного певца Орфея находим и в «Отрывке из сочинения об искусствах» Делибюрадера.

Д. П. Ознобишин поместил в альманахе и оригинальные и переводные произведения. Два оригинальных лирических стихотворения, изящных и отточенных стилистически, «К Фанни» и «Дремлющая дриада» антологичны и по своему характеру приближаются к его переводам из европейских поэтов «Неера» (из Шанье) и «She walks in beauty (Еврейская мелодия лорда Байрона)».

Однако, пожалуй, самый интересный его перевод — «Ода Гафица» — подражание газели Хафиза, помещенная под псевдонимом Делибюрадер. Подражание довольно близко к подлиннику, хотя не передает его формы [73] и четырнадцать строк оригинала заменены на русском тридцатью пятью.

Чтобы показать мастерство поэта-ориенталиста, приведем в качестве примера фрагмент из газели.

Подстрочный перевод:

Сад, роза и вино радостны, но
Без беседы с возлюбленной не бывают приятны,
Каждая картина, которую создаст рука разума,

---

[73] Передать форму газели удалось позднее П. Я. Петрову. Переведенная им газель Хафиза появилась в 1835 г. в «Молве», № 24—26, с. 387—389.

Без изображения красавицы не бывает хороша.
Жизнь — ничтожная наличность (плата), Хафиз,
Она недостаточна (т. е. мала) даже для жертвы
(милостыни).

Подражание Делибюрадера:

Купы розовых кустов,—
Куща неги легкокрылой,
Чаша полная пиров
Вдалеке от сердцу милой —
Не отрадны для души! —
Гафиз! жребий брошен твой,
Как на шумный праздник света
Пред веселою толпой
Вверх бросается монета —
Не отрадна для души!

Делибюрадер-Ознобишин проявил известный такт и чуткость художника в прочтении мысли Хафиза о том, что в основе любого истинно художественного произведения должна лежать жизнь. И хотя последний, заключительный, бейт он передает несколько вольно, но и тут не допускает искажения мысли подлинника.

Если «Ода Гафица» — вольное подражание, то стихотворение «На́ма» с арабского переведено с предельной близостью к оригиналу, с сохранением почти всех его образов и даже интонации. Это своего рода эксперимент. Цель Делибюрадера-Ознобишина была дать образец арабской лирики в ее первозданном, неприглаженном виде. Единственное что позволил себе переводчик — это разделить строку подлинника надвое.

Сохранившаяся рукопись-автограф дает возможность проникнуть в творческую лабораторию переводчика.

Сначала он записал арабский текст, затем дал его подстрочник:

Дыханье — мускус, ланиты — розы,
Зубы как перлы, слюни — сок гроздий,
Бедра — холмочки, стан гибче лозы,
Локоны — ночь, лик — месяц полный.

Первый вариант перевода:

И дыханье — мускус, и ланиты — розы,
Зубы — млечны перлы, слюни — нектар гроздий,
Полушарья топки — холмики песочны,
Стан лозы стройнее, черной ночи локон,
А лицо сияет словно полный месяц [74]

Последний вариант находим в альманахе:

ПАМА

Уаль нашру мискун.

Уст ее дыханье —
Мускус благовонный,
А ланиты — розы;
Зубы — млечны перлы;
Стан — лозы стройнее;
Бедра округленны —
Холмики песочны;
Локоны густые —
Мрак осенней ночи;
А лицо сияет —
Словно полный месяц.

---

[74] *ПД*, ф. 213 (Ознобишина), № 49, л. 24 об, 25.

Ознобишин-Делибюрадер опубликовал в альманахе еще одно подражание арабскому — стихотворение «Весна (Подражание Сойюти)», имеющее в рукописи подзаголовок: «Из Арабской антологии» [75].

Статья Делибюрадера «Отрывок из сочинения об искусствах», посвященная музыке, тоже в известной мере программна. Ее автор разделяет точку зрения романтиков-шеллингианцев на музыку как высший вид искусства, наиболее сильно влияющий на внутренний мир человека и передающий все оттенки чувств. В доказательство своей мысли Делибюрадер привлекает обширный материал о развитии музыки у античных народов, у народов Древнего Востока.

Статью открывает пересказ мифа об Амфионе, построившем при помощи звуков флейты город. Таким образом подчеркивается мысль о созидающем начале искусства; следуют примеры его действенной силы: музыка спасает от гибели, воскрешает мертвых, воодушевляет на битву. Один из примеров — миф о чудесном спасении певца Ариона, привлекший внимание Пушкина при создании им одноименного стихотворения [76].

На первый взгляд «Отрывок...» кажется популярным. Увлекательность сюжета, манера непринужденного разговора с читателем, мягкая ирония делают его легко доступным. Возможно, это помогает избежать сентиментально-возвышенного тона.

---

[75] *ПД*, ф. 213, № 24, л. 63—63 об.

[76] См.: *Глебов Г. С.* Об «Арионе».— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, с. 297—298; *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 154.

Но автор касается здесь принципиальных вопросов эстетики романтиков: провозглашение приоритета чувств над рассудком, тема художника и толпы, и т. д.

Делибюрадер здесь отстаивает и эстетические позиции своего кружка. Он часто цитирует «своих» поэтов: Державина, Мерзлякова, Жуковского, Раича, Тютчева, М. Дмитриева. Сам он в этой статье предстает «восточником» — популяризатором персидско-таджикской литературы: говоря о музыкальности ее поэзии, ссылается на Фирдоуси и пересказывает фрагмент из героической части его «Шахнаме», по ходу действия обращается к шутливой притче из «Тути-наме» («Книга попугая») Нахшаби.

Заключает «Отрывок...» аполог «Только сорванный лишь с ветки» — довольно близкий перевод начала одного из рассказов второй главы «Гулистана» («Розовый сад») Саади. Такой концовкой Делибюрадер, возможно, хотел сказать, что и он, подобно той полевой травке, надеется получить «бесценный аромат» из розового сада восточной поэзии.

Ознобишин представлен в «Северной лире» еще двумя произведениями в прозе — это восточные повести «Идеал» и «Посещение». Он — автор нескольких таких повестей, восходящих к арабскому источнику, что, к сожалению, со временем забылось, и их стали приписывать знаменитому барону Брамбеусу [77].

4

Вкладчиками альманаха, кроме самих издателей, явились члены группировавшегося вокруг Раича Общества друзей.

[77] См.: *Колюпанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. 1889, т. I, кн. 1, с. 528.

В этом обществе начала складываться та школа в русской поэзии, которую условно можно назвать «тютчевской», так как ее характерные особенности с наибольшей полнотой выразились в творчестве Ф. И. Тютчева. Он был здесь таким же вершинным явлением, как и Пушкин по отношению к «школе гармонической точности» [78].

Определение «тютчевская» школа может быть, конечно, оспорено, но в нем видна попытка определить круг поэтов, которых объединяли общие принципы творчества. К ним можно отнести Тютчева и Раича, Ф. Глинку и Шевырева, Веневитинова и Хомякова, Ознобишина и А. Муравьева и некоторых других.

Представителей новой школы отличало мироощущение, дисгармоническое в сравнении с поэтами пушкинского круга. Одной из особенностей их творчества была философская направленность, требовавшая соответствующих форм выражения, особого стиля. Лексическая точность сменяется у них метафорическим, в значительной мере условным образом. Дисгармоничность их поэзии выражалась таким образом и в содержании, и в поэтике, и в форме.

Стремление к гражданственности, грандиозному образу, дидактичности и философичности и в то же время к полноте восприятия жизни проявлялось в ориентации на поэзию, с одной стороны, Ломоносова и Державина, с другой — на Жуковского и Батюшкова.

Все представители школы, стремясь к выработке нового поэтического языка, активно занимались переводами, что неизменно поощрялось Раичем.

[78] См.: *Кожинов В. В.* После Пушкина. Тютчев и его школа.— В кн.: *Кожинов В. В.* Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978.

Но отмечая общность этих поэтов, нельзя не учитывать сложную индивидуальность каждого. Характерно, что уже их современник И. В. Киреевский, говоря о различных школах в русской поэзии конца 1820—1830-х годов, Шевырева, Хомякова, Тютчева и Веневитинова причислял к «немецкой», а Раича, В. Туманского и Ознобишина — к «итальянской» школе [79]. Слово «немецкий» в определении Киреевского означало «философский».

Раич не мог согласиться с таким утверждением, которое ставило под сомнение общность творческих принципов его и Тютчева [80], единство всей «тютчевской» школы. Что такая общность существовала, было показано Ю. Н. Тыняновым, впервые поставившим вопрос о «тютчевском направлении» в русской поэзии конца 1820—1830-х годов: «Среди множества альманахов, выходивших в эти годы, „Северная лира“ была заметным литературным явлением. В нем впервые с достаточной ясностью и определенностью заявило о себе новое поэтическое направление» [81].

Родоначальником этого направления Тынянов считал Ф. Глинку. Да и сами члены раичевского общества относились к творчеству Глинки с уважением и симпатией, о чем говорят апологетические оценки его творчества в «Московском вестнике» и в «Галатее». Он, пишет о Глинке Раич,— «не подчиняется чуждому

[79] *Киреевский И.* Обозрение русской словесности 1829 г.— В кн.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979, с. 72.

[80] Галатея, 1830, ч. XI, № 6, с. 360—361.

[81] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и Тютчев.— В кн.: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968, с. 168.

влиянию; он независим и высок именно потому, что свободно действует в своей сфере...», «Его произведения удивительно как красноречиво говорят уму и сердцу»[82].

Но хотя издатели «Северной лиры» могут быть отнесены к той же «тютчевской» школе, творчество их имеет специфические черты, выделяющие обоих среди других ее представителей. Раич и Ознобишин, особенно на первых порах, стоят как бы особняком по отношению ко всей новой школе. Их творчеству 1820—1830-х годов, с одной стороны, присущи вакхически-эпикурейские мотивы, напевность, простота, интерес к народной песне, почти полное отсутствие признаков рефлексии и идущий от идеологии руссоизма культ естественных чувств, с другой — гражданственность, обращение к дидактическим жанрам, ломоносовскому грандиозному образу, и как следствие этого появление в их произведениях элементов архаики. В дальнейшем Раич и Ознобишин развиваются именно в русле «тютчевского» направления, все дальше отходя от «школы гармонической точности».

Деятельность новой школы не завершается в 20—30-е годы. «Она продолжала жить и развиваться и гораздо позднее — в сороковых, пятидесятых и даже шестидесятых годах, хотя развитие это, в силу многих причин, совершалось, так сказать, подспудно, не на авансцене литературы»[83].

Основание литературного кружка Раича чаще всего

---

[82] Галатея. 1830, ч. XII, № 9, с. 199.
[83] *Кожинов В. В.* Указ. соч., с. 129.

датируется 1823 г.[84] Более точная дата — 1822 г.[85], в пользу которой говорят цензурная помета на изданном кружком альманахе «Новые Аониды на 1823 год» — 9 января 1823 г.; членство Ф. И. Тютчева, уехавшего из Москвы в Петербург и затем за границу летом 1822 г.; наконец, свидетельство самого Раича: «После перевода Виргилиевых „Георгик" приступил я ... к переводу Тассова „Освобожденного Иерусалима". Между тем у меня под моим председательством составилось маленькое скромное литературное общество...»[86]. Если учесть, что «Георгики» Вергилия им были переведены еще в 1820 г., а в 1821 вышли в свет, то начало собраний кружка можно отнести к 1822 г. Раич перечисляет его участников: «Члены этого общества были: М. А. Дмитриев, А. И. Писарев, М. П. Погодин, В. П. Титов, С. П. Шевырев, Д. П. Ознобишин, А. М. Кубарев, кн. В. Ф. Одоевский, А. С. Норов, Ф. И. Тютчев, А. Н. Муравьев, С. Д. Полторацкий, В. И. Оболенский, М. А. Максимович, г. Шаховской, Н. В. Путята и некоторые другие; одни из членов постоянно, другие временно посещали общество, собиравшееся у меня вечером по четвергам»[87]. Есть свидетельства, что членами раичевского кружка были В. П. Андросов, П. И. Колошин, А. Ф. Томашевский, А. И. Кошелев[88].

---

[84] См.: *Колюпанов Н. П.* Указ. соч., т. I, кн. 2, с. 60—61; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888, кн. 1, с. 212.

[85] *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929, с. 266.

[86] *Раич С. Е.* Автобиография, с. 28.

[8] Там же, с. 28.

[8о] См.: *Барсуков Н. П.* Указ. соч., с. 212; *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., т. I, ч. 1, 1913,

Среди посетителей кружка упоминают также И. В. и П. В. Киреевских[89], Н. П. Крюкова[90], Д. В. Веневитинова[91], Н. М. Рожалина[92]. В кружке Раича бывали также Н. А. Полевой и В. К. Кюхельбекер[93], который в 1823 г. в Москве общался с В. Ф. Одоевским. Таким образом среди членов раичевского общества и его посетителей мы встречаем и многих из тех, кто впоследствии составили свое более узкое философское Общество любомудрия, объединявшее в основном молодых литераторов, служивших в московском Архиве коллегии иностранных дел.

В кружок Раича входили в основном воспитанники Московского университетского благородного пансиона, самого университета и училища колонновожатых, преподаватели этих учебных заведений, частные ученики Мерзлякова и Раича,— образованные и одаренные молодые люди, которых объединяли серьезные занятия изящной словесностью и науками, причем не только гуманитарными. Здесь уже заметно было то стремление к универсализму, которым отличались все любомудры. Из этой молодежи, стремившейся к активной литературной и научной деятельности, вышли впослед-

---

с. 103—104; *Колюпанов Н. П.* Указ. соч., т. I, ч. 1, с. 64.

[89] См.: *Дмитриев М. А.* Воспоминание о С. Е. Раиче.— Московские ведомости, 1855, № 141, с. 577 (Литературный отдел).

[90] См.: *Пугята Н.* Заметка об А. П. Муравьеве.— Русский архив, 1876, т. II, с. 357.

[91] См.: *Аронсон М., Рейсер С.* Указ. соч., с. 270.

[92] См.: *Стратен В. В.* Н. М. Рожалин, идеалист 20-х годов XIX в.— Уч. зап. Высшей школы г. Одессы, 1922, т. 2, с. 104.

[93] См.: *Колюпанов Н. П.* Указ. соч., с. 64—65.

ствии известные поэты, писатели и ученые. Почти все они в кружке только начинали свои занятия, лишь один Раич был уже известным поэтом-переводчиком, знатоком античной и итальянской поэзии, высокоэрудированным теоретиком стиха. Это, по-видимому, и сделало его главой кружка.

В кружке, как и в других литературных объединениях того времени, говорили о современной политической обстановке и о будущем России. Раичу, в прошлом члену Союза Благоденствия, и некоторым его сочленам были близки свободолюбивые просветительские идеалы.

Установилось мнение, что в центре внимания раичевского кружка были исключительно литературно-теоретические, эстетические проблемы. «Тут изящная словесность стояла на первом плане: философия, история и другие науки только украдкой, от времени до времени осмеливались подавать свой голос». Этому кружку А. И. Кошелев противопоставляет общество любомудрия, которое «было особенно замечательно», «собиралось *тайно* и об его существовании мы *никому* не говорили»[94]. Несомненно, любомудры проявляли бо́льший интерес к философии, чем члены раичевского кружка, но едва ли можно говорить о полной изолированности этих двух объединений. Известно, что любомудры В. Ф. Одоевский, А. И. Кошелев, И. В. Киреевский принимали активное участие в работах кружка Раича, и наоборот, ряд членов кружка Раича, не называемых Кошелевым в числе членов кружка любомудров (Ал. С. Норов, М. А. Максимович), несомненно бывали на субботах у любомудров. Таким образом,

---

[94] *Кошелев А. И.* Записки. Berlin, 1884, с. 11—12.

существовало «взаимное проникновение членов одного кружка в другой», хотя «формально это были два независимых объединения»[95]. Следовательно, и на вечерах у Раича также могли читаться работы исторического и философского характера.

Членов кружка занимали вопросы античной мифологии, немецкой философии; русская история, дидактическая поэзия, поиски новых форм поэтики. Они проявляли активный интерес к изучению литератур Запада и Востока.

Сам Раич так вспоминал о собраниях кружка: «Здесь читались и обсуждались по законам эстетики, которая была в ходу, сочинения членов и переводы с греческого, латинского, персидского, арабского, итальянского, немецкого и редко французского языков»[96]. На каждом заседании читались и обсуждались произведения лучших русских авторов в стихах и прозе, оригинальные и переводные. 29 ноября 1823 г. здесь был прочитан еще не опубликованный «Бахчисарайский фонтан» Пушкина.

На собраниях у Раича, как и в других литературных кружках 20-х годов прошлого столетия, штудировали труды Гердера и Шеллинга, стремясь приспособить идеи немецкого романтизма к русской действительности и русской литературе. В кружке Раича начала складываться та духовная традиция, которой суждено было сыграть серьезную роль в литературном движении 30-х годов — сочетание просветительских тенденций литературы XVIII в. и поэзии декабристов с попытками осмыслить литературный процесс как

---

[95] *Аронсон М., Рейсер С.* Указ. соч., с. 265.
[96] *Раич С. Е.* Автобиография, с. 28.

процесс исторический. Уже в 1823 г. Раич ставил себе задачу «составить курс литературы, основав ее на истории литературной»[97], а не на нормативах старой эстетики. По-видимому, именно здесь усвоил С. П. Шевырев некоторые элементы исторической интерпретации литературы, которые впоследствии позволили ему утвердить историческое направление в преподавании русской литературы[98].

Деятельность кружка Раича шла по двум линиям — оригинальной и переводной, причем переводной придавалось не меньшее значение. Переводы Раич считал не только и не столько средством для знакомства с литературами различных народов, но и, главное, неисчерпаемым источником «новых пиитических выражений, оборотов, слов, картин»[99], что, по его мнению, приведет к обогащению языка русской поэзии, вопрос о котором в те годы стоял достаточно остро. Едва ли не все участники кружка занимались переводами. Так, М. П. Погодин писал Голицыной 15 марта 1823 г.: «У нас положено, между прочим, перевести всех греческих и римских классиков и перевести со всех языков лучшие книги о воспитании, и уже начаты Платон, Демосфен и Тит Ливий»[100]. Сам Погодин перевел

---

[97] *Раич С. Е.* Записная книжка.— *ПД*, 4218/XIII, с. 49, л. 3.

[98] См.: *Манн Ю. В.* Историческое направление литературоведческой мысли (1830—1840 годы).— В кн.: Возникновение русской науки о литературе. М., 1975, с. 298—305, 323—332.

[99] Письмо к Ознобишину от 20 ноября 1825 г. (см.: *Васильев М.* Из переписки литераторов 20—30-х годов XIX века, с. 175.

[100] *Барсуков Н. П.* Указ. соч. кн. 1, с. 212.

из Тита Ливия «Софонизбу», из Овидия «Ниобу» и вместе со своим другом Кубаревым некоторые отрывки из Цицерона. А. Муравьев читал здесь свои переводы из Тита Ливия и из «Энеиды» Вергилия [101], В. Оболенский переводил диалоги Платона [102], А. Кошелев прочел в кружке некоторые переводы из Фукидида и Платона [103].

Возможно, обращение к древнегреческим и римским авторам в кружке Раича было вызвано его интересом к ораторскому стилю и дидактической поэзии, интересу, который был присущ и декабристам. Так, И. Д. Якушкин писал: «В это время мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами» [104]. Примечательно, что один из литературных вечеров посетил декабрист А. А. Бестужев [105]. И хотя формально с 1825 г. кружок перестал существовать, дружеские отношения и творческие связи между его участниками продолжались. Началась подготовка издания «Северной лиры», хотя, по-видимому, ядро альманаха составили произведения, созданные в период активной работы кружка.

Наиболее ценной в художественном отношении частью московского альманаха является поэзия. Здесь впервые опубликованы четыре переводных — «Песнь Радости» (из Шиллера), «Саконтала» (из Гете), «С у-

---

[101] *Путята Н.* Указ. соч., с. 357.
[102] *Дмитриев М. А.* Указ. соч., с. 577.
[103] *Кошелев А. И.* Указ. соч., с. 12.
[104] *Якушкин И. Д.* Записки.— В кн.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 20.
[105] *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 7.

жой стороны» (из Гейне)[106], «В альбом друзьям» (из Байрона) и три оригинальных стихотворения Ф. Тютчева — «К. Н.» («Твой милый взор, невинной страсти полный...»), «Слезы», «А. Н. М.» («Нет веры к вымыслам чудесным...», фрагмент процитирован Делибюрадером в «Отрывке из сочинения об искусствах»). Это одна из ранних публикаций поэта, и притом самая значительная за девять лет до знаменитой пушкинской подборки в «Современнике». Хотя четыре из этих семи стихотворений — переводы, у Тютчева они переосмысливаются и приобретают значение его оригинального творчества. Почти во всех стихотворениях звучит тема дружбы, разлуки с друзьями. Принадлежащее переводчику заглавие «С чужой стороны» и помета «Минхен» придавали стихам об одиноком кедре (у Гейне — сосна), как это отмечалось еще Ю. Н. Тыняновым, «характер собственной лирической темы»[107].

Е. А. Баратынский поместил в альманахе два своих стихотворения («Наяда»[108] и «Амуру»), напечатанные в том же году в сборнике стихотворений поэта (М., 1827) и вошедшие в собрание его стихотворений (т. 1, М., 1835).

---

[106] Ссылка на то, что это перевод, в альманахе отсутствовала.

[107] *Тынянов Ю.* Тютчев и Гейне.— В кн.: *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. Л., 1929, с. 395.

[108] В примечаниях к Полному собранию стихотворений Е. А Баратынского («Библиотека поэта», Большая серия, 2-е изд., Л.: Сов. писатель, 1957, с. 353) указана ошибочно в качестве первой публикации в «Северных цветах на 1827 год» (цензурное разрешение 12 января 1827 г.); цензурное разрешение «Северной лиры» — более раннее — 1 ноября 1826 г.

Д. П. Ознобишин.
Фотография с портрета 1850-х годов.
Масло. Музей ИРЛИ (ПД) АН СССР.
Местонахождение оригинала неизвестно

1.

والنشر مسك والخد ورد
والثغر در والريق خمر
والقد غصن والردف دعص
والشعر ليل والوجه بدر

Дыханье — мускус, ланиты — розы,
Зубы как перлы, слюни — сок гроздий.
Бедра — холмочки, стан гибче лозы,
Локоны — ночь, лик — месяц полный.

Автограф стихотворения Д. П. Ознобишина «Нама».
ИРЛИ (ПД) АН СССР

Иллюстрация к повести «Посещение».
Гравировал Е. Скотников

*Иллюстрация к отрывку «Смерть Свенона»
(из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо в пер. С. Е. Раича).
Гравировал Е. Скотников*

К перлам «Северной лиры» могут быть отнесены также впервые опубликованные стихотворения: Д. Веневитинова «Любимый цвет»; Вяземского «Деревня»; В. Туманского «Одесским друзьям», сонет «На кончину Р......», «Греческая ода» («Песнь греческого воина») и «Мольба»; Шевырева «Две чаши» и «Создание красавицы»; А. Муравьева «Русалки» (песнь Баяна), «Ермак», «Бахчисарай» («Отрывок из описательной поэмы «Таврида»).

«Любимый цвет» Д. Веневитинова трехчастно по композиции. Подобная трехчастность стихотворений характерна также и для Раича и для Тютчева [109].

«Одесским друзьям» В. Туманского по содержанию перекликается со стихотворениями «Деревня» Вяземского и П. Колошина своим горацианским мотивом: только в деревне поэт ощущает то спокойствие и душевную раскованность, которые рождают вдохновенье. Несомненно, в этих произведениях, однородных также и с пушкинской «Деревней», имелся оттенок оппозиционности к существовавшему в стране общественному порядку. Звучат антикрепостнические, антиобскурантистские и высокие гражданские нотки:

Ярмом мирских сует стесненная душа,
Очнулась, ожила, свободою дыша,
И вдохновение в ней гордо пробудилось...

Туманский

---

[109] Подробнее об этом см.: *Тынянов Ю. Н.* Вопрос о Тютчеве.— В кн.: Поэтика. История литературы. Кино, с. 41; *Маймин Е. А.* Русская философская поэзия. Поэты-любомудры. А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. М., 1976, с. 25.

Здесь нет цепей, здесь нет господства суеты!..
Отвагою надежд кипит живая грудь
И думам пламенным открыт свободный путь.

Вяземский

«Греческая ода» Туманского — вольнолюбивое стихотворение, выдержанное в традициях гражданской лирики декабристов. Внимательно следивший за повстанческим движением в Греции автор был в дружеских отношениях с Рылеевым, А. Бестужевым и Кюхельбекером. 29 августа 1821 г. в Обществе любителей российской словесности он читал «Греческую песнь» («К Румыю!») Кюхельбекера. Поэт-декабрист посвятил Туманскому стихотворение «К Ахатесу».

Уже в самом названии стихотворения С. Шевырева «Две чаши» воплотилась идея поэтического параллелизма. Тема двойного бытия, характерная для лирики любомудров, отражала дисгармоничность романтического миросозерцания [110]. Сюжет другого его оригинального стихотворения — «Создание красавицы», возможно, восходит к источнику из литератур Востока. В качестве параллелей к нему могут быть приведены восточная повесть «Деревянная красавица» в переводе с «татарско-азербайджанского» Сенковского [111] и ее вариант «Спор о красавице» в переводе с пер-

---

[110] См. об этом: *Сахаров В. И.* Философский романтизм любомудров и «поэзия мысли».— В кн.: История романтизма в русской литературе. Романтизм в русской литературе 20—30-х годов XIX в. (1825—1840). М., Наука, 1979, с. 59—60.

[111] «Полярная звезда на 1825 год» — В кн.: Полярная звезда, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960, с. 581—595.

сидского Н. Коноплева [112], наконец, стихотворение Д. Ознобишина «Тамаяндри» [113].

«Бакчисарай» — заключительный фрагмент «Тавриды» А. Н. Муравьева, по своему настроению близок эпилогу «Бахчисарайского фонтана», хотя сам автор утверждал, что замысел его поэмы восходит к Оссиану [114]. Об интересе Муравьева к народной поэзии, стремлении передать дух Древней Руси с ее легендами, поверьями, народно-фантастическими образами свидетельствует стихотворение «Русалки».

К образу покорителя Сибири Ермака как странице героического прошлого России до А. Н. Муравьева обращались И. И. Дмитриев и К. Ф. Рылеев. В центре внимания Муравьева — народная память о подвиге Ермака и его личности.

Как и в других альманахах той поры, в «Северной лире» рядом с подлинно художественными поэтическими произведениями встречаются посредственные, а подчас и слабые, но и они не нарушают общего смыслового единства альманаха. Несколько наивное стихотворение Ал. Норова «Утро девятого мая» — своего рода сельская идиллия, отражающая культ дружбы, традиционный для русской поэзии пушкинского периода и характерный как для участников раичевского

---

112 Вестник Европы, 1825, № 7, апрель, с. 225—229. Источником для перевода послужила новелла из «Тути-наме» («Книга попугая»), Нахшаби (ум. в 1350 г.), в позднейшей обработке Кодири (XVII в.).

113 См.: Письмо Д. П. Ознобишина к В. Ф. Одоевскому, приблизительно датируемое 1823 г.— *ПД*, ф. 213, № 100, л. 1—1 об.

114 *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания.— Русское обозрение, 1895, № 5, с. 61, 63.

кружка, так и для всего альманаха в целом. Можно сказать, что средний уровень поэзии московского альманаха достаточно высок.

Более скромно здесь выглядела проза, но и она отличалась разнообразием и в известной мере оригинальностью.

Кроме уже упомянутых теоретических статей Раича и Делибюрадера, заслуживает внимания «Письмо о русских романах» М. П. Погодина, в котором нашла отражение одна из актуальных проблем, обсуждавшихся в литературном кружке Раича,— проблема жанров. Погодин ставит вопрос о возможности создания в России романов наподобие «вальтер-скоттовских» и решает его положительно.

В конце 20-х годов в «Московском вестнике» В. Титовым и С. Шевыревым были выдвинуты две концепции романа, которые русская философская критика положила в основу теории этого жанра: обособление личного, индивидуального начала (Титов) и историзм (Шевырев). Анализируя обе точки зрения, Ю. Манн замечает, что «ни Титов, ни Шевырев не применили свои концепции к русскому роману и не стали выяснять, возможен ли вообще роман в России»[115]. Таким образом, М. Погодин (ему была ближе концепция Шевырева) едва ли не первый попытался обосновать возможность создания в России романов в духе Вальтера Скотта.

В духе романтической эстетики написана впервые опубликованная в «Северной лире» ранняя статья Д. Веневитинова «Скульптура, живопись и музыка».

---

[115] *Манн Ю.* Русская философская эстетика (1820—1830-е годы). М., 1969, с. 254.

По мнению ее автора, поэзия вбирает в себя и скульптуру, и живопись, и музыку. Наиболее близка к поэзии музыка, так как она передает всю полноту внутренней жизни человека. Общее у музыки и поэзии — благозвучие. Интерес к эвфонии как к элементу поэтического творчества вполне отвечал установкам раичевского кружка.

Художественную прозу «Северной лиры» представляют оригинальные произведения и переводы. К первым относятся философские этюды В. Одоевского «Смерть и жизнь», В. Титова «Три единства» и «Быль», рассказы-аллегории В. Оболенского «Первая суббота творения» и «Клио», повести В. Андросова «Не сбылось» и А. Томашевского «Три истины», рассказ Ф. Булгарина «Янычар, или Жертва междуусобия».

В небольшом философском этюде В. Одоевского уже виден будущий автор «Русских ночей» с его проникновением в диалектику явлений жизни.

Близкий друг Раича В. Оболенский представлен в альманахе двумя рассказами-аллегориями. В первом, построенном на материале Библии, говорится о смысле человеческого познания природы, о его беспредельности и о том, что оно должно сочетаться с высокими нравственными качествами. Эта мысль была близка и Раичу. Во втором рассказе также звучит вера в человеческий разум, в поступательное движение истории. Бессмертие,— утверждает автор,— в добрых делах людей.

Герой повести В. Андросова «Не сбылось» — маленький человек, ранний предшественник Вырина и Башмачкина, сетующий на свои жизненные неудачи. Лейтмотив повествования — «не сбылось» — звучит как горькая ирония.

Незамысловатое повествование «Три истины» А. Томашевского рассказывается, конечно, не ради выводов-сентенций, приводимых в конце. Автор говорит, что решился историю эту «сохранить для позднейшего потомства особенно же ради нравственного ее достоинства». Нравоописательные повести пользовались успехом у определенной части публики. Главное — фигура самого рассказчика — простодушного и непосредственного. Возможно, здесь присутствует и элемент пародии.

«Янычар» Ф. Булгарина — псевдовосточный рассказ-мелодрама из тех, что часто появлялись на страницах периодической печати 20—30-х годов. Булгарин тогда еще не приобрел репутации шпиона и доносчика. Общавшийся с декабристами, он поддерживал отношения с Грибоедовым, печатался в «Северных цветах» на 1827, 1828 и 1829 гг.

Характерный для 20—30-х годов XIX в. интерес к литературам Востока, в частности, к арабской и персидско-таджикской, нашел свое отражение не только в творчестве Ознобишина-Делибюрадера, но и в других ориентальных материалах альманаха. Здесь были опубликованы два перевода с фарси — Н. Г. Коноплева и А. И. Бюргера.

Н. Г. Коноплеву, ученику московского профессора восточных языков А. В. Болдырева, профессиональному ориенталисту, владевшему фарси, арабским и турецким языками, принадлежит ряд переводов из произведений Саади, публиковавшихся в журналах и альманахах с 1825 по 1836 гг. Переведенная им притча «Соловей и муравей» хорошо передает лаконичный стиль Саади-рассказчика.

А. И. Бюргер, литератор и переводчик, не был профессиональным ориенталистом, но, по-видимому, так-

же обучался языку фарси у Болдырева. Рассказ «Садовник и соловей» переведен близко к подлиннику с сохранением всех основных образов, и, что особенно ценно, впервые в русской переводческой практике с фарси вставные стихи оригинала переданы стихами же. Стихотворный перевод их выполнен Д. П. Ознобишиным [116].

Источником для обоих переводчиков послужила составленная Болдыревым первая в России «Персидская хрестоматия» (М., 1826).

Таким образом, «Северная лира» знакомила читателя не только с образцами западноевропейских литератур (это делали и другие альманахи), но и, подобно «Полярной звезде» и «Северным цветам», с литературами народов Востока. «Ориентальный» материал в московском альманахе составлял настолько значительную часть, что даже вызвал нарекания критики.

На «Северную лиру» известны три рецензии. Одна, неопубликованная и неоконченная, А. С. Пушкина предназначалась для «Московского вестника» [117], другая, П. А. Вяземского, появилась в «Московском телеграфе» [118]. Вместо пушкинской в «Московском вестнике» была напечатана за подписью «нъ» рецензия Н. М. Рожалина [119].

---

[116] См. автограф его перевода: *ПД*, ф. 213, № 45, л. 36 об.

[117] *Пушкин А. С.* Указ. соч., т. XI, с. 48.

[118] Московский телеграф, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 239—246.

[119] Московский вестник, 1827, ч. 2, № 5, с. 86—88. На авторство Н. М. Рожалина впервые указал Ю. Н. Тынянов (см.: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и Тютчев.— В кн.: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968, с. 176).

Кроме того, о московском альманахе говорится в «Обзоре российской словесности за 1827 год» О. М. Сомова[120] и в «Мыслях и замечаниях литературного наблюдателя» Аристарха Заветного (М. А. Бестужева-Рюмина)[121].

Критики в общем положительно оценили альманах[122]. Все они отметили ряд удачных поэтических произведений. В «*Северной лире*»... находим лучший выбор стихов....»,— замечает рецензент «Московского вестника». «Между стихотворениями, которыми альманах сей очень обилен, есть истинно прекрасные»,— пишет в «Северных цветах» О. М. Сомов. «Северная лира», посвященная издателями любительницам и любителям отечественной словесности может во многих отношениях заслужить их признательность»,— говорится в статье П. А. Вяземского.

Любопытно, что рецензент «Московского вестника» среди поэтов, наряду с уже известными Вяземским, В. Туманским, Баратынским, называет и Тютчева, причем одобрительно отзывается не только о его переводах из Гете, Шиллера, но и об оригинальных стихотворениях. Посещавший собрания кружка Раича Н. М. Рожалин, по-видимому, лучше других рецензентов знал поэзию Тютчева. Имя Тютчева, наряду с именами Шевырева, Веневитинова, Титова и В. Одоевского, в положительном смысле упоминается и Вяземским.

---

[120] Северные цветы на 1828 год, с. 28—29.
[121] Северная звезда, 1829, с. 269—270, 279.
[122] Исключение составляет только мнение М. А. Бестужева-Рюмина, видевшего для себя в «Северной лире» серьезного конкурента.

Довольно высокую оценку в рецензиях получили отрывок из «Освобожденного Иерусалима» Тассо («Смерть Свенона») в переводе Раича и стихотворения А. Н. Муравьева. Вяземский, который готов «почти оправдать» Раича, выбравшего для перевода «Освобожденного Иерусалима» «балладный» размер, пишет, что «стихи переводчика часто живы и сочны, почти всегда звучны и вообще хороши».

Стихотворения Муравьева привлекли внимание всех рецензентов. «Между другими поэтами,— писал Пушкин,— в первый раз увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостью». Вяземский также говорит, что стихотворения Муравьева «Ермак», «Воззвание к Днепру», «Русалки», «Отрывок из описательной поэмы»: «Таврида»,— «исполнены прекрасных надежд, из коих некоторые уже сбылись».

Почему же именно на А. Н. Муравьева возлагается столько надежд? Прежде всего, вероятно, потому, что он явился в альманахе не как переводчик, а исключительно как оригинальный поэт с собственными, причем разнообразными по характеру стихотворениями, тогда как почти все другие члены бывшего раичевского кружка выступали одновременно и как поэты-переводчики (Тютчев, Раич, Шевырев, Ознобишин) или только как переводчики (А. Ротчев, М. Дмитриев, В. Андросов) [123]. Раичевское направление (Вяземский пытается говорить о *московской школе*) воспринималось современниками как переводческое, подражательное. Потому, вероятно, и не попали в поле зрения критиков помещенные в альманахе оригинальные стихотво-

[123] Исключение составляют только П. Колошин и Ал. Норов.

рения самого Раича, представляющие собой прекрасные образцы лирической поэзии первой половины прошлого столетия.

Почти ничего не сказали критики о произведениях Шевырева. «О г. Шевыреве умолчим как о своем сотруднике»,— замечает Пушкин. Думается прав Ю. Н. Тынянов, когда писал: «Здесь в этом умолчании сказалось, может быть, и другое. Шевырев выступил в „Северной лире" со стихами, в которых он заявлял себя не „высоким лириком" ... каким он явился в „Московском вестнике", а непосредственным учеником Раича (и Жуковского сквозь призму Раича)» [124]. Похвалив два стихотворения Туманского и упомянув имена Баратынского и Вяземского, Пушкин ничего не сказал о Веневитинове и Тютчеве. Неодобрительно отозвался он о двух поэтах — Абр. Норове, опубликовавшем в альманахе отрывок из дидактической поэмы «Земля» и два стихотворных переложения из «Божественной комедии» Данте («Франческа Римини» и «Жизнь древних флорентинцев») и об Ознобишине — переводчике А. Шенье и арабских поэтов: «Заметим, что г-ну Абр. Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье» [125].

Абр. Норов — один из первых русских переводчиков «Божественной комедии» Данте. И. Н. Голенищев-Кутузов положительно оценивает первый переведенный им отрывок из третьей песни «Ада», напечатанный в «Сыне Отечества» (1823, ч. 87, № XXIX): «переводчику удалось передать образный строй и энергию выраже-

---

[124] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и Тютчев, с. 175.
[125] *Пушкин А. С.* Указ. соч., с. 48.

ний подлинника»[126]. Менее удачной считает исследователь опубликованную Норовым год спустя элегию «Предсказания Данте», которая «представляла собой свободную композицию из отдельных стихов XVII песни „Рая“: Терцины Данте переданы языком архаизованным и тяжелым. Именно эти стихи вызвали замечание Пушкина: „Норову не следовало бы переводить Данта“»[127].

В действительности отрицательный отзыв Пушкина относился к переводам Норова из Данте, помещенным в «Северной лире». По-видимому, Пушкин, высоко ценивший гений итальянского поэта, считал, что Норов не в состоянии передать своеобразие его поэтики: черты сурового драматизма, выразительный язык, энергию и лаконизм его терцины.

Из двух представленных в альманахе переводчиков А. Шенье (Баратынский — «Наяда», Ознобишин — «Неера») Пушкин, вероятно, отдавал предпочтение Баратынскому, полагая, что едва ли Ознобишин сумеет постичь дух поэзии Шенье.

Наибольшие возражения критиков вызвала теоретическая часть московского альманаха (статьи Раича, Погодина и Делибюрадера) и его переводческое восточное направление.

Говоря о статье Раича «Петрарка и Ломоносов», Вяземский высказывается вообще против метода сопоставления двух писателей и, в частности, против сравнения Петрарки и Ломоносова, хотя и замечает, что «некоторые главные черты их, а особливо же пер-

---

126 *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971, с. 459.
127 Там же.

вого, означены верно и живо». Вяземский не видит между ними сходства и считает, что «в характеристических сравнениях двух авторов бывает более полуистин, чем истины; более изысканности, насильственности, чем естественных прикосновений». «Напрасно г. Раич старался доказать нам сходство между Ломоносовым и Петраркою, между Елизаветою и Лаурою: мы видим одно различие» — пишет и рецензент «Московского вестника».

В то же время Вяземский усматривает в этой статье «неоспоримое достоинство литературное: в ней заметны сведения в италиянской словесности, хороший слог, благородные чувства и направление ума благонамеренное».

У Пушкина параллель Петрарка — Ломоносов не вызвала возражений. Он и сам сопоставлял русские явления с западными. «Прозаическая статья о Петр⟨арке⟩ и Лом⟨оносове⟩, могла быть любопытна и остроумна,— пишет он.— В самом деле сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы... Но г-н Р. глубокомысленно замечает, что *Петр⟨арка⟩* был влюблен в Лауру, а *Ломоносов* уважал Петра и Елизавету, что Петрарка писал на латинском языке, написал поэму Сц⟨ипион⟩ Афр⟨иканский⟩ (т. е. Africa), Ломоносов латинской поэмы не написал...»

Пушкин не согласен только с тем, *как* проводится это сопоставление: для него важно не отыскание отдельных сходных моментов в биографии обоих авторов, а сравнение их творчества в типологическом плане.

Предложив интересную параллель Петрарка — Ломоносов, Раич не смог достаточно глубоко провести ее на материале их произведений. Но сама постановка проблемы несомненно заслуживает внимания.

У Вяземского вызывала раздражение излишняя, по его мнению, увлеченность Раича итальянской поэзией и его восхищение таким ее художественным приемом, как concetti (примеры его Раич находит в оде Ломоносова): «Не слишком ли также увлекается он любовью к италиянской словесности и Петрарке, когда радуется как хорошей находке, что Ломоносов „умел счастливо переносить в свои творения много, очень много италиянского и даже некоторые, так называемые, *concetti*“. Едва ли и *подлинные concetti* не безобразная прикраса италиянских стихов, а заимствованные *concetti* на Русский лад и того хуже».

А Пушкин насчет concetti у Ломоносова лаконично заметил: «Сомнительно». Его тоже интересовал этот прием итальянской поэзии. Так, в статье «О „Ромео и Джюльете Шекспира“» он писал: «...Италия... с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и concetti» [128].

И рецензент «Московского вестника», и рецензент «Московского телеграфа» обратили внимание на «Письмо о русских романах». Вяземский находил, что про-

---

[128] *Пушкин А. С.* Указ. соч., т. XI, с. 83. Впервые напечатано в «Северных цветах на 1830 год». Любопытно, что о concetti писал и Кюхельбекер (см.: *Кюхельбекер В. К.* Дневник. 1832. 7 июля.— В кн.: *Кюхельбекер В. К.* Путешествие; Дневник; Статьи. Л., 1979, с. 155).

изведение Погодина «умное и занимательное» и, соглашаясь с мнением автора, что «у нас в Истории встречаются предметы для *поэтических романов*, сомневается в «богатстве наших материялов для романа в роде Вальтера Скотта». Оба рецензента критикуют Погодина за незнание нравов современного ему светского общества. Так, Рожалин пишет: «...но если автор хорошо, быть может, знает старину: то ему очень худо известны, кажется, современные обычаи в нашем большом свете... Верно он писал свою речь в кабинете, а не произносил в гостиной».

«Отрывок из сочинения об искусствах» Делибюрадера, по мнению Вяземского, «по большей части одна *компиляция*, но довольно искусно и живо составленная, полушуточно, полуучено, полумифологически, полуисторически излагают мнения о могуществе Музыки и степенях состояния ея у разных народов». Если Вяземский, совершенно справедливо, на наш взгляд, говорит о занимательности, популярности и читабельности этой статьи, то Рожалин, неблагосклонно отзывающийся о восточных стихотворениях Делибюрадера, обращает язвительную критику и на его прозаическое произведение: «... отрывок из сочинения того же автора об искусствах показал нам, что Персы стараются применяться к нам Европейцам, что у них господствует даже дух подражания Французам, ибо язык Делибюрадера в прозе есть язык устарелого Демутье в его письмах к Емилии».

Критика Рожалиным статьи Делибюрадера объяснялась, возможно, и журналистской тактикой помощника редактора «Московского вестника» и тем, что

Рожалин также претендовал на познания в области восточных литератур, в частности санскритской [129].

Уже «Полярная звезда» систематически знакомила своих читателей с ориентальными материалами. Ее почин был впоследствии подхвачен «Северными цветами», где тоже печатались «восточные» повести Сенковского, апологи Ф. Глинки, восточные стихотворения Подолинского, В. Григорьева, Д. Ознобишина. Но ни один альманах не содержал такого количества ориентального материала, переводов поэзии и прозы с фарси и арабского, как «Северная лира». А ведь посвящалась она издателями «любительницам и любителям *отечественной* словесности» (курсив мой.— *Т. Г.*).

Разумеется, ориентальное направление московского альманаха сразу было замечено критикой. «Вместо того, чтобы представить любителям Словесности отечественной хорошее собрание оригинальных пиес прозаических, Издатели наполнили „Северную лиру" переводами с языков Азиатских, надеясь вероятно доказать оными ужасную бедность Литературы Персидской и Арабской, или по крайней мере, бедность Хрестоматий, которыми пользовались переводчики»,— писал рецензент «Московского вестника». Последнее его замечание в известной степени имело свои основания: переводчики пользовались, в частности, «Персидской хрестоматией» Болдырева, составленной из ограничен-

[129] Делибюрадер печатал свои статьи о восточных литературах в «Сыне отечества», с которым «Московский вестник» полемизировал. Так, ему принадлежит статья «Несколько замечаний на статью Геерена о Рамайяне и перевод оной...», где он критикует русского переводчика Геерена (Рожалина) за ошибки и неточности (Сын отечества, 1827, ч. 112, № 7).

ного круга произведений и совсем не включавшей рукописного материала. Рукописи на восточных языках были сосредоточены в Петербурге, где существовал «Азиатский музей» (1818) с приобретенными в 1819 и 1825 г. рукописными коллекциями Руссо, а в Москве востоковедческая база отсутствовала [130], и это не могло не сказаться на подготовке таких учебных пособий, как хрестоматии.

И все же именно эта хрестоматия, равно как и «Арабская» (М., 1824), включавшая довольно значительное количество небольших рассказов и повестей, а также образцов лирических произведений, доставляла удобный материал для переводов, которые часто публиковались в различных, главным образом московских журналах и альманахах 20—30-х годов Болдыревым, его учениками и «слушателями»: Н. Г. Коноплевым, М. А. Коркуновым, Д. П. Ознобишиным, А. И. Бюргером, позднее — П. Я. Петровым.

Именно хрестоматиям Болдырева суждено было сыграть важную роль в популяризации персидско-таджикской и арабской литератур и тем самым оказать воздействие на развитие яркого ориентализма русской литературы первой трети XIX в.: «Теперь можно считать установленным, что восточная струя вливалась в нашу литературу 20—30-х годов не только бароном Брамбеусом, но и московскими ориенталистами» [131].

«Северная лира» как раз и явилась тем альманахом, где представители «московской школы» в восто-

---

[130] См.: *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков.— Соч., т. 9. М., 1977, с. 58.

[131] *Крачковский И. Ю.* Указ. соч., с. 81—82. Барон Брамбеус — псевдоним О. И. Сенковского.

коведении[132] выступили наиболее заметно, единым фронтом.

Рожалин критикует только переводы восточной прозы и ничего не говорит о поэзии. Что касается Пушкина, то он отметил в московском альманахе «любопытные прозаические переводы с восточных языков».

Главным объектом критики стал Делибюрадер-Ознобишин как переводчик арабской поэзии. Хотя в начале своей рецензии Вяземский вскользь замечает, что «опыты» Ознобишина «носят признаки дарования», но далее говорит, что изучение литератур восточных народов может принести много пользы, «если оно доведено будет с успехом до конца»: «Полуисполнения, как в другом, так и в литературе, ни к чему, или по крайней мере к немногому служат. Мало пользы, да и радости мало видеть под маловажными статьями в прозе или стихах: с *персидского*, с *арабского*, с *монгольского* и проч. и проч. Такая пестрота даже и не ослепительна».

Вяземский подвергает уничтожающей критике переведенное Делибюрадером с арабского оригинала стихотворение «Нама». Приведя его в статье полностью, он говорит: «Пускай это и тому подобное с арабского, на арабском языке и остается. Довольно нам и одного греческого Анакреона, которому нам велят кадить, потому что он древний и грек, хотя в новейшие времена часто за приятельскими пирушками встречаются Анакреоны; но для европейской гордости нашей слишком уж будет оскорбительно, когда захотят колоть нам

[132] *Стариков А. А.* Восточная филология в Московском университете.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960, сб. 3, с. 158—159.

глаза арабским анакреонтичеством». В пылу полемики Вяземский переходит едва ли не на позиции европоцентризма.

Представители пушкинского круга искали в восточных литературах не «анакреонтичества», а философичности, мудрости, глубоких мыслей и откровений. И потому образец арабской поэзии, предложенный Делибюрадером, оказался для них неприемлем. По-видимому, Вяземский и Пушкин считали единственно возможным европейский анакреонтизм. Так, Пушкин восхищался анакреонтическими стихотворениями Дельвига. Поэтому они не приняли и ознобишинское подражание газели Хафиза — восточного Анакреонта.

«Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-ном Делибюрадером,— что касается до нас, то мы находим его преложения изрядными для татарина» [133],— писал в рецензии на московский альманах Пушкин.

Современный исследователь говорит об «убогости перевода, выполненного Д. П. Ознобишиным» и считает, что: «Резкость отзыва вызвана была примитивностью перевода, а не характером подлинника» [134]. На наш взгляд, и сам характер подлинника не устраивал Пушкина, равно как и Вяземского.

---

[133] *Пушкин А С* Указ. соч., с. 48.

[134] *Белкин Д. И.* Пушкинские строки о Персии.— В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979, с. 175.

Подведем некоторые итоги. «Северная лира на 1827 год» — это альманах кружковый, в который в основном вошли произведения литераторов — членов раичевского Общества друзей. Альманах явился своеобразным итогом творческих поисков писателей кружка в течение нескольких лет. В нем впервые заявила о себе литературная школа, объединявшая по большей части московских писателей. Условно ее можно назвать «тютчевской». Для представителей данной школы характерно дисгармоническое восприятие действительности, в отличие от гармонического у поэтов пушкинского круга.

Таким образом материалы «Северной лиры» обладают определенным идейно-художественным единством; оно поддерживается и теоретическими установками. Так, исторический метод в подходе к оценке русских литературных явлений, впервые разрабатывавшийся С. Е. Раичем, стал впоследствии опорным пунктом эстетики любомудров. Здесь же зародился тот глубокий интерес к немецкой философии, который позднее определил творческий путь В. Ф. Одоевского и С. П. Шевырева.

Члены Общества друзей Раича разрабатывают и частные проблемы литературоведения. Сам Раич в статье «Петрарка и Ломоносов» предпринимает попытку сопоставительно-типологического исследования творчества представителей литератур разных народов.

В статье Ознобишина-Делибюрадера «Отрывок из сочинения об искусствах» в духе эстетики Шеллинга говорится о музыке как высшем виде искусства и ее влиянии на внутренний мир человека.

М. П. Погодин в «Письме о русских романах» впервые поставил актуальный вопрос о возможности создания в России романов «вальтер-скоттовского» типа.

При всем своем идейно-художественном единстве альманах, однако, не был обособлен, не стоял в стороне от литературного процесса 20—30-х годов XIX в. в России. Имена Баратынского, Вяземского, Туманского попали сюда не случайно. «Северная лира» тем и интересна, что в ней, как в капле воды, отразились направления и поиски сложного литературного процесса того времени.

Гражданский романтизм декабристов, близкий литераторам «Северной лиры», с его требованием национальной самобытности, заставляет пристальнее изучать литературы разных народов. В центре внимания раичевского кружка оказываются литературы как Запада, так и Востока. Здесь переводятся образцы античной, западноевропейской и восточной поэзии — «Петроний к друзьям» (Из собрания стихотворений под названием: «Эротическая лира древних») и фрагмент из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо С. Е. Раича; переложения из «Божественной комедии» Данте Абр. С. Норова; «Песнь радости (из Шиллера)», «Саконтала» (из Гете), «С чужой стороны (На севере мрачном, на дикой скале...)» — из Гейне, «В альбом друзьям (из Байрона)» Ф. И. Тютчева; переводы из Шенье Баратынского и Ознобишина.

Особый интерес представляют опубликованные в альманахе переводы с восточных языков — арабского и фарси. Ориентализм стал тогда органичной составной частью литературного процесса. «Московская школа»

в поэзии выступает в одном ряду с московским же востоковедением. Ученики профессора восточных языков Московского университета А. В. Болдырева, Н. Г. Коноплев и А. И. Бюргер помещают прозаические переводы с фарси, Д. П. Ознобишин-Делибюрадер — стихотворные переводы с арабского и фарси. Ориентализм был тесно связан с романтизмом того времени. «Восточный стиль становится стилем свободы»[135]. У Саади и Хафиза русские писатели находят мысли, созвучные гражданским настроениям декабристов. Тот же прием использования политических аллюзий присутствует и в переложениях из Библии. Дидактическая направленность, ораторский стиль не случайны у Раича в «Вифлеемских пастырях», у М. А. Дмитриева в «Видении Ездры». Недаром издатели «Северной лиры» так стремились поместить в ней аллегории Ф. Н. Глинки, так сказать, по их мнению, недостающее звено в их альманахе.

Выражая благодарность Глинке за присланные произведения, Д. П. Ознобишин писал ему 12 декабря 1827 года: «Но Ваш дар не полный! — Сочинитель Аллегорий не уделил нам ни одной блестящей странички из тех прелестных произведений, которые внушила ему таинственная пери Востока, и для начертания коих заимствовал он блестящие и душистые краски цветов счастливого Иемена»[136].

«Северная лира» богата и в жанровом и в стилевом

---

[135] *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 258.

[136] *ЦГАЛИ*, ф. 141 (Ознобишина Д. П.), оп. 1, ед. хр. 349, л. 1.

отношении. Причем это разнообразие наблюдается как в прозе, так и в поэзии. Рядом с философскими этюдами в романтическом духе (В. Ф. Одоевский «Смерть и жизнь», В. П. Титов «Три единства»), «восточными» повестями (Д П. Ознобишин «Посещение» и «Идеал», Ф. В Булгарин «Янычар, или Жертва междуусобия») мы находим бытовые повести, где рассказ от автора ведется в непринужденной, нарочито разговорной манере о вещах совершенно обыденных (А. Ф. Томашевский «Три истины» и В. П. Андросов «Не сбылось»). Повесть Томашевского построена на стилевом контрасте обыденного прозаического и высокого романтического. В конце автор с нарочитой глубокомысленностью изрекает три истины. Интересно, что по названию повесть напоминает философские этюды любомудров (напр.: «Три единства» у Титова). Реалистическая струя еще явственнее ощущается в повести «Не сбылось». Перед нами судьба провинциального чиновника, рассказанная в иронически-гротесковой манере.

Альманах выдержан в едином стиле. Рассчитанный не только на любителей, но и на любительниц отечественной словесности, он занимателен по содержанию, легко читается, изящно, со вкусом оформлен.

Альманах «Северная лира» — памятник русской литературы 20—30-х годов XIX в. со всеми ее многообразными направлениями и стилями; итог работы литературного Общества друзей Раича. Какова дальнейшая судьба поэтов кружка? Продолжало ли существовать их творческое содружество позднее? В 40—50-е годы многое изменилось, менялись привязанности, литературные отношения и вкусы. Однако бывшие участники

альманаха продолжали общаться, они сотрудничали в одних и тех же изданиях. И не случайно на склоне лет сближаются такие поэты, как Тютчев и Вяземский, Раич и Ф. Глинка, продолжают поддерживать дружеские связи бывшие питомцы Благородного пансиона при Московском университете — С. П. Шевырев, В. Ф. Одоевский, Д. П. Ознобишин, В. П. Титов.

Зародившаяся в кружке Раича идейная и художественная общность писателей, выступивших впервые так ярко в 1827 г. в «Северной лире», продолжала сохраняться и развиваться в последующие годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

В Примечаниях к настоящей книге читатель найдет основные необходимые ему текстологические, историко-литературные и реально-исторические справки и пояснения к печатаемым произведениям.

Основным источником текста послужил, естественно, изданный в 1827 г. альманах (экземпляр Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина). Указывается местонахождение сохранившихся автографов. Если в «Северной лире» — первая публикация произведения, на это специально указывается. Сообщается и о других публикациях; в отдельных случаях приводятся наиболее существенные варианты. Кроме исправления опечаток, отмеченных на стр. 442 издания 1827 г., исправлены немногочисленные другие опечатки, не замеченные издателями: в издании 1827 г. (стр. 261) — «ведется», в настоящем издании (стр. 138) — «водится»; в издании 1827 г. (стр. 282) — «на крышку дома», в настоящем издании (стр. 146) — «на крышу дома». Другие исправления, орфографического и пунктуационного характера, не столь существенны. Встречающиеся в альманахе сокращенные написания в бесспорных случаях (на пр.— например) дополняются без редакторских скобок.

Сведения о сотрудниках приводятся в основном в дополняющем примечания алфавитном перечне.

Текст издания подготовлен и общая редактура осуществлена А. Л. Гришуниным. Автор сопроводительной статьи Т. М. Гольц. Примечания написали Т. М. Гольц и А. Л. Гришунин.

«С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВЕКОВ...»

Стихотворение С. Е. Раича. Авторство установлено по экземпляру альманаха, принадлежавшему М. Н. Лонгинову.— Библиотека Института русской литературы

Академии наук СССР, 54 5/II (см. сопроводительную статью).

[1] *Орфей* (греч. миф.) — фракийский певец и музыкант, изобретатель музыки и стихосложения, обладавший чарующим голосом. Музыка Орфея заставляла растения склонять ветви, сдвигала камни, укрощала диких зверей.

Рассказ об Орфее и его жене Эвридике содержится в IV книге переведенных Раичем «Георгик» Вергилия; см. также «Метаморфозы» Овидия. Орфей — излюбленный образ Раича и поэтов его кружка. В поэме «Райская птичка» (50-е годы) Раич писал:

И Амфионы и Орфеи
Живут в преданиях людей,
Их лиры, как волшебство феи,
Очеловечили зверей.

(*ПД, 4204/XIII, с. 48, л. 56*).

[1] *Мерзляков* Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, переводчик, профессор литературы в Московском университете. Как профессор университета, исполнял в 1804—1830 гг. обязанности цензора изданий московского учебного округа.

ЯНЫЧАР, ИЛИ ЖЕРТВА МЕЖДУУСОБИЯ

Рассказ вошел в «Сочинения Фаддея Булгарина», т. 1, ч. 2. СПб., 1827, с. 148—158 и в «Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина», т. 5. СПб., 1843, с. 103—106. Посылая экземпляр своих сочинений редактору «Московского вестника» М. П. Погодину, Булгарин писал: «Вы сами хвалили в письме моего „Янычара", а по выходе в свет „Лиры", упоминая о всех статьях — умолчали о нем. Это предсказывает мне, как вы примете мои сочинения. Бог с вами! Ругайте и браните! Посылаю вам экземпляр и прошу откатать по совести» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889, кн. 2, с. 122).

С критикой произведений Булгарина выступил С. П. Шевырев, писавший о них: «Главный их характер — безжизненность; из них вы не можете даже определить образа мысли в авторе. Слог правилен, чист, гладок, иногда жив, изредка блещет остроумием,— но холоден» (*МВ*, 1828, ч. 7, № 1, с. 77).

[1] *Янычары* — солдаты, составлявшие привилегированную часть турецкого войска, постоянные участники мятежей и дворцовых переворотов. Пехотное войско янычар (по-турецки «ени чери» — новое войско) было создано султаном Мурадом I около 1360 г. и существовало до 1826 г.; в момент образования оно было новым по сравнению с созданной до этого при Орхане I пехотной «яя». 15 июня 1826 г. Махмуд II произвел военную реформу, предусматривавшую упразднение корпуса янычар. В ответ на это янычары подняли мятеж, который был подавлен, а корпус янычар ликвидирован.

[2] *Орта* — полк янычарского войска.

[3] *Эшмайдан* — букв. Мясная площадь, площадь в Стамбуле, где раздавались мясные пайки янычарам и находились их казармы.

[4] *Молла* — одно из высших духовных лиц.

[5] *Муфтий* — мусульманское высшее духовное лицо, наделенное правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению шариата. Решение муфти (фетва) основывается на религиозно-юридических канонах распространенного в данной стране вероисповедания ислама (суфизма или шиизма).

[6] *Санджак-Шериф* — «священное знамя», «знамя пророка».

[7] *Райя* — подданные, обычно — немусульмане; наиболее угнетаемая в то время часть населения Турции.

[8] *Топчи* — правильнее топчу — артиллерист, пушкарь; название одного из корпусов оттоманской армии.

[9] *Франки* — так называли европейцев, христиан.

ОДЕССКИМ ДРУЗЬЯМ
(Из деревни)

Стихотворение В. И. Туманского. В *СЛ* — первая публикация. Было послано А. С. Пушкину при письме от 2 марта 1827 г. вместе с другими стихотворениями. В незаконченной рецензии на *СЛ* Пушкин обратил внимание на стихотворения «Греческая песнь» и «К одесским друзьям», которые «отличаются гармонией и точностию слога и обличают решительный талант» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1949, т. XI, с. 48). Вошло в издание: Стихотворения и письма В. И. Туманского. СПб., 1912, с. 297. См. также сопроводительную статью.

[1] ...*бродяга-Езуит...*— член католического монашеского ордена (основан в 1534 г.) — опоры папства и одной из самых воинствующих организаций католической церкви. Уже со второй половины XVI в. иезуиты стали проникать в Россию, занимаясь миссионерской деятельностью, открывали свои школы. Указом 1815 г. они были высланы из Петербурга; жительство в обеих столицах иезуитам запрещалось, и в их училищах с того времени могли обучаться только дети католиков. Через пять лет иезуиты были вовсе высланы из России.

[2] ...*Сестра любимая...*— Софья Григорьевна Туманская.

НАЯДА

Стихотворение Е. А. Баратынского. В *СЛ* — первая публикация. Напечатано также в альманахе А. А Дельвига «Северные цветы на 1827 год» (с. 330). Вошло в издание стихотворений Е. А. Баратынского (М., 1827, отд. «Смесь», с. 108). В собрании стихотворений Баратынского помещено без заглавия.

В письме П. А. Вяземского к В. А. Жуковскому от 6 января 1827 г. (Архив бр. Тургеневых. Пг., 1921, т. I, в. 6, с. 57) это стихотворение упоминается в качестве литературной новинки.

Стихотворение представляет собой несколько сокращенный перевод одной из элегий французского поэта Андре Шенье (1762—1794) — «Fragment d'idylles», № 6 — «Je sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre...» Во французском оригинале не 6, а 8 стихов.

В. Г. Белинский в статье «Стихотворения Е. Баратынского» (1842) отозвался об этом стихотворении как об особенно достойном памяти и внимания (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955, с. VI, с. 487).

[1] *Наяды* (нимфы, греч. миф.) — женоподобные существа, обитательницы рек и озер.

СОЛОВЬЮ

Автор стихотворения — С. Е. Раич (см. сопроводительную статью). Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация.

НАМА

Этот перевод Д. П. Ознобишина стал объектом резкой критики П. А. Вяземского (см. сопроводительную статью).

Сохранился автограф стихотворения (*ПД*, ф. 213, № 49, л. 24 об., 25).

[1] Нáма (фарси) — вид, наружность, портрет; здесь употреблено в значении «Описание».

[2] *Уаль нашру мискун.*— Д. П. Ознобишин приводит на арабском первое полустишие, видимо, чтобы дать понятие о звучании стиха в оригинале; буквально этот стих означает «И дыханье — мускус».

ПЕСНЬ РАДОСТИ

(Из Шиллера)

Стихотворение Ф. И. Тютчева. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация стихотворения. Вторично напечатано в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», ч. XVIII, 1835, № 9, 30 января, с. 69—70.

О последующих публикациях этого стихотворения и отзывах о Тютчеве — переводчике Шиллера см.: *Тютчев Ф. И.* Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности (1818—1973)//Сост. И. А. Королева, А. А. Николаев; Под ред. К. В. Пигарева. М., 1978. В прижизненные издания стихотворений Тютчева не включалось. Перевод стихотворения Шиллера «An die Freude» («К Радости»), которое переводилось на русский язык и до, и после Тютчева (Н. М. Карамзин, И. А. Ковалько, К. С. Аксаков, М. А. Дмитриев и др.). См. об этом: *Смолян О. А.* Первые переводы и постановки Шиллера в России.— В кн.: Фридрих Шиллер. Статьи и материалы. М., 1966, с. 36—37; *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление русского романтизма.— В кн.: Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972, с. 63—95; *Он же.* Шиллер в русской лирике 1820—1830-х годов.— Русская литература, 1976, № 4, с. 146.

[1] *Хариты* (греч. миф.) — богини плодородия, радости, веселья, олицетворение женской прелести.

[2] *Вретище* (слав.) — дерюга; грубая, иногда траурная одежда.

ПОСЕЩЕНИЕ

Восточная повесть

Д. П. Ознобишину принадлежит ряд «восточных повестей», восходящих к арабскому источнику. В *ПД* есть писарская копия с авторской правкой Ознобишина — «Арабески, или собрание восточных повестей», датируемая предположительно началом 40-х годов (*ПД*, ф. 213, № 46, 82 лл.),— в которую включены десять новелл, в их числе и вошедшие в *СЛ* «Посещение» и «Идеал». «Арабески» с предисловием и подробными примечаниями, писанными рукой Д. П. Ознобишина, состоят из его переложений нескольких макам (новелл) Абу Мухаммеда аль-Харири (1054—1122), повестей: «Соперничество шести невольниц» — из «нового продолжения 1001 ночи»; «Посещение» и «Идеал», ис-

точник которых Ознобишиным не указан, но по стилю они приближаются к сказкам из «Тысячи и одной ночи».

В предисловии Д. П. Ознобишин писал: «Некоторые из сих повестей были напечатаны в разных альманахах и журналах. Я собрал их, пересмотрел и дополнил многими новыми, еще до сих пор не переведенными. В примечаниях, прилагаемых к каждой из сих повестей, избегая сухости, неизбежной почти при всяком филологическом изыскании, я старался, сколько мог, пояснить предмет мой, придать ему более разнообразия, и, вместе с тем, легко ознакомить читателей моих с нравами и обычаями жителей Востока: для этого поместил я в них несколько анекдотов, заимствованных мною из сочинений писателей известных, а в конце биографию Гарири (т. е. Абу Мухаммеда аль-Харири.— *Ред.*), писанную Эбн-Хилькапом. Если сии Арабески, бегло перенесенные мною на Север из пышных зданий ориентализма, успеют обратить на себя внимание немногих ценителей,— цель моя достигнута, и я, как юный счастливец в Саадиевом Гюлистане, и лук свой, и стрелу предам пламени» (ф. 213, № 46, л. 4—4об.).

Из примечаний Д. П. Ознобишина к повести «Посещение»:

«...Исхак бен Ибрагим Ельмаусали, т. е. Исаак, сын Ибрагима из Моссула,— придворный Гарупа Аррашида, был не только первый музыкант своего века, искусно сам сочинявший музыку, но в то же время „известен как отличный ученый и Поэт“» (л. 10 об.).

«Моссул, город, лежащий при Тигре. Прозвище: из Моссула, которое носит Исаак, иначе называемый *Надим*, дано ему, не потому чтобы он родился в этом городе, ни вел род свой из оного, а единственно от того, что он избрал его своим местопребыванием. Абульфарадж Аль Есфагани, сам отличный сочинитель песней арабских, в своих произведениях весьма часто упоминает о сем прекрасном музыканте» (л. 11).

«Магади сын Абу Жиафара Альманзора, наследовал своему отцу и был 3-й халиф из династии Аббасидов. Он скоропостижно умер на охоте; но незадолго до

своей смерти объявил наследником престола своего старшего сына *Гади*, с тем условием, чтобы он не имел другого наследника, кроме своего меньшого брата *Гаруна*, исключая таким образом собственных его детей от царственного наследия. Таковое распоряжение Магади было причиною всех раздоров, возникших впоследствии между братьями. Уже Гарун был обречен на жертву, как внезапная смерть Гади, отравленного Хайзураною (так называлась его мать) возвела на престол Гаруна...» (л. 12).

ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ
(подражание Шлегелю)

Автор стихотворения А. Г. Ротчев. В европейской поэзии орел считался символом борьбы и мятежности, а лебедь — покоя и созерцательности. В споре-диалоге между ними обычно побеждал орел. Так эти образы трактуются и в данном случае.

Приведя почти целиком стихотворение Ротчева в статье «Пушкин и Тютчев», Ю. Н. Тынянов писал: «сопоставление (символическое) орла с лебедем было излюбленным в европейской поэзии, причем в этом символическом состязании побеждал орел. У Тютчева победа за лебедем». Тынянов имеет в виду стихотворение Тютчева «Лебедь» («Пускай орел за облаками...») (*Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968, с. 189—190).

1 *Шлегель* Август-Вильгельм (1767—1845) — немецкий историк литературы, поэт, критик, переводчик.

2 *Леда* (греч. миф.) — дочь Тестия, царя Этолии, супруга Тиндарея, возлюбленная Зевса, которой он явился в виде лебедя.

3 *Ганимед* (греч. миф.) — сын дарданского царя Троя, за красоту взятый богами на небо, где он стал любимцем и виночерпием Зевса.

SHE WALKS IN BEAUTY
(Еврейская мелодия лорда Байрона)

Подражание стихотворению Дж. Байрона «Она идет в красе своей...» из цикла «Еврейские мелодии» («Hebrew Melodies», 1815). В *СЛ* — первая публикация. Образ идеала, в котором слита духовная и телесная красота, был близок Д. П. Ознобишину — поэту-«восточнику», переводчику газелей Хафиза, в которых также воспевается земная красавица и утверждается право на любовь в этом мире.

ДВЕ ЧАШИ

Датированный автограф С. П. Шевырева — в записной книжке (*ЦГАЛИ*). В *СЛ* — первая публикация стихотворения.

В стихотворении воплощена тема двойного бытия, характерная для лирики любомудров (см.: *Сахаров В. И.* Философский романтизм любомудров и «поэзия мысли».— В кн.: История романтизма в русской литературе. Романтизм в русской литературе 20—30-х годов XIX в. (1825—1840). М., 1979, с. 59—60).

О связи этого стихотворения со стихотворением М. Ю. Лермонтова «Чаша жизни» (1831) см.: *Журавлева А. И.* Лермонтов и русская поэзия 19 в.— Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 483; *Гладыш И. А.* «Чаша жизни».— Там же, с. 612.

ВОЗЗВАНИЕ К ДНЕПРУ

Стихотворение А. Н. Муравьева. Под заглавием «Днепр» и с эпиграфом из начальной русской летописи («Повести временных лет»): «..И те словѣ не пришедше и сѣдоша по Днепру...» — оно вошло в сборник «Таврида» (М., 1827, с. 82—84). В рецензии на *СЛ* П. А. Вяземский положительно отозвался о стихотворениях Муравьева «Ермак», «Воззвание к Днепру» и «Русалки» (МТ, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 242—243).

[1] *Любеч* — город Древней Руси, упоминаемый в летописях с 882 г. В 1147 г. был сожжен смоленским князем Ростиславом, затем восстановлен. В 1240 г. разорен монголо-татарами; около 1356 г. захвачен литовскими феодалами. С 1569 г. до середины XVII в. находился под властью Польши.

[2] *...Рюрика сын...*— новгородский и киевский князь Игорь (ум. в 945 г.), упоминаемый в начальной русской летописи («Повести временных лет»), совершил походы на Константинополь в 941 и 944 гг.

[3] *Оскольд* (Аскольд) — В «Повести временных лет» под 862 г. содержится рассказ о том, как Аскольд и Дир, бояре, состоявшие при Рюрике, но не родственники его, отправились в Константинополь (Царьград) и по пути осели в Киеве. В 866 г. они совершили поход на Царьград.

[4] *Святослав* — новгородский и киевский князь, сын князя Игоря (ум. в 972 г.), совершил ряд победоносных походов: на хазар, ясов, косогов, болгар и греков.

[5] *...Олег победитель...*— новгородский и киевский князь Олег (ум. в 912 г.) совершил в 907 г. победоносный поход на греков.

УТРО ДЕВЯТОГО МАЯ

— К другу в день его рождения —

Стихотворение А. С. Норова, обращенное к другу его детства, троюродному брату и соседу по имению А. И. Кошелеву (1806—1885), члену «Общества любомудрия», посещавшему также заседания «Общества друзей» Раича (см.: *Кошелев А. И.* Записки. Berlin, 1884, с. 11—12; *Колюпанов Н. П.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889, т. I, кн. 2, с. 55, 61—74).

[1] *Ты далеко... но я с тобой...*— Кошелев находился тогда в Москве, а Норов у себя в подмосковном имении с. Надеждино, Дмитровского уезда.

ПЕТРАРКА И ЛОМОНОСОВ

Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация.

Статья С. Е. Раича тесно связана с характером его творчества, а также с направлением литературной деятельности раичевского «Общества друзей». Интерес к творчеству М. В. Ломоносова (1711—1765), к его образу и метафорическому языку, характерный для представителей «тютчевской школы», был связан с выработкой ими нового поэтического языка. Изучение итальянской поэзии у Раича подчинялось современным задачам литературного процесса. Поощряемые в кружке Раича переводы с разных языков должны были обогатить русскую поэзию. Знаток итальянской классики, переводчик «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, Раич хотел привнести в русскую литературу итальянское благозвучие. Понятно его восторженное отношение к Ломоносову, который «умел перенести в свои творения много — очень много Италианского...». Поучительна и сама попытка сравнительно-исторического исследования, предпринятая в статье.

Современники к самой идее сравнения двух великих поэтов отнеслись по-разному. В рецензии на *СЛ* П. А. Вяземский «основную мысль сего сравнения» признал «сомнительной» (*МТ*, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 241). Более категоричен Н. М. Рожалин: «Напрасно г. Р. старался доказать нам сходство между Ломоносовым и Петраркою...: мы видим одно различие» (*МВ*, 1827, ч. II, № 5, с. 87). Пушкин иначе отнесся к сопоставлению, признав правомерность и необходимость такого метода изучения творчества двух поэтов — представителей различных литератур. Однако Пушкина не устраивали некоторые, по его мнению, натянутые моменты сопоставления. Заслуживает внимания утверждение Г. А. Гуковского о том, что «патетика ломоносовской оды, ее грандиозный размах, ее напряженно-образная, яркая метафорическая манера сближает ее именно с искусством Возрождения» (*Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. Учебник для высших учебных заведений. М., 1939, с. 108).

[1] *Лаура* — дама, воспетая Петраркой в книге лирики «Канцоньере».

[2] *Сципион Африканский* Старший (ок. 235—183 гг. до н. э.) — римский полководец, одержавший ряд блестящих побед, герой латинской поэмы Петрарки «Африка» (1342).

[3] *Цицероновы Письма* — Сохранилось 800 писем Марка Туллия Цицерона (106—43 гг. до н. э.), древнеримского политического деятеля, оратора и писателя. Знаток античной культуры, Петрарка всю жизнь посвятил разыскиванию, расшифровке и истолкованию древних рукописей. Он любил и знал Цицерона, называл его своим «отцом».

[4] *Боккачио* (Боккаччо) Джованни (1313—1375) — итальянский писатель, один из первых гуманистов и родоначальников литературы Возрождения. Был дружен с Петраркой и находился под его влиянием.

[5] *Воклюзский лебедь* — Франческо Петрарка (1304—1374), итальянский поэт эпохи Возрождения, пережил пору творческого расцвета в своем имении Воклюз, близ Авиньона.

[6] *Тит Ливий* (59 г. до н. э.— 17 г. н. э.) — древнеримский историк.

[7] *Капитолийский венец* — 8 апреля 1341 г. на Капитолийском холме в Риме при большом стечении народа римский сенатор, объявив Петрарку «великим поэтом и историком», присвоил ему римское гражданство и возложил на голову лавровый венок.

[8] *Певец Елисаветы* — Елизавета Петровна (1709—1762), с 25 ноября 1741 г.— российская императрица. Ломоносов воспел ее в одах, напр., в «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года».

[9] *Шувалов* Иван Иванович (1727—1797) — елизаветинский вельможа и государственный деятель, вместе с Ломоносовым основал Московский университет, покровительствовал наукам и искусствам.

[10] *Граф Воронцов* — По-видимому, Михаил Илларионович Воронцов (1714—1767), государственный деятель и дипломат. С 1744 г. вице-канцлер; в 1758—1762 гг.— канцлер.

11 *Concetti* (итал.) — утонченная и неожиданная метафора; особенно характерна для любовных сонетов Ф. Петрарки.

12 *Кардинал Бембо* — Бембо Пьетро (1470—1547), итальянский писатель и теоретик Возрождения, опиравшийся в своем творчестве на авторитет Дж. Боккаччо и Ф. Петрарки.

13 ...*Роберт, король неаполитанский*...— Роберт Анжуйский, один из самых образованных государей Европы, покровитель искусства. Петрарка избрал его арбитром в поэтическом состязании, а Роберт признал поэта достойным коронации.

14 *Филипп Валуа* — Филипп VI, первый король из династии Валуа, правил в 1328—1350 гг.

15 ...*восклицает Петрарка в своих достопамятностях* — по-видимому, имеется в виду его «Письмо к потомкам» («Posteritati», 1374).

СОЗДАНИЕ КРАСАВИЦЫ

В *СЛ* — первая публикация стихотворения. См. сопроводительную статью.

ГРЕЧЕСКАЯ ОДА

(Песнь греческого воина)

Стихотворение В. И. Туманского. Автограф с датой «декабрь 1823 г.» — в *ГПБ*. «Звездочка», 1826, с. 75. В *СЛ* датировано 1824 г. Посвящено повстанческому движению в Греции. В архиве Туманского сохранился черновой набросок «Песни в честь Марка Боцариса, лорда Байрона и Караискаки, героев, умерших за свободу Греции» (*ГПБ*, ф. 794, № 5, л. 1—1об.).

Стихотворение было высоко оценено Пушкиным (см. Полн. собр. соч., т. XI, с. 48).

1 *Инсургент* — повстанец.

К Р . . . . . .

Стихотворение Н. Г. Грекова. По свидетельству Д. П. Ознобишина, посвящено С. Е. Раичу.

К Н . . . .

Стихотворение Ф. И. Тютчева. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация. В прижизненные издания стихотворений Тютчева не включалось. В 11 стихе опечатка: вместо «живит» следует читать «живет». Исправление предложено В. Я. Брюсовым (Русский Архив, 1898, вып. 10, с. 251). Адресат стихотворения не установлен. Ошибочно приписывалось В. И. Туманскому (*Тютчев Ф. И.* Библиографический указатель произведений о жизни и деятельности. 1818—1973. М., 1978, с. 86).

О переводах Ф. И. Тютчева и об его оригинальных стихотворениях в *СЛ* одобрительно отозвался Н. М. Рожалин (*МВ*, 1827, ч. 2, № 5, с. 86).

[1] *...горé...* — в высоте.

ОДА ГАФИЦА
(*Из книги: «Даль» его Дивана*)

Стихотворение Д. П. Ознобишина. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация стихотворения.

Ознобишин перевел две газели Хафиза, а также несколько фрагментов из его газелей. Источником для данного подражания послужила «Персидская хрестоматия» А. В. Болдырева (М., 1826, с. 162—163), стихотворный раздел которой включал девять газелей Хафиза, в частности, и газель:

مگ بی رخ یار خوش نباشد

Эта же газель переведена Ю. Познанским (*МТ*, 1826, ч. 9, № 9, с. 66), но его подражание, также не передающее персидско-таджикскую форму газели, беднее по содержанию и беспомощнее в художественном отношении.

[1] *Гафиц* (Хафиз, 1300—1389) — выдающийся персидско-таджикский поэт-лирик.

[2] *Даль* — название одной из арабских букв.

[3] *Диван* — сборник стихотворений одного поэта в классических литературах Ближнего и Среднего Востока, обычно строился в алфавитном порядке рифм (последней буквы рифмы): очередной букве соответствовала «книга» дивана.
[4] *Гюль би рухи яр хош небашед.*— Т. е., Роза без лица любимой не бывает приятна.

ВИДЕНИЕ ЭЗДРЫ

Сюжет стихотворения восходит к третьей книге Ездры Ветхого завета Библии. Вошло в издание стихотворений М. А. Дмитриева (ч. 1—2. М., 1830, ч. 1, отд. «Подражания Библии»).

[1] *Эздра* — в православной традиции Ездра, годы рождения и смерти неизвестны; реформатор иудаизма.
[2] *Сион* — здесь: царство иудеев, символ их родины. В 587 г. до н. э. Иудея была завоевана вавилонским царем Навуходоносором, а главный город ее, Иерусалим — разрушен.
[3] *Израиль* — здесь: еврейский народ.
[4] *Небесный Уриил* (евр.) — «свет Божий», ангел, посланный от бога к Эздре для его наставления и объяснения ему сокровенных путей божиих.

СОЛОВЕЙ И МУРАВЕЙ
(*Баснь из Саади*)

Перевод притчи «Соловей и Муравей» из 1-го меджлиса (раздела) рисале второй «Рисолата» («Трактаты») Саади.

На ту же тему написаны басни Лафонтена и Крылова. Еще в 1815 г. эта притча была опубликована в «Вестнике Европы» (№ 11, с. 178—179) в переводе с французского. Текст притчи на фарси — в «Персидской хрестоматии» А. В. Болдырева (М., 1826, с. 117). В 1826 г. она появилась в переводе петербургского ориенталиста, ученика О. И. Сенковского И. В. Ботьянова в «Азиатском вестнике» (кн. 11—12, № 9 и 10, с. 217—219) под заглавием «Разговор соловья с трудо-

любивым муравьем». Оба перевода с фарси удачны. По нашему мнению, Н. Г. Коноплеву лучше удалось сохранить лаконичный стиль Саади-рассказчика. В 1836 г. этот перевод был напечатан в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (№ 101—102, с. 807—808). См.: *Гольц Т. М.* К истории русской иранистики 20—30-х годов XIX столетия. Н. Г. Коноплев — переводчик Саади.— Вопросы таджикской филологии. Душанбе, 1976, с. 71—82.

[1] *Саади* Муслихиддин (между 1203 и 1210—1292) — персидско-таджикский писатель и мыслитель.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация этого философского этюда В. Ф. Одоевского.

[1] *Гвидо* Рени (1575—1642) — итальянский живописец.

[2] *Кифарид* (Кифаред, греч. миф.) — здесь, по-видимому, имеется в виду бог любви, то же, что Амур («сын Киприды»).

[3] *Киприда* — богиня любви и красоты, возникшая из морской пены у острова Кипр, где в городе Пафосе был сооружен храм в ее честь.

ДЕРЕВНЯ

Стихотворение П. И. Колошина. Автограф неизвестен. Впервые опубликовано А. Ф. Воейковым в 1825 г. в «Новостях литературы» под именем «Мещевский». Криптоним «К-н» раскрыт по экземпляру *СЛ*, принадлежавшему М. Н. Лонгинову (библиотека *ПД* АН СССР, 54 5/II). См.: *Вейс А. Ю.* Петр Колошин — автор послания «К артельным друзьям».— *ЛН.* М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 546—547.

[1] *Эрминий* — условное поэтическое имя.

[2] *...и фински седые туманы,//И шумная роскошь Парижа, и мирные Эльбы прибрежья...*— П. И. Колошин занимался топографической съемкой в Финляндии в 1815 г., был участником похода 1815 г. в Европе.

МОЛЬБА

В *СЛ* — первая публикация стихотворения. Вошло в издание стихотворений В. И. Туманского (СПб., 1881, с. 122).

ДРУЗЬЯМ

Стихотворение С. Е. Раича. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация. Является, по-видимому, ответом на два стихотворения Ф. И. Тютчева, обращенные к Раичу: «Неверные преодолев пучины...» и «На камень жизни роковой...», в которых осмыслялся, со всеми его трудностями и опасностями, жизненный путь Раича, члена Союза Благоденствия (см. сопроводительную статью).

Стихотворение стало популярной песней. Студенты пели ее примерно до 30-х годов нашего столетия (*Бродский Н. Л.* М. Ю. Лермонтов. Биография. Т. I (1814—1832). М., 1945, с. 81—88). По свидетельству сына Раича, стихотворение было положено на музыку А. Е. Варламовым (письмо Раича В. С. к Славскому Г. М.— *ПД*, Р. I, оп. 24, ед. хр. 8, л. 2). Музыку к нему написали Н. А. Титов, Ф. М. Толстой. Было вписано В. Г. Белинским в его тетрадь «Собрание разных стихотворений» (см.: *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М., 1949, с. 426). Упоминается в романе В. В. Крестовского «Тьма египетская» (гл. 13) и у М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Помпадурах и помпадуршах» (гл. 9).

Стихотворение вошло в рукописный сборник «Разные стихи», составленный С. А. Златодубровской 12 ноября 1832 г. в Москве (*ГПБ*, ф. 281, Жевержеев Л. И., № 40, л. 34—35об.) под заглавием «Дума» и с пропуском пятой строфы-рефрена, с незначительными разночтениями; подпись «С. Зиновьев». Другой список, не датированный (*ГПБ*, арх. Олениных, № 966, лл. 1—1об.), где оно значится как стихотворение А. Г. Ротчева. В этом списке седьмая и восьмая строфы отсут-

ствуют, а четвертая и пятая поменялись местами, имеются разночтения и грубая ошибка.

[1] *...К темной Орковой стране...* — Орк (римск. миф.) — подземное царство мертвых, соответствует греческому Аиду.

РУСАЛКИ
(*Песнь Баяна*)

С разночтениями вошло в сборник «Таврида» (М., 1827, с. 85—87). Автор включил его в незаконченную лирическую трагедию «Рогнеда», отрывок из которой появился в «Атенее» (1830, № 3, с. 259).

В рецензии на *СЛ* П. А. Вяземский положительно отозвался об этом стихотворении и, приведя из него большую цитату (29 строк), писал: «Картина прелестная и во всех частях с искусством выдержанная: последняя черта удивительно игрива. Можно только заметить лишнее слово, в стихе

И хохот и смех раздаются —

Смех после *хохота* вставка, и неправильное ударение в слове; *русло*» (*МТ*, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 243—244).

[1] *Баян* (боян) — русский певец-дружинник 2-й половины XI — начала XII в. Впервые упоминается в «Слове о полку Игореве».

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ
(*Гимн Шиллера*)

Перевод стихотворения Ф. Шиллера (1759—1805) «Triumph der Liebe. Eine Hymne».

[1] *Камены* (римск. миф.) — богини-покровительницы искусств и наук, соответствующие музам в греческой мифологии.

[2] *Кронид* — Зевс, считавшийся сыном Реи и Крона; поэтому его иногда называют Крониодом.

[3] *Титаны* (греч. миф.) — дети Урана и Геи, восставшие против Зевса и побежденные богами.
[4] *Феб* (греч. миф.) — одно из имен Аполлона.
[5] *Юнона* (римск. миф.) — жена Юпитера, покровительница брака, соответствует Гере в греч. мифологии.
[6] *Прозерпина* (Персефона) — дочь Цереры (Деметры), богини плодородия. Подземный бог Плутон (Аид) похитил ее с земли и женился на ней насильно.
[7] *Плутон* (греч. и римск. миф.) — владыка подземного мира и царства мертвых.
[8] *Минос* (греч. миф.) — судья мертвых в подземном царстве.
[9] *Мегера* (греч. миф.) — одна из эвменид, богиня мщения.
[10] *Прометей* (греч. миф.) — титан, сын Япета, богоборец и защитник людей, похитивший для них огонь с Олимпа. В наказание был прикован к Кавказской скале, куда каждое утро прилетал орел и клевал его печень; был освобожден Гераклом.
[11] *Коцит* (греч. миф.) — река в подземном царстве, приток Стикса.

ПЕРВАЯ СУББОТА ТВОРЕНИЯ

В этом рассказе-аллегории, используя библейские образы, В. И. Оболенский говорит о связи интеллектуального начала с морально-этическим, ставя таким образом проблемы воспитания и нравственности.

САДОВНИК И СОЛОВЕЙ

Оригинал рассказа, переведенного с фарси А. И. Бюргером, установить не удалось. Текстом для перевода, вероятно, послужила «Персидская хрестоматия» А. В. Болдырева (М., 1826, с. 112—117). В предисловии к хрестоматии Болдырев отмечает, что взял этот рассказ из книги Вильяма Джонса «A Grammar of the Persian Language» (L., 1809), где параллельно приводятся тексты на фарси (с. 107—110) и английском (с. 111—115) языках. Но и здесь оригинал не указан.

Рассказ передан близко к подлиннику. Впервые вставные стихи переданы стихами же, а не прозой. Однако порядок рифмовки, за исключением двух случаев, не соблюден. Стихи переведены Д. П. Ознобишиным (автограф-черновик его перевода — *ПД*, ф. 213, № 45, л. 36об.).

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ЗЕМЛЯ»

Автограф-черновик — в *ЦГАЛИ*, писарские копии с авторской правкой в *ГПБ* и *ЦГАЛИ*. Поэма имеет подзаголовок: «Опыт поэзии философической в 2-х песнях». Как и другая поэма Авр. Норова — «Об астрономии», в жанровом отношении представляет собой своеобразный сплав дидактики и философичности. Содержание песни второй: «Вид земли с моря.— Разрушение земных царств.— Сила времени.— Обращение к мирам и мысли о множестве оных. Древность земного шара.— Обращение к земле.— Воспоминания о путешествиях.— Картины: Оверньи, Неапольских берегов, Сицилии, Тавриды и Альпийских гор.— Обращение к горам.— Заключение» (*ГПБ*, ф. 531, № 753, л. 10) — недатированная писарская копия с правкой Авр. С. Норова.

Помещенный в *СЛ* отрывок взят из второй песни. Беловая писарская копия датируется по водяным знакам не ранее 1821 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 349, оп. 1, ед. хр. 37). В этом списке — пропуск, начиная со строки «На берегах встают их фаросы — Волканы» до строки «Волнуйся, Океан, лазурными холмами!» (л. 18); такой же пропуск и в списке *ГПБ*. Имеются разночтения.

Поэма проникнута идеей историзма: автор понимает историю как поступательное движение.

1 *Фаросы* — маяки; слово произошло от названия Фароссского маяка, выстроенного на острове Фарос, близ Александрии, Птоломеем Филадельфом (285—246 гг. до н. э.).

2 *...с мелями Вангер-Ог...* — у острова Вангёроге в Северном море.

НА КОНЧИНУ Р . . . . . .
Сонет

Автограф под заглавием «На смерть Р-чь» и без посвящения — в *ГПБ.* В *СЛ* — первая публикация стихотворения. Вошло в издание стихотворений В. И. Туманского (СПб., 1881, с. 122—123).

[1] *На кончину Р . . . . .* — Имеется в виду Ризнич Амалия (1803—1825) — итальянка, жена триестского коммерсанта И. С. Ризнича, приехавшего весной 1823 г. в Одессу. Знакомая Пушкина и Туманского. Предмет увлечения Пушкина, посвятившего ей несколько стихотворений. В мае 1824 г. Ризнич вместе с мужем уехала на родину и умерла во Флоренции в 1825 г. Известие о ее смерти было получено в Одессе 26 июня (8 июля) 1825 г. (Пушкин и его современники. Л., 1927, вып. XXXI—XXXII, с. 94).

МАЛОРОССИЙСКИЕ ПЕСНИ

На лонгиновском экземпляре *СЛ* помечено, что «Малороссийские песни» «доставлены Д. П. Ознобишиным». В 1827 г. вышли «Малороссийские песни», собранные М. А. Максимовичем, состоящие из трех книг и прибавления. Песня «За Немень иду...» с незначительными разночтениями есть и в издании Максимовича (Малороссийские песни, изд. М. Максимовичем. М., 1827, кн. 2, с. 82—83).

[1] *Явор* — дерево, белый клен.
[2] *Жменя* — горсть, пригоршня.
[3] *...Змыю тобе головоньку.*— Это самая большая ласка (примеч. М. Максимовича.— *МВ*, 1827, ч. II, № 8, с. 420).

БАКЧИСАРАЙ
(*Отрывок из описательной поэмы «Таврида»*)

В *СЛ* — первая публикация стихотворения. Вошло в сборник стихотворений А. Н. Муравьева «Таврида» (М., 1827, с. 13—16).

ПРЕКРАСНЫЙ ЦВЕТ
(*Песнь заключенного рыцаря*)

Перевод стихотворения Гете «Das Blümlein wunderschön (Lied des gefangenen Grafon)», выполненный С. П. Шевыревым в традиции переводов из Гете В. А. Жуковского. По мнению В. М. Жирмунского, этот перевод «по теме и обработке несколько напоминает элегические баллады Жуковского» (*Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981, с. 141).

КЛИО

Дидактическое произведение В. И. Оболенского построено на широком использовании образов античной мифологии, интерес к которой был характерен для членов «Общества друзей» С. Е. Раича.

[1] *Клио* (греч. миф.) — одна из девяти муз, покровительница истории.

[2] *Зевес* (Зевс, греч. миф.) — верховный бог греков, царь и отец богов и людей, постоянно обитающий на Олимпе.

[3] *Егиох* (Эгиох, греч. миф.) — эгидодержавный (эгида — щит), один из эпитетов Зевса.

[4] *Аркадия* — центральная область Пелопоннеса, население которой в древности занималось земледелием и скотоводством; воспевалась как страна невинности, простоты нравов и мирного счастья.

[5] *...пас стада царя Адмета* (греч. миф.).— Аполлон некоторое время служил пастухом у царя города Фер Адмета.

[6] *Амвросия* (амброзия, греч.) — пища олимпийских богов, поддерживающая бессмертие и вечную юность.

[7] *...водами Кастальскими и Пермесскими...*— т. е. водами из Кастальского ключа и реки Пермес, обладающими по преданию свойством возбуждать поэтическое вдохновение.

[8] *Юпитер* (римск. миф.) — бог неба, царь и отец богов и людей. Соответствует греческому Зевсу.

[9] *Амфион* (греч. миф.) — сын Зевса и Антиопы; вместе со своим братом-близнецом Зетом, царствуя в Фивах, воздвигал стены вокруг города. В то время как Зет, богатырь и силач, подносил на руках огромные камни, Амфион, искусный музыкант, звуками своей кифары заставлял их двигаться и складываться в стены.

[10] *Пинд* (греч. миф.) — горный хребет в Греции; считался одним из мест, которыми владел Аполлон; приют поэзии.

ТРИ ЕДИНСТВА

[1] *Халдеи* — семитские скотоводческие племена, расселявшиеся в 1-й половине I тыс. до н. э. на окраинах Вавилонии (на сев.-зап. Персидского залива). В Древней Греции и Древнем Риме халдеями называли жрецов и гадателей вавилонского происхождения.

СЛЕЗЫ

Стихотворение Ф. И. Тютчева. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация. Вторично напечатано в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (ч. XVI, 1834, № 102, 22 декабря, с. 810). Вошло с разночтениями в «Современник» (т. XLV, 1854, с. 122—123; изд. 1868 г., с. 98).

Эпиграф — из латинского стихотворения «Alcaic fragment» («Фрагмент из Алкея») английского поэта Томаса Грея (1716—1771).

[1] *Пафосская царица* — Афродита; посвященный ей храм находился в городе Пафосе.

НЕЕРА

Стихотворение Д. П. Ознобишина — перевод двух стихотворений А. Шенье (1762—1794) — шестистишия («Accours, juene Chromis, je t'aime et je suis belle flots...») и четверостишия («Néere, ne va point te con-

fier aus...»). Первый издатель А. Шенье Латуш принял их за одно стихотворение. Его ошибку повторяли и другие издатели, а следовательно и русские переводчики — Д. П. Ознобишин, И. И. Козлов, А. К. Толстой (см.: Французские стихи в переводе русских поэтов XIX—XX вв. 2-е изд. М., 1973, с. 170—171, 597). В книге не учтен этот, более ранний по времени перевод, принадлежащий Д. П. Ознобишину.

Датированный автограф (*ПД*, ф. 213, № 24, л. 66). В *СЛ* — первая публикация.

Пушкину перевод, видимо, не понравился, вследствие чего в своей статье о *СЛ* он заметил, что «г-ну Ознобишину не следовало переводить Андрея Шенье».

1 *Неера* (греч. миф.) — юная возлюбленная. Имя Нееры и ее образ восходят к поэтике римской любовной лирики (Тибулл, Гораций) и греческой этимологии «юная».

2 *Шенье* Андре Мари (1762—1794) — французский поэт и публицист.

3 *Хромид* — Условное поэтическое имя.

4 *Дориса* — в автографе — Дорина; возможно, восходит к имени Дорида (греч. миф.), дочь Океана, супруга морского бога Нерея. У Шенье — Galatée (Галатея, греч. миф.), нереида, морская нимфа, олицетворение спокойного и блестящего моря.

В ПЕРСИЮ!

Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация. Вошло в сборник «Таврида» (М., 1827, с. 133—134). Возможно, именно это стихотворение А. Н. Муравьева вызвало своеобразный ответ Пушкина «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...») (см.: *Белкин Д. И.* Пушкинские строки о Персии.— В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979, с. 194—195).

Поводом к сочинению стихотворения были события 1826—1827 гг., когда иранские войска без объявления войны нарушили заключенный ранее мир и вторглись в русские пределы. К исходу 1827 г. русские войска одержали решительные победы, и 10 февраля 1828 г.

был заключен Туркманчайский мирный договор, по которому к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства.

[1] *Аракс* — река в Закавказье, по которой проходила граница между Россией и Персией.

[2] *...ковчега страж безмолвный...* — По библейской легенде, «Ноев ковчег» после «всемирного потопа» пристал к берегу у горы Арарат, откуда и расселились по Земле новые поколения людей.

ВЕСНА
(*Подражание Сойюти*)

Стихотворение-перевод Д. П. Ознобишина. Датированный автограф (*ПД*, ф. 213, № 24, л. 63—63 об.). Подзаголовок «Из Арабской антологии». В *СЛ* — первая публикация.

[1] *Сойюти* (ас-Суйюти; ас-Суюты Джалялюддин Абдуррахман, Египет, 1445—1509).— Филолог, историк, писатель-полигистор. Автор антологии «Анис алджалис» («Друг собеседников»), переведенной затем на фарси — «Джāми-и гулзāр» («Собрание цветников») (см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Biобиблиографический обзор. М., 1972, т. 2, с. 1175; Литературные имена арабских и персидских авторов. М., 1973, ч. 1, с. 236).

К ФАННИ

Стихотворение Д. П. Ознобишина. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация.

ФРАНЧЕСКА РИМИНИ
(*Отрывок из Данта*)

Автограф-черновик (*ЦГАЛИ*, ф. 349, оп. 1, № 38, л. 27 об.— 29) датируется не ранее 1818 г. Имеются разночтения. В *СЛ* — первая публикация. Первый перевод Авр. С. Норова из «Божественной комедии» Данте

(из третьей песни «Ада») появился в печати в 1823 г. (Сын Отечества, 1823, ч. 87, № XXIX, с. 183—188).

А. С. Пушкин заметил в своей статье о *СЛ*, что «г-ну Абраму Норову не должно было переводить Dante...» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. XI, с. 48).

[1] *...о Поэт, о вождь мой...* — В «Божественной комедии» Данте сопровождает римский поэт Вергилий.

[2] *Дидона* — карфагенская царица. Рассказ о ее любви к троянскому герою Энею содержится в IV книге поэмы Вергилия «Энеида». Оставленная Энеем, она покончила с собой.

[3] *Эридан* (греч. миф.) — река в Европе; впоследствии отождествлялась с рекой По, на севере Италии.

[4] *«Любовь Ланцелота и Жиневры»* — один из сюжетов цикла французских рыцарских повестей XII—XIII вв. (романы Круглого Стола), бывших любимым чтением Данте. Жиневра (Джиневра) — жена короля Артура, в которую тайно влюблен Ланцелот.

ВИФЛЕЕМСКИЕ ПАСТЫРИ

Священная идиллия

Стихотворение С. Е. Раича. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация.

[1] *Вифлеемские пастыри* — Вифлеем — город в Палестине; согласно Библии, родина царя Давида и место рождения Иисуса Христа. Пастырь — пастух; священник, руководитель паствы.

[2] *Эдемский* — райский.

[3] *Саваоф* — имя бога в Библии; по-еврейски: бог сил.

[4] *Ливанское древо* — кедр. В Библии это дерево символ величия, долголетия и прочности.

[5] *Тогда изыдет жезл из корене Ессея...* — имеется в виду приход мессии — Иисуса Христа. Ессей (Иессей) — внук Вооза, отец Давида, полулегендарного библейского царя.

[6] *Аданаи* (Адонаи) — т. е. господь (см. сопроводительную статью).

[7] *Егова* — в Библии одно из имен бога.

[8] *...предречен пророками...*— Предвозвещение пророками «мессии» — божественного избавителя, праведного, непобедимого и вечного царя из дома Давидова — один из мотивов Библии (Ветхого Завета), возникший задолго до того, когда, по Евангелию, родился и жил Иисус Христос.

ИДЕАЛ
(*Восточная повесть*)

Автор Д. П. Ознобишин. Писарская копия (*ПД*, ф. 213, № 46, л. 13—18об). Примечания рукою Д. П. Ознобишина (л. 19—21). В *СЛ* — первая публикация. См. примеч. к повести «Посещение».

Из примечаний Д. П. Ознобишина, составленных им на основании трудов западноевропейских ориенталистов:

«*Князь поэтов.* Неизвестно когда и кем установлено сие почетное титло; но что оно было соединено с великими почестями и богатством, это находим мы в книге Руссо: The Flowers of Persian Literature, где он говорит о хакане или владельце Туркестана, лежащего за рекою Джигоном (т. е. Джейхуном — Аму-Дарья.— *Т. Г.*), Кедер хане, следующее: хакан установил в своем дворце и поддерживал щедрыми наградами литературную академию, состоящую из ста мужей, славнейших в целом Востоке...

Абдальмалик или Абдольмелек, сын Мервана, пятый халиф из поколения *оммиадов*, начал царствовать в 65 году геджры (684 Р. X.), а кончил в 86. Ему дано было проименование *Раш аль Геджарат*, т. е.: пот камня, по причине его необыкновенной скупости и *Абульзебаб* потому что его дыхание было столь зловредно, что мухи, сидящие на его губах умирали. В могуществе превзошел он всех халифов своих предшественников: в его царствование покорены были Индия на Востоке, а его войска проникли даже в Испанию на Западе...

Весьма пышное описание паланкина или носилок находим в „Тысяче и одной ночи“...».

[1] *Амру сын Ребия...*— Возможно, имеется в виду Омар ибн Абу Рабиа (644—712), мастер любовной лирики. Стихи его (почти исключительно газели) отличаются изяществом слога, выразительностью и простотой. Создал в своих газелях обобщенный образ арабской женщины своего времени (см.: *Фильштинский И. М.* Арабская классическая литература. М., 1965, с. 103—106; Арабская любовная лирика. М., 1974, с. 8—9, 113).

[2] *Геджас* (Хиджас) — провинция в Саудовской Аравии, входила в состав Халифата.

[3] *Иемен* — территория юго-западной и южной части Аравийского полуострова; в 629—630 гг. была включена в состав Халифата.

[4] *Оммиады* (Омейяды) — династия арабских халифов в Дамасском — Омейядском эмирате (756—929) и халифате (929—1031).

БЫЛЬ

Рассказ В. П. Титова.

[1] *Мин* (мина) — заимствованное греками у Востока обозначение определенного веса и никогда не чеканившейся отдельною монетою денежной единицы, которая составляла шестидесятую часть таланта и содержала 100 драхм. Как весовое значение, так и денежная стоимость мина была неодинакова.

[2] *Овол* (обол, греч.) — единица веса (массы) и медная, серебряная, бронзовая монета в Древней Греции.

[3] *Парос* — остров в Эгейском море, место добычи мрамора.

[4] *Фидиас* (Фидий, нач. V в. до н. э.— ок. 432—431 г. до н. э.) — древнегреческий скульптор эпохи высокой классики. Ему принадлежит статуя Афины Промахос (Воительницы) на Акрополе (бронза, ок. 460 г. до н. э.) и Афины Парфенос (Девы) в храме Парфенос (золото, слоновая кость), обе не сохранились. Фидий, основатель аттической школы ваяния, имел многих учеников.

[5] *...Паллада, заступница афинян.*— Афина Паллада (греч. миф.), богиня неба, повелительница туч и молнии, богиня плодородия, покровительница мирного труда. Афина сражается вместе с богами против гигантов; с побежденного гиганта Палланта она сняла кожу и обтянула ею свой щит. Впоследствии культ божества Палланта слился с культом Афины, отсюда прозвище Афины — Паллада.

[6] *...сын Хармида...*— Фидий был сыном афинянина Хармида, сына Главкона; Хармид происходил из аристократической фамилии и через сестру Периктиону был дядей Платона. Его дядей и опекуном был известный олигарх Критий. Вместе с Платоном Хармид принадлежал к кружку Сократа. В союзе с Критием стоял во главе олигархического переворота 404 г. до н. э.; в 405 г. пал вместе с Критием в сражении при Кефиссе.

[7] *Квиетист (лат.)* — безмятежный, спокойный; здесь — человек, пассивно относящийся к окружающему миру и к установленному порядку, без стремления что-либо изменить.

АМЕЛА

Стихотворение С. Е. Раича. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация (см. сопроводительную статью).

ДРЕМЛЮЩАЯ ДРИЯДА

Стихотворение Д. П. Ознобишина. Датированный автограф (*ПД*, ф. 213, № 24, л. 57об.). В *СЛ* — первая публикация.

[1] *Дрияда* (Дриада, греч. миф.) — лесная нимфа, покровительница деревьев. Изображается в виде юной прекрасной девушки.

[2] *Фавн* (римск. миф.) — бог лесов и полей. Подобно Пану, он дразнит и пугает путников в лесах и проникает в жилище, чтобы тревожить сон людей.

ЕРМАК

Стихотворение А. Н. Муравьева. Вошло в его сборник «Таврида» (М., 1827, с. 103—109). Положительно оценено в рецензиях на *СЛ* П. А. Вяземского и Н. М. Рожалина (МТ, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 242; *МВ*, 1827, ч. 2, № 5, с. 86).

А. Н. Муравьев вспоминал, как читал своего «Ермака» маститому поэту И. И. Дмитриеву: «Раич представил меня сему ветерану наших поэтов... он снисходительно уделял нам целые вечера в своем уединенном доме, у Спиридония, близ Малой Никитской... Услышав однажды от Раича, что я написал небольшое стихотворение „Ермак", как бы в подражание его вдохновенной песни о завоевателе Сибири, он непременно потребовал, чтобы я прочел ему мои стихи и, в награду за это, прочел мне собственного „Ермака"» (*Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 7). До Муравьева на эту тему написаны стихотворения: И. И. Дмитриева «Ермак» (1794) и дума К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака» (1821), ставшая популярной песней, а также трагедия А. С. Хомякова «Ермак» (1826).

Е. А. Баратынский в рецензии на сборник А. Муравьева «Таврида» цитировал стихотворение «Ермак» в качестве «одного из хороших» в разбираемой им книге, и далее писал: «*Другого племя Остяки, и нашей смерти чужд он был, Иртышу показался грузным.* Прекрасно! Но сколько недостатков в этом отрывке! *Я не открою*, нужно я не знаю; *они друг друга убивали*, т. е. воины Ермака друг друга убивали, по смыслу стихов: это ли хотел сказать Сочинитель? *Снега с полей уж не смывали войны багрового пятна*, слишком изысканно для Остяка. *Забыв о мстительных врагах: мстительных* ненужный эпитет. *Они ж стрелами разбудили...* кого? Все четверостишие дурно. *В Иртыш, добычи мрачной грезы...* Почему знает Остяк, что Ермаку в это время что-нибудь грезилось? Лучше было сказать: *полусонный*. Надобно заметить, что я разбираю хорошее у г-на Муравьева...» (*МТ*, ч. XIII, 1827, № 4, февраль, отд. II. Критика, с. 327—328).

[1] *Остяки* — принятое в XIX в. название хантов и некоторых других небольших народностей Севера.

ИДЕАЛЫ

(*Подражание Шиллеру*)

Перевод В. П. Андросова стихотворения Ф. Шиллера «Die Ideale» («Идеалы») органично вписывается в альманах: воспевание дружбы и преданности поэтическому труду отвечали общему творческому настрою его участников

Известен вольный перевод этого стихотворения В. А. Жуковского под названием «Мечты» («Вестник Европы», 1813, № 14). Р. Ю. Данилевский, говоря об «образчиках... вторичного шиллерианства» (т. е. восприятия Шиллера через призму подражаний Жуковского) в русской поэзии 20—30-х годов, относит к ним также переводы и подражания, помещенные в *СЛ* (см.: *Данилевский Р. Ю.* Шиллер в русской лирике 1820—1830-х годов.— Русская литература, 1976, № 4, с. 142). С этим едва ли можно согласиться, рассмотрев опубликованные в альманахе произведения Ф. И. Тютчева, С. П. Шевырева и В. П. Андросова.

[1] *...Художник камень оживил...*— легендарный скульптор Пигмалион влюбился в статую изваянной им Галатеи, которая по его мольбе к богам была оживлена.

ПИСЬМО О РУССКИХ РОМАНАХ

М. П. Погодин предлагает темы для русского романа из отечественной истории, что сближается с одним из важных аспектов эстетики декабристов, отстаивавших самобытность русской национальной культуры. Традиция использования тем из русской истории в искусстве восходит к Ломоносову («Идеи для живописных картин из российской истории».— *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6, с. 367—372) и Карамзину («О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом ху-

дожеств».— *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1964, т. 2, с. 188—198).

Рецензенты П. А. Вяземский и Н. М. Рожалин в целом нашли статью интересной, хотя и не согласились с отдельными ее положениями (*МТ*, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 245—246; *МВ*, 1827, ч. 2, № 5, с. 87). См. также сопроводительную статью.

1 *...о вновь вышедшем романе его «Вудстоке».*— Роман английского писателя Вальтера Скотта (1777—1832), создателя жанра исторического романа, «Вудсток» вышел в 1826 г., русский перевод 1829 г.

2 *...читал или Маннеринга, или Аббата, или Антиквария.*— Здесь упоминаются романы В. Скотта: «Гай Мэннеринг» (1815, рус. пер. 1824), «Аббат» (1820, рус. пер. 1825) и «Антикварий» (1816, рус. пер. 1825—1826).

3 *Шимборазо* (Чимборасо) — потухший вулкан, одна из вершин южноамериканских Кордильеров.

4 *...для России не родился еще Гершель...*— Гершель, Уильям (1738—1822), английский астроном и оптик, в 1786—1789 гг. построил свой крупнейший 40-футовый рефлектор (12 м) с диаметром зеркала 122 см, эффективно применив в нем однозеркальную схему. М. П. Погодин, по-видимому, не знал, что задолго до У. Гершеля М. В. Ломоносов сконструировал аналогичный отражательный (зеркальный) телескоп (описан в 1762 г.) без дополнительного зеркала.

5 *Радимичи* — одно из восточнославянских племен, расселявшееся между верховьями Днепра и Десны. Около 885 г. присоединены князем Олегом к Киевскому государству. В последний раз упоминаются в летописи под 1169 г.

6 *Козары* (хазары) — тюркоязычное племя, появившееся в Восточной Европе после нашествия гуннов (IV в.) и кочевавшее по Прикаспийской степи.

7 *Аскольд и Дир по дороге овладезают Киевом...*— Рассказ о том, как Аскольд и Дир, бояре, состоявшие при Рюрике, отправились в Царьград (Константинополь) и по пути осели в Киеве,— содержится

в начальной русской летописи («Повести временных лет») под 862 годом.

8 *...Владимир ниспровергает в Днепр кумир Перунов пред киевлянами и велит им креститься.*— События эти, сопутствовавшие крещению Руси, имели место в 988 г. Перун — в древнерусской языческой религии бог грома и молнии.

9 *...сами идут на Почайну.*— Почайна, правый приток Днепра. Впадал в него в районе теперешней Почтовой площади. На этой речке «по повелению Великого Князя Владимира I, весь киевский народ, всякого звания и возраста, крещен был вдруг. Передние вошли в воду до шеи, другие до грудей, иные по колено, а малых детей держали на руках; священники ж, стоя на берегу, читали молитвы и давали имена по кучам, мужчинам и женщинам, т. е. нескольким человекам одно имя» (Словарь географический Российского государства... Собр. А. Щекатовым. М.; П., 1805, ч. IV, отд. I, с. 1273—1274).

10 *Водворение норманнов в земле новгородской...*— Согласно «норманнской» теории, в 862 г. новгородцы призвали к себе на княжение трех братьев, «варягов» — Рюрика, Синеуса и Трувора. Теория эта, принятая на веру одними, решительно оспаривалась другими историками.

11 *...бунт Вадима...*— восстание новгородцев во главе с легендарным князем-славянином Вадимом Храбрым против первого новгородского князя «варяга» Рюрика, о чем сообщается в Никоновской летописи под 864 г.

12 *...поход Аскольда и Дира под Константинополь...*— см. примеч. 7.

13 *...принятие устрашенными варягами христианской веры...*— Об этом «Повесть временных лет» рассказывает под 866 г.

14 *...чудесные походы Олеговы...*— О походах Олега, князя новгородского и киевского, на Смоленск, Любеч, Киев и на Царьград рассказано в «Повести временных лет» под 882—907 гг.

15 *...брак Ольги...*— О том, как Ольга, вдова Игоря, отказалась выйти замуж за императора Константина,

специально для того крестившего ее, рассказано в «Повести временных лет» под 955 г.

16 *...отмщение древлянам за смерть Игореву...*— О том, как Ольга мстила древлянам за смерть мужа, рассказано в «Повести временных лет» под 945 г.

17 *...путешествие ее в Царьград, торжественное принятие императором, крещение...*— Путешествие Ольги в Царьград, где византийский император Константин добивался ее в жены и крестил ее, согласно «Повести временных лет», имело место в 955 г.

18 *...походы браинопосного Святослава на турецкие народы...*— О военных походах Святослава рассказано в «Повести временных лет» под 964—972 гг.

19 *...нападение печенегов...*— Нападение на Святослава печенежского князя Кури и убийство Святослава «Повесть временных лет» относит к 972 г.

20 *...междуусобные войны сыновей его...*— Вражда между сыновьями Святослава — Ярополком и Олегом, и убийство Олега Ярополком имели место в 977 г.

21 *...гибель Полоцка, невеста Ярополкова Рогнеда за Владимиром, убийцею ее родителя и жениха...*— Дочь полоцкого князя Рогвольда, Рогнеда, собиравшаяся замуж за Ярополка, была насильно взята в жены новгородским князем Владимиром, который в 980 г. напал на Полоцк, убил Рогвольда, а потом в Киеве убил и Ярополка.

22 *...проповедники христианской веры в Киеве, посланники по странам европейским для наблюдения религий...*— Об этих событиях «Повесть временных лет» рассказывает под 987 г.

23 *...поход под Корсунь...*— Поход Владимира с войском на греческий город Корсунь в 988 г.

24 *...крещение...*— После взятия Корсуни Владимир попросил руки сестры императоров Василия и Константина, но получил согласие на брак при условии, что он крестится, следствием чего и было крещение 988 г.

25 *...двор Ярославов — убежище несчастных государей...*— При дворе Ярослава Мудрого скрывались сыновья англосаксонского короля Эдмунда Железнобокого, убитого при завоевании Англии датча-

нином Кнутом. До своего избрания на норвежский престол на Руси находился Молнус Добрый; существует предположение, что на Руси нашли убежище и будущий венгерский король Андрей I, и польский князь Оттон, изгнанный своим братом, польским королем Мешко II (см.: *Пашуто В. Г.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 28, 38, 52).

26 *...связь сего князя с европейскими государствами, браки дочерей его...*— Во время правления Ярослава укрепляются политические связи Руси с Польшей, Венгрией, Скандинавией, Францией и Византией. Для укрепления этих связей Ярослав использовал династические браки. Сын Ярослава Всеволод был женат на греческой царевне из дома Константина Мономаха; сын Изяслав — на сестре польского короля Казимира. Сам Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа Ирине-Ингигерде. Дочери Ярослава вышли замуж за европейских государей: Елизавета за норвежского короля Гаральда III, Анна за французского короля Генриха I, Анастасия стала женой венгерского короля Андрея I.

27 *Свенельд* — воевода киевского князя Игоря Рюриковича, норманн (варяг) по происхождению. Участвовал в походах Святослава Игоревича, был ближайшим советником Ярополка Святославича. О нем не раз упоминается в «Повести временных лет» (см.: *Артамонов М. И.* Воевода Свенельд.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966).

28 *Крестовые походы* — захватнические войны западных феодалов на Востоке, продолжавшиеся с конца XI до конца XIII в.

29 *...шумные вечи в Новгороде...*— По политическому устройству Новгород был феодальной республикой. Торговые и политические вопросы решались на общем собрании — вече, где наблюдалась борьба «партий».

30 *...против врагов святой Софии...*— Собор св. Софии в Новгороде (1045—1050) был главным общественным зданием города, где происходили все основные церемонии: вокняжение, приемы послов, объявле-

ния о войне и мире. Новгород назывался домом святой Софии, с именем которой новгородцы шли в бой. Ср. поговорку «Где святая София, там и Новгород».

31 *...походы вольницы новгородской на Пермь и Вятку...*— В XII—XV вв. происходило расширение территории новгородской феодальной республики в восточном и северо-восточном направлениях.

32 *Ганза* — торговый союз северонемецких городов в XIV—XVI вв. Одну из своих контор Ганза имела в Новгороде.

33 *...первое упражнение нашего ума политического в происках при Золотой Орде...*— Автор, возможно, имеет в виду смелый поступок московского дипломата XIV в. Захария Тютчева, незадолго до Куликовской битвы посланного Дмитрием Донским в Золотую Орду, основанную Батыем на Волге. Орда собирала дань с русских земель, назначала князей и т. п. В переговорах с Мамаем, требовавшим увеличения дани, Тютчев отстаивал достоинство московского князя; на обратном пути Захарий разорвал унизительную для Дмитрия ханскую грамоту, а клочки ее отослал в Орду (см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818, т. V, с. 422—423).

34 *...семейство Михаила Тверского...*— Тверской князь Михаил Ярославич (1271—1313) и его сыновья Дмитрий и Александр в соперничестве с Москвой удерживали за собой достоинство великих князей «всея Руси», но все трое мученически погибли в Орде.

35 *...о сыне Андрея Боголюбского Георгие...*— Георгий (Юрий) Андреевич, младший сын Андрея Боголюбского, князь новгородский, с 1185 г. был первым мужем грузинской царицы Тамары.

36 *...Вальтер Скотт вывел Елизавету (в «Кенильворте»), Марию Стуарт (в «Аббате»), Кромвеля (в «Вудстоке»), Иакова (в «Ниджеле»), Каролину (в «Эдинбургской темнице»).*— Английская королева Елизавета (1533—1603) выведена Вальтером Скоттом в романе «Кенильворт» (1821, рус. пер. 1823); казнен-

ная ею шотландская королева Мария Стюарт (1542—1587) — в романе «Аббат»; вождь английской буржуазной революции XVII в. О. Кромвель (1599—1658) — в романе «Вудсток»; английский король Яков I (1566—1625) — в романе «Приключения Найджела» (1822, рус. пер. 1829); Каролина — в романе «Эдинбургская темница» (1818, рус. пер. 1825).

37 *...принятие удельных князей ко двору великого князя...*— При Иване III Васильевиче (1440—1492), с 1462 г.— великом князе московском, завершилось образование Русского централизованного государства, окончательно было свергнуто монголо-татарское иго и началось оформление полного титула великого князя «всея Руси».

38 *...политическая связь с славным крымским Менгли-Гиреем...*— Крымский хан Менгли-Гирей выступил союзником Москвы против польского короля Казимира в 1480 г. Союзнические отношения его с Иваном III способствовали окончательному избавлению Руси от монголо-татарского ига.

39 *...покорение республиканского Новгорода.*— В 1478 г. Иван III подчинил Новгород и присоединил его к Москве.

40 *...покорение Казани, Астрахани...*— После походов 1547—1552 гг. при Иване IV к России было присоединено Казанское ханство, в 1556 г.— Астраханское.

41 *...связь с Англиею...*— Начало регулярным дипломатическим отношениям Англии с Россией положила английская морская экспедиция 1553 г. В 1555 г. в Англию был направлен первый русский посол Осип Непея. Иван IV, искавший союза с европейскими государствами, в 1582 г. послал в Англию Федора Писемского для переговоров с королевой Елизаветой. В следующем году в Москву приехал английский посол Джером Баус.

42 *...присоединение малороссийских казаков к России...*— В середине XVII в. украинские казаки во главе с Богданом Хмельницким приняли активное участие в борьбе за воссоединение Украины с Россией, которое и произошло в 1654 г.

[43] *...заговоры Софии...* — Софья Алексеевна (1657—1704), дочь царя Алексея Михайловича и его первой жены Марии Ильиничны Милославской, правительница России (1682—1689). Воспользовавшись московским восстанием 1682 г., партия Милославских захватила власть. Первым царем был провозглашен Иван V Алексеевич, а Софья Алексеевна стала регентшей при обоих царях, Иване и Петре. Во время стрелецкого восстания сторонники Софьи намеревались «выкликнуть» ее на царство. После подавления восстания она была пострижена под именем Сусанны в монахини Новодевичьего монастыря, где и умерла.

[44] *Пуритане шотландские* — протестанты-кальвинисты, недовольные половинчатой реформацией, проведенной в Англии в XVI—XVII вв. в форме англиканства.

[45] *Протори* — издержки, расходы.

[46] *...как г. Ольдбук говаривал о вновь найденной медали...* — Ольдбук (Ольдбок) — старый антикварий, любитель шотландской старины — персонаж из романа В. Скотта «Антикварий» (1816, рус. пер. 1825—1826).

[47] *...неужели вы думаете, что тот, кто может обжигать кирпичи, может и выстроить римскую церковь Св. Петра?* — М. П. Погодин указывает таким образом на свою специализацию в качестве историка, а не писателя-беллетриста, которому он может только поставлять материал, сюжеты; церковь Св. Петра — великолепный храм в Риме, огромных размеров, строившийся с 1452 по 1605 г.

ТРИ ИСТИНЫ

Рассказ А. Ф. Томашевского. По стилевой манере сближается с рассказом В. П. Андросова «Не сбылось».

М. А. Бестужев-Рюмин, писавший под псевдонимом «Аристарх Заветный», не понял иронии рассказа: «из сих трех истин самая важная и полезная для любителя ночного чтения в постеле, есть та, чтоб они рачительно гасили свечу, когда почувствуют приближение сна» (Северная звезда. СПб., 1829, с. 269—270).

[1] *Ислам Гирей* (1604—1654) — крымский хан, изменническая политика которого в отношениях с Богданом Хмельницким ставила украинское национально-освободительное движение в затруднительное положение.
[2] *Дульцинея* — предмет рыцарского обожания в болезненном сознании Дон-Кихота («Дон-Кихот» М. Сервантеса), босоногая крестьянка, принимаемая им за прекрасную даму.
[3] *Морфей* (греч. миф.) — бог сна и сновидений.

М. А. Д-ВУ

По свидетельству Д. П. Ознобишина, стихотворение посвящено поэту М. А. Дмитриеву. Писарская копия 1832 г.— в рукописном сборнике «Цветы русской поэзии» (ч. 2) (*ГБЛ*, ф. 138, Костр. собр., № 272, л. 123об.— 124). Напечатано также в альманахах «Эвтерпа» (М., 1828) и «Эрато» (М., 1829).

ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ ФЛОРЕНТИНЦЕВ

Отрывок из Данта

Перевод эпизода из XV песни «Рая» «Божественной комедии» Данте Алигьери. Автограф-черновик Авр. С. Норова с посвящением Н. Ф. Нарышкиной (*ЦГАЛИ*, ф. 349, оп. 1, № 38, л. 27—27 об.).

[1] *прапрадед Дантов* — Каччагвида, живший в XII в.
[2] *...в ограде древней...*— внутри старой городской стены, построенной, по преданию, во времена Карла Великого. В XII в. Флоренция была окружена второй стеной, во времена Данте — третьей.
[3] *...Всем колокол один часы распределял...*— колокол церкви «Бадия» в старом городе, который точнее других отбивал время.
[4] *Сарданапал* — царь Древней Ассирии; был известен роскошным образом жизни.
[5] *...И зрелища на Рим с вершины Монтемала;//Не пристыжал еще с Учелатои вид...*— Смысл этих стихов: Флоренция еще не превосходила Рима роскошью

зданий, но настанет время, когда ее падение будет еще большим, чем падение Рима.

6 *Вельможа Берти* — Беллинчоне Берти деи Равиньяни, знатный и влиятельный флорентиец XII в., отец Гвальрады, жены графа Гвидо Старого (ум. в 1213 г.), которая вошла в предание как образец добродетели и чистоты нравов.

7 *Векия* (Веккьетти) и *Нерли* — знатные флорентийские роды. Здесь имеются в виду их старейшины.

СМЕРТЬ СВЕНОНА, ДАТСКОГО ЦАРЕВИЧА

Из «Освобожденного Иерусалима»

Перевод эпизода из VIII песни поэмы Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим». Автограф неизвестен.

Хотя первый отрывок из перевода Раича в сопровождении его статьи «О переводе эпических поэм Южной Европы и в особенности италианских» был опубликован только в 1823 г. («Труды общества любителей российской словесности» при Московском университете, ч. 3, с. 211—221),— начало его работы над переводом поэмы может быть отнесено к более раннему времени: 1821—1822 гг. Отрывок из VII песни «Освобожденного Иерусалима» («Эрминия») в переводе Раича уже 7 августа 1822 г. читался на заседании Вольного общества любителей российской словесности (см. Приложение к кн.: *Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, с. 379). Заслуживают внимания и свидетельства самого поэта: в конце последнего, четвертого тома напечатано имеющее точную дату (25 августа 1828 г.) стихотворение Раича, в котором он прощается со своим многолетним трудом:

Ерусалим! Ерусалим!
Тобою очарован,
Семь лет к твоим стенам святым
Я мыслью был прикован...

В «Автобиографии» поэт отмечает: «После перевода Виргилиевых «Георгик» приступил я ... к переводу

Тассова «Освобожденного Иерусалима» («Русский библиофил», 1913, № 8, с. 28).

Отрывки из поэмы появились также в «Полярной звезде на 1825 год», в «Урании» (1826), «Литературном музеуме на 1827 год», в «Альбоме северных муз» (1828).

В своей рецензии на *СЛ* Н. М. Рожалин среди «прекрасных пиес словесности иностранной» первой назвал «*Смерть Свенона* г. Раича из Тасса» (*МВ*, 1827, ч. 2, № 5, с. 86). Одобрительно отозвался о переведенном Раичем отрывке и П. А. Вяземский: «должно признаться, что стихи переводчика часто живы и сочны, почти всегда звучны и вообще хороши. В отрывке *Смерть Свенона* язык вернее, строже и зрелее, чем в прежних: в нем гораздо менее и почти вовсе не находится прежде встречавшихся заимообразных оборотов Жуковского, которые могут быть хороши у него потому, что они его коренные, но становятся погрешными, когда они пересажены на чужую почву». Вяземский далее высказывал пожелание: «По любви г-на Раича к италиянской литературе и по сведениям его, должно желать, чтобы он короче познакомил нас с нею, предлагая нам в прозаических переводах и в критическом рассмотрении лучших писателей италиянских, стихотворцев и прозаистов». Вяземский выступает здесь против переводов в стихах, которые, по его мнению, «льстят более суетности переводчиков, но могущество стихотворства так сильно, что забывая о подлиннике, мы судим перевод как оригинальное творение... На переводчике в стихах лежат две неволи, а и с одною справиться тяжело» (*МТ*, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 242—243).

Раич придерживался иного взгляда: «Я той веры, что если мы достигнем до той благородной простоты, которая владычествует в творениях италианцев и... немцев,— то мы, русские, будем самые роскошные гости на пиру у муз — но для этого нам надобно много писать и еще более переводить — и именно переводить те творения, в которых преимущественно владычествует простота благородная — и переводить как переводили италианцы — с благоразумною свободою». Раич

считал, что переводы стихотворные доставят «неисчерпаемый запас новых пиитических выражений, оборотов, слов, картин...» (см.: письмо к Д. П. Ознобишину от 20 ноября 1825 г.— *Васильев М.* Из переписки литераторов 20—30-х годов XIX в.— Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1929, т. 34, вып. 3—4, с. 175).

В 1828 г. вышли два полных перевода «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо — А. Ф. Мерзлякова и С. Е. Раича, сделанные с итальянского оригинала. До того произведение Тассо переводили: М. Н. Попов (первый полный перевод с французского языка, 1772), А. С. Шишков (1819); прозаический перевод С. Москотильникова (М., 1820) сделан с французского перевода Ла-Брюна. Отрывки из поэмы переводили К. Н. Батюшков, И. И. Козлов, С. П. Шевырев. Позднее появился полный перевод Д. Мина.

В поэме Тассо рассказывается об осаде Иерусалима войсками крестоносцев под предводительством Готфрида Бульонского.

1 *Свенон* — побочный сын датского короля, предводительствовал войском крестоносцев-датчан, был побежден и убит турками у Филомелиума. Описанное здесь событие произошло, однако, двумя годами раньше, когда крестоносцы осаждали Антиохию. Антиохия — древний город в Сирии; завоеван крестоносцами в 1098 г.

2 *...вождю Христовой рати...*— Имеется в виду Готфрид IV Бульонский (Годфруа Буйонский, ок. 1060—1100), герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей первого крестового похода (1096—1099), первый правитель Иерусалимского королевства; принял титул «защитника гроба господня».

3 *Ринальд* (Ринальдо) — изображенный в поэме рыцарь из стана крестоносцев (легендарный предок современных Тассо феррарских герцогов д'Эсте), пленник волшебницы Армиды.

4 *...фракийски грады...*— города Фракии, исторической области между Эгейским, Черным и Мраморным морями, в восточной части Балканского полуострова.

[5] *Фарсис* — историческая область на юге Ирана. В древности известна как Персида.

[6] *Матильдин внук* — Матильда Святая — жена немецкого короля Генриха I, мать императора Оттона I (912—973), основала монастырь в Кведлинбурге, впоследствии канонизирована.

[7] *Ставки* — *здесь*: шатры, палатки в военном лагере.

[8] *Власяница* — монашеская одежда в форме мешка из грубой ткани темного цвета.

[9] *...Скудельного сосуда...* — т. е. человека, как существа слабого и бессильного («Скудельный» — в первонач. значении — глиняный).

[10] *Солиман* — Килидж-Арслан, или Солиман Младший, один из сельджукских султанов.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Статья Д. В. Веневитинова. См. о ней сопроводительную статью. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация. Предположительно датируется 1825 г. Прочитано автором по рукописи в своем литературно-философском кружке (*Пятковский А. П.* Биографический очерк.— *Веневитинов Д. В.* Полн. собр. соч. СПб., 1862, с. 15). В библиографии журнала «Московский вестник» — подзаголовок «Три истины» (см. также примеч. в кн.: *Веневитинов Д. В.* Стихотворения. Проза. М., 1980, с. 501—502).

[1] *...он будет вечно сиять на голове нашей матери.*— Судя по тому, что с автором говорят музы, греческие богини наук и искусств, мать их — Мнемозина (греч. миф.), богиня-покровительница наук и искусств.

НЕ СБЫЛОСЬ

Рассказ В. П. Андросова.

[1] *...зеркало души моей.*— Имеется в виду поговорка «Лицо — зеркало души».

[2] *Бюффон* Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель.

[3] *...Крыловской басни «Разборчивая невеста»...*— В басне И. А. Крылова «Разборчивая невеста» (1805) девушка, привередливая в своих требованиях к жениху, в конечном итоге рада была и тому, что «вышла за калеку».

[4] *Колберт* (Кольбер) Жан Батист (1619—1683) — генеральный контролер финансов при Людовике XIV. Провел ряд либеральных мер для развития французской экономики.

ВЫКУП ХОЛОСТОГО

Стихотворение С. Е. Раича (см. сопроводительную статью). Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация. Написано, по-видимому, во время пребывания поэта на Украине в 1825—1826 гг. Напечатано еще под инициалами «Н. Н.» в альманахе «Весенние цветы» (М., 1835).

РОЗАЛИИ

Стихотворение М. А. Максимовича. В *СЛ* — первая публикация.

М. А. Максимович с юных лет сочетал любовь к природе и занятия ботаникой с увлечением изящной словесностью. Широкое использование цветочной символики характерно также для С. Е. Раича и Д. П. Ознобишина.

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

Стихотворение Ф. И. Тютчева. Автограф (без заглавия) — в *ЦГАЛИ*. В *СЛ* напечатано впервые, но, как считает К. В. Пигарев, «с явной ошибкой во 2-м стихе („подъемлясь“ вместо „под снегом“)» (*Тютчев Ф. И.* Лирика. М., 1965, т. II, с. 388). Чтение «под снегом» опирается на автограф; в варианте *СЛ* «явной» ошибки, однако, мы не усматриваем. Сохранившийся авто-

граф возник позднее, так как он писан на бумаге 1827 г., а цензурное разрешение *СЛ* — 1 ноября 1826 г.

В другой редакции стихотворение напечатано в журнале «Современник» (т. XLV, 1854, с. 7), в собраниях стихотворений Тютчева (СПб., 1854 и М., 1868). Варианты этой редакции:

2 Кедр одинокий под снегом белеет,
4 И сон его вьюга лелеет.
6 Что в дальних пределах Востока
7 Под пламенным небом на знойном холму

Стихотворение представляет собой перевод стихотворения Г. Гейне (1797—1856) «Ein Fichtenbaum steht einsam...», впервые напечатанного в апреле 1823 г. Заглавие «С чужой стороны» в немецком подлиннике отсутствует. Поскольку в *СЛ* помещено несколько стихотворений Тютчева, присланных из Германии и датированных 1823—1824 гг.,— К. В. Пигарев убедительно датирует и это стихотворение этим же временем и определяет его как самый ранний из переводов стихотворений Гейне на русский язык. Позднее оно было переведено Лермонтовым («Сосна»), Михайловым, Майковым, Фетом и др. Однако только Ф. И. Тютчев сделал попытку передать и метрическое своеобразие подлинника (см.: *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы. Л., 1929, с. 395; *Пигарев К. В.* Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, с. 279—280).

ПЕТРОНИЙ К ДРУЗЬЯМ

(Из собрания стихотворений под названием «Эротическая лира древних»)

Стихотворение-перевод С. Е. Раича.

1 *Петроний* — римский писатель-сатирик (ум. в 66 г. н. э.).

2 *Фалернское вино* — изготавливалось в Фалерне, местности Древней Италии; было прославлено поэтами, особенно Горацием.

3 *Леней* — здесь: Вакх. Ленеи — праздники у древних греков по случаю прессования винограда и получения свежего вина.

[4] *Анакреон* — древнегреческий поэт-лирик (ок. 570—478 г. до н. э.). Преобладающий мотив его творчества — культ чувственного наслаждения.

[5] *...поэт-мудрец Гораций...* — Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.), римский поэт. Одна из главных тем его творчества — любовь к природе и сельской жизни («горацианский» мотив).

[6] *...Тибулл — наперстник граций...* — римский поэт-элегик Альбий Тибулл (ок. 54—19 гг. до н. э.).

[7] *Марон* — Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.), римский поэт.

[8] *...Назон сластолюбивый...* — Римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— ок. 17 г. н. э.). Одна из главных тем его творчества — воспевание любовного чувства (эротические элегии «Ars amatoria» и др.).

[9] *Катулл* Валерий (ок. 87 г. до н. э.— после 54 г. до н. э.), римский поэт-лирик.

[10] *...страстный Галл...* — Корнелий Галл (69—26 гг. до н. э.), римский полководец и поэт, основоположник элегического жанра.

[11] *...Проперций говорливый...* — римский поэт (ок. 49 г. до н. э.— после 15 г. до н. э.). Особенностями его стиля было скопление метафор и злоупотребление малоизвестными мифами.

ОТРЫВОК ИЗ СОЧИНЕНИЯ ОБ ИСКУССТВАХ

Статья Д. П. Ознобишина. Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация.

Из «Отрывка» видны обширные познания автора в области мировой литературы. Рассказывая о происхождении музыки, он привлекает свидетельства античных историков и выдающиеся произведения различных народов: «Одиссею» Гомера; «Георгики» Вергилия; «Метаморфозы» Овидия; «Старшую Эдду»; «Шахнаме» Фирдоуси; «Гулистан» Саади и «Тути-наме» Нахшаби, образцы арабской классической поэзии.

Рецензенты — П. А. Вяземский (*МТ*, 1827, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 245) и Н. М. Рожалин (*МВ*, 1827, ч. 2, № 5, с. 88) не смогли дать статье объективную оценку (см. сопроводительную статью).

[1] *Мерзляков. VIII эклога Вирг⟨илия⟩.*— Эпиграф взят из VIII эклоги «Буколик» Вергилия «Дамон, Алфесибей», которая в переводе Мерзлякова называется «Дафнис» (см.: *Мерзляков А. Ф.* Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. М., 1825—1826, ч. 1 и 2).

[2] *Питомец Меркурия Амфион...*— Меркурий (римск. миф.) — бог торговли, покровитель искусств и ремесел, отождествляемый с Гермесом (греч.) — богом скотоводства, покровителем путников, послом олимпийских богов, изобретателем лиры.

Сыновья Зевса и Антиопы — братья-близнецы Амфион и Зет (см. примеч. на с. 333), брошенные сразу же после их рождения по приказу царя Фив Лика на произвол судьбы у подножия горы Киферон, были подобраны и воспитаны пастухом. Когда они выросли, то пошли походом на Фивы и свергли Лика. По другой версии мифа, власть в Фивах они получили по велению Зевса, которое передал Лику Гермес. Гермес вручил Амфиону лиру, под звуки которой сами собой воздвиглись каменные стены Фив (см.: Мифы народов мира: В 2-х т. М., 1980, т. 1, с. 72).

[3] *...Линус... Этолинус...*— певец Лин, сын Каллиопы (или Урании) и Амфимара, сына Посейдона (у римлян Посейдону соответствовал Нептун), знаменитый музыкант и певец.

[4] *...вздумал учить Геркулеса музыке...*— Лин обучал музыке юного Геракла и его брата. «Когда Лин наказал Геракла, тот в гневе нанес ему смертельный удар» (Мифы народов мира, т. 2, с. 56).

[5] *Арион Матемнийский* — греческий поэт и музыкант VII—VI вв. до н. э., уроженец г. Митимны на острове Лесбос. Геродот рассказывает о его чудесном спасении во время морского путешествия в Италию: корабельщики хотели его убить, чтоб завладеть его богатствами, но Арион испросил у них позволения исполнить предсмертную песнь, после чего кинулся в волны, и дельфин вынес его на берег. Г. С. Глебов высказал предположение, что рассказ Делибюрадера об Арионе «натолкнул Пушкина на

мысль по-своему использовать античное предание» (см.: *Глебов Г. С.* Об «Арионе».— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, с. 297). Как об источнике стихотворения Пушкина «Арион» (1827) упоминает о рассказе Делибюрадера и Д. Д. Благой (см.: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 154—155).

6 *Периандр* (ок. 660 — ок. 585 гг. до н. э.) — второй тиран Коринфа (ок. 627 — ок. 585 гг. до н. э.). При его дворе жили многие деятели греческой культуры.

7 *Тенар* — мыс, южная оконечность Пелопоннеса. Возле него в древности стояла статуя, изображавшая человека на дельфине. По преданию, она поставлена самим Арионом во исполнение обета, данного им богам.

8 *...успешнее трудов дочерей Даная.*— Дочери царя Даная (греч. миф.), убившие своих мужей, были осуждены в подземном царстве наполнять водой бездонную бочку, т. е. заниматься бессмысленным и бесполезным трудом.

9 *...стихи Виргилия...*— рассказ об Орфее и Эвридике содержится в четвертой песне «Георгик» Вергилия.

10 *Тенар* (греч. миф.) — пропасть, вход в подземное царство Аид.

11 *Град Теней* — царство мертвых — Аид.

12 *Иксион* (греч. миф.) — царь лапифов; за многие преступления был прикован в Тартаре к быстро вращающемуся огненному колесу.

13 *...Любовью побежден, забывший глас завета//...взглянул... и весь//Мгновенно труд погиб...*— Спустившийся в подземное царство за своей умершей женой Эвридикой Орфей покорил своей волшебной игрой всех обитателей аида: пса Кербера, эриний, Персефону и Аида и получил разрешение увести жену с собой при условии, что на обратном пути не будет на нее оглядываться. Нарушив этот запрет, Орфей снова потерял Эвридику (см.: Мифы народов мира, т. 2, с. 262).

14 *Жрицы Вакховы* (римск. миф.) — служительницы бога плодородия и виноделия Вакха (у греков — Диониса), всюду его сопровождавшие.

[15] *Рамена* (уст.) — плечи.

[16] *Гебр* — река во Фракии. Вакханки, справлявшие праздник Вакха (римск. миф.), разорвали тело Орфея, его голову и кифару бросили в воды Гебра.

[17] *Весь сей отрывок взят из перевода Виргилиевых Георгик г. Раича.*— См.: Виргилиевы Георгики. Перевод А. Р..... М., 1821, ч. IV. Д. П. Ознобишин цитировал 152—154 и 157 страницы этой книги.

[18] *И что древес в приветной чаще...*— Автора стихов установить не удалось.

[19] *Аристотель* (384—322 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученый-энциклопедист.

[20] *Цицерон* Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — римский оратор, писатель и политический деятель.

[21] *...пифагорейца Церкопа.* — Пифагорейство — религиозно-философское и политическое течение в Древней Греции. Развивая представление о числе, как об основном принципе всего существующего, пифагорейцы создали учение о гармонии, много сделали для изучения теории акустики и музыки. Церкоп (Керкопс, VI в. до н. э.) — один из древнейших пифагорейцев, непосредственных учеников Пифагора.

[22] *Ономакрит* — афинский поэт VI в. до н. э. Им составлены «Оракулы» — сборники пророческих песен приписывавшихся Орфею.

[23] *Пизистрат* (Писистрат, ? — 527 г. до н. э.) — афинский тиран, правил 560—527 гг. до н. э.

[24] *Тамарис* — легендарный фракийский певец, прославился игрой на кифаре. В своем искусстве он отважился на состязание с музами на том условии, что в случае победы получит право сойтись с каждой из них, в случае же поражения лишится того, что захотят отнять у него музы. Последние, победивши, лишили Тамариса зрения и отняли у него дар кифареда (*Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Л., 1972, с. 74; *Гомер.* Илиада, пер. Н. И. Гнедича, песнь II, 595—600).

[25] *Марсиас* (Марсий) — легендарный греческий музыкант. Подобрал свирель (флейту), изобретенную Афиной и отброшенную ею, так как черты ее лица

искажались при игре на инструменте; вступил в состязание в искусстве с Аполлоном, по условиям которого победитель сделает с побежденным все что захочет. Аполлон, признанный победителем, повесил Марсиаса на сосне и содрал с него кожу (*Аполлодор.* Мифологическая библиотека, с. 8, 129).

26 *...описаны Овидием в его «Превращениях»...*— См.: *Овидий.* Метаморфозы, кн. 6, стих. 382—400. *Овидий П. Н.* Метаморфозы. М., 1977, с. 157.

27 *Нет веры к вымыслам чудесным...*— стихотворение Ф. И. Тютчева, посвященное «А. Н. М.», т. е. Андрею Николаевичу Муравьеву, бывшему, как и Тютчев, учеником С. Е. Раича и членом Общества друзей В *СЛ* воспроизведено впервые, но в ранней редакции и без последней, третьей строфы. Полный текст напечатан в 1828 г. в журнале «Русский зритель» (ч. IV, № 13—14, с. 70—71).

Горько сетуя на век скептицизма, засилия аналитического мышления, Ознобишин разделяет тоску романтиков по древним первобытным временам, характерную и для других членов Общества друзей Раича. Речь шла о том, какой должна быть современная поэзия. «Но под каким условием поэзия, или искусство, могут существовать в наше время? — писал в своих „Психологических заметках" любомудр В. Ф. Одоевский.— Человек не верит и поэзии; вымысла для него недостаточно; „Илиада" ему скучна; он требует от поэзии того, что не находит в науке,— существенности, словом, науки... Наше время есть приуготовление к новой форме души человеческой, где поэзия с наукой сольются в едино» (*Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975, с. 216—217).

28 *Форум* — прямоугольная площадь в Древнем Риме, центр политической, религиозной, административной и торговой жизни.

29 *В Риме же, во храме Союза...*— По-видимому, имеется в виду Храм Согласия, находящийся на Форуме.

30 *Зевксис* — древнегреческий живописец V—IV вв. до н. э. В числе знаменитейших его картин была: «Связанный сатир Марсий».

31 *Павзаний* (Павсаний) — греческий писатель II в. н. э., автор «Описания Эллады», много внимания уделял предметам искусства. В частности, он описал картину, изображавшую, как Афина бьет Марсия за то, что он подобрал свирель. Поступок Марсия был сюжетом многих древних изображений. Мирон, современник Фидия, изобразил его отпугиваемым Афиной от ее флейты, к которой он протягивал руку (Энциклопедический словарь. СПб., 1896, т. XVIIIa, с. 686).

32 *Аполлодор* — афинский грамматик, живший во II в. до н. э., автор «Библиотеки», излагавшей в пересказе основные сюжеты древнегреческой мифологии.

33 *Целена* (Келены) — город во Фригии, северо-западной части Малой Азии.

34 *Фемий, упоминаемый Омиром и Иродотом...* — «певец божественный Фемий» упоминается в «Одиссее» Гомера, песнь XVI, 252 (перевод В. В. Вересаева); Иродот (Геродот) — древнегреческий историк (V в. до н. э.); в его «Истории» точные справки и описания сочетаются с мифическими рассказами.

35 *Пенелопа* — в «Одиссее» Гомера жена Улисса (Одиссея), остававшаяся верной своему мужу во время его двадцатилетнего отсутствия с острова Итака; она отвергала домогательства многих женихов.

36 *...за тканью бесконечной...* — Чтобы избавиться от притязаний женихов, Пенелопа обещала выйти за одного из них, когда кончит прясть хитон для своего отца; сотканное за день она распускала ночью, достигая таким образом бесконечной отсрочки исполнения своего обещания. «Когда за тканью бесконечной...» (и т. д.) — Предположительно стихи принадлежат Д. П. Ознобишину.

37 *Итака* — остров в Ионическом море, легендарная родина Одиссея.

38 *Телемак* — сын Одиссея и Пенелопы.

[39] *Демодок* — в «Одиссее» — слепой певец на пиру у царя Алкиноя, рассказавший вдохновенным пением о подвигах Одиссея в Троянской войне, в присутствии самого Одиссея, который оставался на пиру неузнанным.

[40] *Алкиной* — царь мореходцев феакийцев на острове Схерии, куда судьба забросила Одиссея.

[41] *...которого песни сохранил нам Омир...* — Песни Демодока о хитрости с Троянским конем и о победе над Троей введены Гомером в текст «Одиссеи».

[42] *Уже корабли, благолепно устроены, в море готовы...* (и т. д.) — «Одиссея», кн. VIII, 499—532, в переводе А. Ф. Мерзлякова. Перевод этот помещен в кн.: Подражания и переводы А. Мерзлякова. М., 1825, ч. 1, с. 179—181. Однако из сличения текстов выявляются разночтения:

№ стиха	Текст *СЛ*	Подражания и переводы А. Мерзлякова
4	младая дружина героев	с избранной дружиной отважных
9	восхитить	воздвигнуть
14	аргивцы	Греки
15	из хитрых затворов, из вольного плена	из оной, коварством созданной темницы
17	Смущенны, безгласны	Трояне смятенны
17	внезапным	ужасно-внезапным
18	без ратных доспехов	не сыщут оружий!..
19	быстро парящий Улисс	рьяный и быстрый Улисс
23	Герой воздыхал	Смущенный Герой воздыхал

Разночтения эти можно объяснить только тем, что А. Ф. Мерзляков, будучи цензором альманаха, изменил ряд чтений непосредственно в рукописи *СЛ*.

[43] *Аргос* — одно из государств Древней Греции, игравшее выдающуюся роль в истории и в древнегреческом эпосе.

[44] *Илион* — то же, что Троя, город в северо-западной части Малой Азии.

[45] *Стогны* (уст.) — площади.

[46] *Аргивцы* (аргивяне) — уроженцы Арголиды, области и города в Южной Греции.

[47] *Дейфоб* — троянский герой, особенно ненавидимый греками, так как он был противником выдачи Елены; после смерти Париса — ее муж.

[48] *Арей* (греч. миф.) — бог войны, соответствующий римскому Марсу.

[49] *Менелай* — царь Спарты; жена его Елена была похищена троянцами, вследствие чего и началась Троянская война.

[50] *Перевод г. Мерзлякова: Улисс у Алькиноя.*— См.: *Мерзляков А. Ф.* Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. М., 1825, ч. 1.

[51] *Калипса* (Калипсо, греч. миф.) — нимфа, жившая на острове Огигии; удерживала при себе в течение семи лет Одиссея, безуспешно склоняя его к супружеству.

[52] *Цирцея* — волшебница с острова Эя. Обвороженный ее чарами Одиссей оставался здесь в течение года.

[53] *...привлекательное пение сирен...*— Сирены — нимфоподобные существа, населявшие один из островов; их пение обладало непреодолимой пленительной силой. Одиссей, чтобы не поддаться их чарам, проплывая мимо острова, залепил товарищам уши воском, а себя приказал привязать к мачте.

[54] *Терпандр* — древнегреческий поэт и музыкант (VII в. до н. э.). Ему приписывается введение кифары — семиструнной лиры. По преданию, дельфийский оракул направил его в Спарту для усмирения музыкой народного восстания.

[55] *Лакедемон* — Спарта.

[56] *...на играх Карнейских...*— Карнейские игры — общедорийский праздник, справлявшийся ежегодно в течение 9 дней в честь Аполлона Карнея. С 26-й Олимпиады (676—672 гг. до н. э.) при нем были введены музические состязания, и на первом из них победителем был Терпандр.

[57] *Эфоры* — коллегия наблюдателей в Спарте из 5 человек, избиравшихся ежегодно и осуществлявших, в частности, надзор за судопроизводством.

[58] *Поэма «Суворов»...*— Суворов. Лирическая поэма. В 8-ми песнях. Александра Степанова. М., в Университетской типографии, 1821, 230 с. Автор поэмы — третьестепенный поэт и писатель Александр Петрович Степанов (1781—1837), в молодости участвовал в походах Суворова. Поэма его начинается прозаическим предисловием, а собственно текст — стихом: «Мальвина! Лиру мне подай!» (с. 11). Более поздние произведения Степанова в эпическом роде были резко раскритикованы Белинским.

[59] *...сочинитель Херсониды, который одну картину летнего дня вместил в довольно толстую книгу...*— Описательная поэма С. С. Боброва в первой редакции была издана отдельной книгой: «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе», лироэпическое стихотворение (Николаев, 1798). Херсонида — «Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом», «лирико-эпическое песнотворение» С. С. Боброва (конец 1760-х годов — 1810); 2-е изд. СПб., 1804.

[60] *Он дал своей сладкопоющей камене...*— Поэт-архаист Бобров здесь упомянут не случайно: в отличие от большинства арзамасцев — Пушкина, Вяземского, Батюшкова, для которых он служил постоянной мишенью насмешек,— Раича и Ознобишина, как и В. К. Кюхельбекера, в Боброве, по-видимому, привлекало стремление к словотворчеству, к созданию составных эпитетов.

[61] *Галль* Франц-Иосиф (1758—1828) — австрийский врач и анатом, создатель «френологии», бытовавшей в XIX в. теории, согласно которой психические особенности человека находят выражение в строении черепа. Учение это признано несостоятельным, но некоторые открытия в области анатомии и физиологии мозга могут быть поставлены ему в заслугу.

[62] *Тимотей* (Тимофей) — древнегреческий поэт и музыкант (446 — ок. 360 гг. до н. э.); считался одним из искусных исполнителей на кифаре, которую он усовершенствовал, прибавив к семи ее струнам еще четыре.

63 *...на пиршестве Александра — победителя, млеющего страстью к Таисе...* — имеется в виду Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), полководец и государственный деятель, победитель Дария III. Таиса — афинская гетера (IV в. до н э.), участвовала в походе Александра Македонского на персов. Дарий III — последний царь древней Персии (336—330 гг. до н. э.).

64 *Драйден* Джон (1631—1700) — английский поэт, драматург и критик. Одно из лучших его произведений — ода «Пиршество Александра, или Могущество музыки» (1697, русск. пер. В. А. Жуковского).

65 *...страшную кончину...* — Потерпев сокрушительное поражение от Александра Македонского, Дарий бежал в Восточный Иран, где был смертельно ранен своим сатрапом Бессом и умер в руках врагов.

66 *...гибель Персеполю!* — Персеполь — одна из столиц Персидского царства династии Ахеменидов. После захвата и сожжения города Александром Македонским (330 г. до н. э.) он был постепенно заброшен.

67 *...Елена новая зажжет другую Трою...* — имеется в виду Таиса, которой легенда приписывает сожжение Персеполиса.

68 *Перевод г. Жуковского.* — Пиршество Александра, или Сила гармонии. [Из Драйдена].— *Жуковский В. А.* Сочинения. Изд. 8-е: В 6-ти т. СПб., 1885, т. I, с. 233—236.

69 *...письменами, известными под названием клинообразных...— над коими ломают головы европейские антикварии.* Клинообразные надписи сделаны ахеменидскими царями, в частности Дарием I (522—486 гг. до н. э.) и его сыном Ксерксом I (486—465 гг. до н. э.).

С этих надписей впервые снял копии датский путешественник-ориенталист Нибур Карстен (1733—1815), посетивший во второй половине XVIII в. развалины Персеполя. Одной из этих копий впоследствии воспользовался немецкий филолог Г. Ф. Гротефенд (1775—1855), положивший начало дешифровке древнеперсидской клинописи (см.: *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе

и России.— *Бартольд В. В.* Соч.: В 9-ти т. М., 1977, т. 9, с. 230, 231, 314—317).

70 *Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...* (и т. д.) — Начало стихотворения Г. Р. Державина «Памятник» (1796).

71 *Архилох* — древнегреческий поэт и музыкант (середина VII в. до н. э.); ввел в поэтическую практику ямбические и трохеические триметры, которые пелись в сопровождении музыкальных инструментов.

72 *Плутарх* (ок. 45 — ок. 127 гг. н. э.) — древнегреческий писатель и историк, автор жизнеописаний знаменитых деятелей древности.

73 *Ликамб* — жертва уничтожающей сатиры Архилоха, который бичевал его за то, что Ликамб не сдержал данного обещания выдать за Архилоха свою дочь Необулу. Не снеся едкой сатиры, Ликамб повесился.

74 *Аристоксен* (ок. 350 г. до н. э.) — представитель милетской школы натурфилософии, ученик Аристотеля, один из древнейших теоретиков музыки.

75 *Антигенид* (ок. середины V в.— 380 г. до н. э.) — древнегреческий музыкант и композитор. Особенно славился игрой на флейте. Ему приписывают изобретение приспособления для отбивания такта в музыке (род ножных кастаньет).

76 *Милет* — в VIII—VI вв. до н. э. древнегреческий полис на западном побережье Малой Азии.

77 *Дамон* (IV в. до н. э.) — древнегреческий музыкант и философ. Учитель и друг Перикла. Платон в своей «Республике» сообщает, что он усовершенствовал ритмическую часть искусства.

78 *Пифагор* Самосский (ок. 570 — ок. 500 гг. до н. э.) — древнегреческий мыслитель и политический деятель, известен трудами по теоретическому обоснованию музыки.

79 *Аркадяне* — жители древнегреческой области Аркадии, служившей олицетворением страны мирного счастья.

80 *Синефцы* — жители древнегреческого города Кинаифа.

81 *Сибариты* — жители древнегреческой колонии Сибарис на побережье теперешней Италии; богатство приучило их к изнеженному образу жизни. В 510 г. до н. э. в войне с Кротоном они были побеждены и их город был разрушен до основания.

82 *Саллюстий* Гай Крисп (86 — ок. 35 гг. до н. э.) — римский историк.

83 *Фемистокл* (ок. 525 — ок. 460 гг. до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец.

84 *Варвары* — этим звукоподражательным словом древние греки, а затем и римляне называли всех чужеземцев, говоривших на непонятном им языке. В начале н. э. это название особенно часто относили к германцам.

85 *Каледония* — латинское название Шотландии.

86 *Ко мне в объятия!..* (и т. д.) — Стихи М. А. Дмитриева написаны на сюжет баллады Ш. И. Мильвуа (1782—1816) «Выкуп Эгиля» (1808). Полностью «драматическая картина» М. А. Дмитриева «Выкуп барда, или Сила песнопения» впервые была напечатана в «Драматическом альбоме для любителей театра и музыки на 1826 год», кн. I. М., [1825], с. 234—254. Цензурное разрешение 30 апреля 1825 г. В эпоху декабристского оссианизма баллада Ш. И. Мильвуа, утверждавшая нравственную силу и торжество поэзии, была популярна в России. Ее перевели А. Ф. Воейков и Д. В. Веневитинов. Как правильно указал Ю. Д. Левин, Markdown Ознобишин связывает «Выкуп барда» с Оссианом, не замечая при этом, что в балладе Мильвуа действие происходит в Скандинавии, а не в Шотландии (см.: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л., 1980, с. 106—107; *Он же.* Оссиан в России.— В кн.: *Макферсон Дж.* Поэмы Оссиана. Л., 1983, с. 524—525).

87 *Ельмор* (Эльмор) — герой поэмы Ш. И. Мильвуа, воин-царевич, сын скандинавского короля; выведен также у Д. В. Веневитинова в скандинавской повести «Освобождение скальда» (перевод той же поэмы Мильвуа).

88 *Фрейя* (сканд. миф.) — богиня плодородия, любви, красоты, любительница песен; считается сестрой Фрейра. Вместе с тем Фрейя делит и выбирает с Одином убитых воинов, т. е. осуществляет функции валькирии — воинственной девы.

89 *Фрейр* (сканд. миф.) — бог, олицетворяющий растительность, урожай и мир.

90 *Скальд* (скальды) — норвежские и исландские поэты IX—XIII вв.

91 *Один* (герм.-сканд. миф.) — верховный бог, олицетворяющий силу, сотворившую вселенную, и мудрость.

92 *Валхала* (Валгалла) — дворец Одина, загробное местопребывание храбрых воинов, павших в битве. Там в присутствии Одина прекрасные валькирии угощали их жареным мясом и медом, после чего герои упражнялись в битвах, поражая друг друга и тотчас воскресая к новым пиршествам и сражениям.

93 *Лерадский мед* — «мед поэзии», священный напиток, питающий корни и выступающий на листьях древа Лерад: ясеня Иггдрасиля (букв. «конь Одина») (Мифы народов мира. М., 1982, т. 2, с. 128—129).

94 *Эдда* («Старшая Эдда») — сборник древнеисландских песен, сохранившийся в рукописи XIII в.

95 *Я помню, как девять осенних ночей...* (и т. д.) — Этот фрагмент о жертвоприношении Одина, описанном в «Речах Высокого» («Старшая Эдда», 138—141), представляет собой один из самых ранних русских переводов «Старшей Эдды» и, по-видимому, принадлежит Д. П. Ознобишину. «Один сам себя приносит в жертву, когда пронзенный собственным копьем, девять дней висит на мировом древе Иггдрасиль, после чего утоляет жажду священным медом из рук деда по матери — великана Бёлторна и получает от него руны — носители мудрости... Один мыслится и как бог поэзии, покровитель скальдов» (Мифы народов мира, т. 2, с. 242). Руны — древнеисландские резные надписи, а также эпические народные песни карел, финнов, эстонцев и других

народностей прибалтийско-финской языковой группы. Болтар (Бёлторн — сканд. миф.) — великан, дед Одина, отец Бёстли.

96 *Зеландия* — самый крупный остров в Балтийском море, часть территории Дании.

97 *Рага* (санскр.) — краска, цвет, страсть, наслаждение чем-либо. В индийской музыкальной терминологии олицетворения музыкальных строев или ладов («гласов»), числом шесть и более. Кроме раги, существуют ее разновидности — «рагини». Образ раги обычно связывают с представлением о мужественном начале; рагини — символ женственности. В трактате Матанги «Брихаддеши» (V—IX вв.) дается такое определение раги: «Знающие именуют рагой такого рода звуковую композицию, которая украшена музыкальными тонами, дающимися в особенном положении либо в восходящем или нисходящем движении, и которая, пробуждая волнение в людских сердцах, окрашивает их в те или иные чувства» (цит. по кн.: *Дева Б.* Чайтанья. Индийская музыка. М., 1980, с. 44).

98 *Магадева* (Махадева) — «великий бог», одно из имен бога Шивы в индийской мифологии — высшего существа, олицетворяющего единый облик созидателя, охранителя и разрушителя.

99 *Парбути* (Парвати) — «горная»; в индийской мифологии — одно из имен жены Шивы.

100 *Брама* — бог, высокое божество. Легенды рассказывают, как Брама открыл мудрецу Бхарате непобедимую силу музыкального искусства, а Бхарата передал радость музыки человечеству.

101 *Миа Тонсин* (Тансен Миан. нач. XVI в.— после 1595 г.) — классик северо-индийской музыки, о мастерстве которого сложено множество легенд. Синтезируя элементы индийской и арабо-иранской музыкальной культуры, он обогатил национальную музыку новым типом мелодий. Мия Тонсин был певцом при дворе Акбара (1542—1605), правителя Могольской империи в Индии (с 1556 г.). При его дворе находили радушный прием многие мастера музыки — индийцы, персы, туранцы.

[102] *...один из ночных рагов...* — Музыканты древней Индии строго соблюдали время и порядок исполнения мелодий и особенно — порядок исполнения музыки в течение дня. Сутки делились на восемь периодов; каждому соответствовали свои раги-песни. Считалось, что только при таких условиях рага может оказать воздействие на чувства и сознание человека (см.: *Синявер Л. С.* Музыка Индии. М., 1958, с. 28—49).

[103] *...раг, именуемый Дипу́к...* («Дипак») — рага «светильников».

Приводимое Делибюрадером в качестве примера предание о трагической гибели знаменитого музыканта (Наик Гопала), которому император Акбар приказал спеть рагу Дипак, отличается от версии этого предания, пересказанной современным индийским исследователем: «Тансен, великий певец, стал любимцем императора Акбара, и это, естественно, вызвало зависть придворных. Они замыслили извести его и убедили императора предложить Тансену спеть рагу «Дипак» — рагу «светильников». Если исполнять эту рагу по всем правилам, то она должна вызвать страшную жару. Не вполне представляя себе последствия, Акбар велел певцу исполнить эту рагу. Тансен, не смея ослушаться повеления, начал петь рагу «Дипак». Один за другим стали сами по себе загораться светильники во дворце. Тело музыканта так нагрелось, что для того, чтобы охладиться, он вынужден был кинуться в реку, текущую поблизости. Но даже это не помогло, потому что вода в ней начала кипеть. Оставаться в воде дольше становилось опасно, Тансен мог заживо свариться. Тогда один из его друзей вспомнил о возлюбленной Тансена, побежал к ней и рассказал об этой опасной ситуации. Она запела рагу «Малхар», и проливной дождь низвергнулся с небес. Это и спасло Тансена» (*Дева Б.* Чайтанья. Индийская музыка. М., 1980, с. 202).

[104] *Джумна* (Джамна, Ямуна) — река в Индии, самый длинный и многоводный приток Ганга.

[105] *Майг Муллар* — по-видимому, здесь имеется в виду вышеупомянутая рага «Малхар».

[106] *Бенгал* (Бенгалия) — историческая область в Индии, в нижнем течении Ганга и Брахмапутры.

[107] *...Диоген в полдень с фонарем искал человека!* — Древнегреческий философ Диоген (ок. 404—323 гг. до н. э.), основатель школы киников, моралист, искал таким образом не просто человека, а достойного называться таким именем (см.: *Бирюков П. И.* Греческий мудрец Диоген. М., 1910, с. 37).

[108] *Халифатство* (Халифат) — название феодального арабо-мусульманского государства, возглавлявшегося халифами, образовавшегося в результате завоеваний VII—IX вв.

[109] *гордых повелителей мира...* — т. е. древних римлян.

[110] «*Тысяча и одна ночь*» — сборник сказок, памятник средневековой арабской литературы. Первый неполный перевод на французский язык, сделанный А. Галланом, вышел в 1704—1717 гг. и был использован для переводов на многие другие языки, в том числе русский, опубликованный в Москве (1763—1774).

[111] «*Спор шести невольниц*» — Д. П. Ознобишин перевел эту повесть и под заглавием «Соперничество шести невольниц» включил в подготовленную им к изданию рукопись «Арабески, или Собрание восточных повестей»; писарская копия (*ПД*, ф. 213, № 46, л. 21об.— 29об.). Об этой повести Ознобишин упоминает и в своей статье, посвященной вышедшему в 1832 г. в Казани подражанию новеллы из поэмы «Семь красавиц» Низами — «Красавица замка, или Повесть о Русской царевне», выполненному Ф. Эрдманом (Телескоп, М., 1833, XVIII, № 21, с. 106). Ознобишин писал, что эта сказка, найденная Гаммером, является новым продолжением «1001 ночи». «Соперничество шести невольниц» с примечаниями за подписью «Делибюрадер» появилось в «Москвитянине» (1841, № 2, с. 984—995).

[112] *Шейк Абд-Алькадер* — возможно — Абу Мухаммад Мухйи (Мухиддин)... Абдулькадир (1078/9—1165/7), теолог, основатель дервишского ордена «кадырийе», поэт, литератор, писавший на арабском и фарси (см.: Литературные имена арабских и персидских

авторов. М., 1979, с. 30. ч. II, кн. I). Шейк (шейх) — у арабских кочевников титул предводителей рода и вождей племен. В странах распространения ислама шейхами называли руководителей мусульманских сект, дервишских орденов, видных богословов, законоведов.

113 *Мекка* — город на западе Саудовской Аравии, родина основателя ислама Мухаммеда, с VII в.— священный город мусульман и, наряду с Мединой,— место их паломничества.

114 *Ребаб* — струнный смычковый музыкальный инструмент древнего (индо-иранского) происхождения.

115 *Манкала* (манкаля) — одна из популярнейших настольных игр в странах арабского Востока. Описание ее см. в кн.: *Лэйн Э. У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в., М., 1982, с. 278—280.

116 *С звонкой чашей, с полновесной...* (и т. д.) — перевод стихов, по-видимому, Д. П. Ознобишина.

117 *Кимвал* — древний восточный ударный музыкальный инструмент.

118 *Вебер* Карл Мария фон (1786—1826) — немецкий композитор и дирижер, основоположник европейской романтической оперы.

119 *Стрелок* — «Волшебный стрелок» — под этим названием шла в России самая популярная из опер Вебера — «Волчье ущелье» (1821).

120 *Фирдусси* (Фирдоуси) Абулькасим (ок. 940—1020 или 1030), классик персидской и таджикской поэзии, автор «Шахнаме» — национального эпоса персов и таджиков.

121 *Слышишь, как в утренний час...* (и т. д.) — двустишие (бейт) из «Шахнаме» Фирдоуси, переведенный, вероятно Д. П. Ознобишиным.

122 *«Тути-наме»* («Книга попугая») — автор Зияатдин (Зйа ад-Дин) Нахшаби (год рожд. неизв.— ум. 1350 г.) родом из Нехшеба (совр. г. Карши УзССР), фарсиязычный писатель Индии. Написана в форме сказок, которые рассказывает своей хозяйке попугай, чтобы предотвратить ее измену отсутствующему мужу.

[123] *Некогда осел подружился...* (и т. д.) — Ознобишин, хотя и в сокращенном виде, но довольно близко к оригиналу пересказывает новеллу из «Тути-наме» Нахшаби в позднейшей обработке Мухаммада Кадири (XVII в.) (см.: *Зйа ад-Дин Нахшаби.* Книга попугая: Тути-наме. М., 1979, с. 259—260). Первый русский перевод из «Тути-наме» Нахшаби, принадлежавший О. И. Сенковскому (1800—1858),— «Деревянная красавица» появился в «Полярной звезде на 1825 год». В том же году этот рассказ был переведен московским ориенталистом Н. Г. Коноплевым (Вестник Европы, 1825, ч. 144, № 19, с. 230—232); ему принадлежат переводы четырех новелл из «Тути-наме», опубликованные в 1825—1826 гг.

[124] *Волчец* — колючая сорная трава.

[125] *...говорит о них наш знаменитый баснописец Крылов.*— Подразумевается басня И. А. Крылова (1769—1844) «Осел и соловей» (1811).

[126] *Шарден* Жан де (1643—1713) — французский путешественник, автор книги «Путешествие в Персию» (1735).

[127] *Кавус по смерти...* (и т. д.) — Д. П. Ознобишин пересказывает эпизод из мифологической части «Шахнаме» Фирдоуси (см.: Шахнаме. М.. 1957, т. 1, с. 11027—11100). С эпопеей Фирдоуси Ознобишин мог познакомиться по первым публикациям ее текста В. Джонсом (Лондон, 1774) и М. Ламсденом (Калькутта, 1811), а также по английскому переводу И. Чемпиона (Калькутта, 1785; Лондон, 1788) и немецкому И. Герреса (Берлин, 1820).

В статье «О духе поэзии восточных народов и рассмотрение статьи Московского Телеграфа...» Д. П. Ознобишин писал: «Шахнаме... подобно великану, является при самом возрождении персидской поэзии. В ней встречаем разительное сходство с Илиадой и Одиссеей Омира (Гомера.— *Ред.*); но что наиболее должно поразить удивлением каждого просвещенного мыслителя, то это одинакая участь сих великих гениев. И тот и другой посвятили всю жизнь свою на творения, стяжавшие обоим венец неотъемлемый, и тот, и другой, преследуемые бедствиями, умерли в бедности...» (Сын

Отечества. СПб., 1826, ч. 105, № 4, с. 339). Сведения о Фирдоуси и его «Шахнаме» Ознобишин мог почерпнуть также из книг: *Валленбург И. Р.*. Notice sur le Chah Nameh de Firdoucy (Vienna, 1812) и *Хаммер-Пургшталь И.* Geschichte der schönen Redekünste Persiens (Wien, 1818). *Кавус* (Кей-Кавус, Кай-Кавус, фарси) — в иранской мифологии второй царь из династии кейянидов. В «Шахнаме» Фирдоуси Кей-Кавус — сын и преемник Кей-Кобада. Царствование его продолжалось сто пятьдесят лет. Желая уничтожить зло, он идет в поход против царства дивов в Мазандеран, но ослепленным попадает в плен к Белому диву, откуда его выручает богатырь Рустам.

128 *Дивы* — духи зла и тьмы, демоны, олицетворение зла в древнеиранской мифологии и позднейшем зороастризме.

129 *Мазендеран* — историческая область в Иране, между Гиляном на западе и Хорасаном на востоке.

130 *Цохак* (Заххок) — в «Шахнаме» Фирдоуси — арабский царевич, совращенный дьяволом Иблисом; он убил своего отца, а затем узурпировал трон Джамшида; образ царя-дракона.

131 *Кейкобад* (Кей-Кобад, Кай-Кубод) — в иранской мифологии — царь, основатель династии кейянидов; согласно «Шахнаме», призван Залем и Рустамом на пустующий после смерти Гаршаспа престол. В «Шахнаме» Фирдоуси царствование Кей-Кобада продолжается сто лет.

132 *Джем* (Джамшид) — в «Шахнаме» Фирдоуси — четвертый царь древней династии пишдадидов, сын Тахмуреса; описывается его семисотлетнее царствование — «золотой век», когда страна благоденствовала.

133 *Нигиссар* (Накисса, Накисои Чанги) — персидско-таджикский композитор и музыкант VI—VII вв. Непревзойденный мастер игры на чанге (род арфы), отсюда его лакаб (прозвище) — Чанги.

134 *Барбуд* (Барбад) — персидско-таджикский певец, композитор и музыкант VI—VII вв. Славился как непревзойденный мастер игры на барбате (род лютни) и искусный певец. Был приглашён ко двору

Хосрова Парвиза; создал 365 мелодий и песен, которые до нас не дошли. Фирдоуси в «Шахнаме» упоминает три мелодии Барбада, Низами в поэме «Хусрав и Ширин» и Амир Хусрав в поэме «Ширин и Хусрав» посвятили Барбуду специальные главы. Знаменитые мастера искусства эпохи Сасанидов — Накисои Чанги, Бомшод, Ромтин и др. учились музыке у Барбада (см.: Таджикская Советская Энциклопедия. Душанбе, 1978, т. 1, с. 489; *Виноградов В. С.* Классические традиции иранской музыки. М., 1982, с. 26—30).

135 *Ауренги* (Аврангиг) — название одной из древнейших персидско-таджикских мелодий Барбада. До наших дней дошло только ее название.

136 *Хосру Первиз* — сасанидский царь Ирана Хосров II Парвиз (букв. победитель; ум. в 628 г.), царь с 591 г. При нем огромные средства тратились на содержание царского двора и строительство дворцов, оказывалось покровительство поэтам, музыкантам, ученым.

137 *Фараби* (Фараби-ал-Фараби Абу Наср, 870—950) — философ и ученый-энциклопедист. «Большой трактат о музыке» Фараби — важнейший источник сведений о музыке Востока и древнегреческой музыкальной системе.

138 *Гербелот* Д'Эрбело Б. (1625—1695) — французский ориенталист, автор «Bibliotheque orientale» (Париж, 1697).

139 *Сахеб бен Ибад* (Сохиб б. Аббод, 938—995) — персидско-таджикский литератор и ученый.

140 *Аполог* — иносказательное повествование, басня.

141 *Гюлистан* («Розовый сад») — дидактическое произведение, состоящее из рассказов и притч персидско-таджикского писателя и мыслителя Муслихиддина Саади (между 1203 и 1210—1292).

142 *Только сорванный...* (и т. д.) — Д. П. Ознобишин близко к оригиналу перевел фрагмент из рассказа второй главы «Гюлистана» — «О нравах дервишей». Подстрочный перевод:

Видел я несколько букетов свежих роз,
Связанных с охапкой травы.

Спросил я: «Кто же такая эта ничтожная трава,
Что оказалась она рядом с розой?»
Заплакала трава и сказала: «Замолчи,
Ибо великодушные не забывают товарищества!
Хотя у меня нет красоты, цвета и аромата,
Но разве я — трава не из их же сада?»

Са'дӣ. Гулистāн.
Критический текст. М., 1959, с. 124).

Д. П. Ознобишину принадлежит несколько переводов из произведений Саади, в основном из «Гулистана». Три из них опубликованы: «Утренняя песнь соловья».— Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1826, ч. 6, с. 233; «Только сорванный лишь с ветки...» — *СЛ*, с. 424; «Вольная птичка» (за подписью ***) — Галатея, М., 1829, ч. 9, № 46, с. 371.

ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ

Стихотворение посвящено сестре поэта — Софье Владимировне Веневитиновой, в замужестве Комаровской (1808—1876), которой преподнесено в день рождения.

Автограф — в Отделе письменных источников Гос. Исторического музея, ф. 281 (С. В. Веневитиновой), № 1041, лл. 6—7. На автографе дата: «1825 августа 13».

В *СЛ* первая публикация.

В автографе разночтение в стихе 30:

Улыбкой нежною прелестной

Разночтение последнего стиха в изд. 1829—1831 гг.:

То цвет денницы молодой.

ВЕЧЕР В ОДЕССЕ

Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация.

[1] *Геспер* (греч. миф.) — божество вечерней звезды, одно из названий вечерней звезды Венеры.

АМУРУ

Автограф неизвестен. В *СЛ* — первая публикация. Помещено также в собрании стихотворений Баратынского (М., 1827, отд. «Смесь», с. 107) под заглавием «К Амуру». В собрании стихотворений Баратынского (М., 1835) напечатано без заглавия.

В. Г. Белинский в статье «О стихотворениях г. Баратынского» (1835) отрицательно отозвался об этом стихотворении (см.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953, т. I, с. 327).

САКОНТАЛА
(*из Гете*)

Автограф неизвестен. В *СЛ* первая публикация.

Стихотворение написано не позднее середины 1826 г. и связано с четверостишием Гете «Sakontala» из цикла «Antiker Form sich nähernd».

Рецензент «Московского вестника» одобрительно отозвался о переводах Тютчева, в том числе и о «Сакontале» Гете (*МВ*, 1827, ч. 2, № 5, с. 75).

[1] *«Сакontала»* («Шакунтала») — драма древнеиндийского поэта и драматурга Калидасы (ок. V в.), переведенная на немецкий язык Форстером.

ДЕРЕВНЯ
(*Отрывок*)

Автограф неизвестен. Писарская копия в Рукописном сборнике (*ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 892, лл. 223—227), где имеется ссылка на публикацию в *СЛ*. Вошло в Полное собрание сочинений П. А. Вяземского. СПб., 1878—1896, т. 3, с. 443—447, с перестановкой строк: стихи 32 и 34 поменялись местами.

ВЕСНА

Автограф неизвестен. В *СЛ* первая публикация.

[1] *Крины* — лилии.

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ
(Из Л. Байрона)

Автограф неизвестен. В *СЛ* первая публикация.

Стихотворение является переводом Байрона «Lines written in an album at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте»). На русский язык это стихотворение переводили также И. И. Козлов, П. А. Вяземский, М. Ю. Лермонтов и др. У Байрона стихотворение обращено не к «друзьям», а к женщине. Возможно, оно было вписано Тютчевым в альбом одного из друзей во время пребывания в Москве в 1825 г. В издании стихотворений Тютчева (СПб., 1854) — вариант 7-го стиха:

Его уж нету в вашем круге;

РЕЦЕНЗИИ НА АЛЬМАНАХ «СЕВЕРНАЯ ЛИРА»

П. А. Вяземский

СЕВЕРНАЯ ЛИРА НА 1827 ГОД

Впервые: «Московский телеграф», 1827, ч. XIII, № 3, февраль, отд. 1, с. 239—246, в ряду нескольких рецензий на альманахи 1827 года. Подписано одним из псевдонимов П. А. Вяземского: Ас. Б.

[1] *Ривароль*, Антуан (1753—1801) — французский писатель, отличавшийся остроумием и меткостью памфлетных характеристик.

Н. М. Рожалин

ИЗ СТАТЬИ: «АЛЬМАНАХИ НА 1827 ГОД»

Впервые: «Московский вестник», 1827, ч. 2, № 5, с. 86—88. Подпись: —нъ.

[1] *Рожалин* Николай Матвеевич (1805—1834) — писатель и переводчик, один из участников Общества любомудрия, близкий друг Д. В. Веневитинова.

[2] *Сириус* — собрание сочинений в стихах и прозе. Издано М. А. Бестужевым-Рюминым. СПб., 1826, кн. I. В альманахе участвовали Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов, А. Д. Илличевский и др. Однако в сочинениях самого М. А. Бестужева-Рюмина обнаружился ряд скандальных спекуляций и трюков, рассчитанных на сенсацию и рекламу.

[3] *Календарь Муз* — альманах, изданный в Петербурге А. Е. Измайловым (1826) и П. Л. Яковлевым в 1826 и 1827 гг. В рецензии на выпуск 1827 г. П. А. Вяземский (*МТ*, ч. XIII, № 3, отд. 1, с. 247) отмечал бедность его поэзии, которой большая часть «могла бы остаться в рукописи». В качестве примера низкопробщины и вульгарщины он приводил такие стихи:

Как у тебя, брат, красен нос!
— А вот-с:
Пью белое вино-с...

[4] *Демутье* Шарль Альбер (1760—1801) — французский писатель.

А. С. Пушкин

〈ОБ АЛЬМАНАХЕ «СЕВЕРНАЯ ЛИРА»〉

Статья писалась для журнала «Московский вестник», но не была закончена, при жизни Пушкина не публиковалась. Вместо нее в журнал была помещена рецензия Н. М. Рожалина.

[1] *О г. Шевыреве умолчим как о своем сотруднике.*— Шевырев был сотрудником журнала «Московский вестник», для которого предназначалась рецензия Пушкина.

СОТРУДНИКИ
СЕВЕРНОЙ ЛИРЫ
на 1827 год

АНДРОСОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ (1803—1841) — экономист-статистик, литературный и общественный деятель, поэт. Питомец Московского университета, член Общества друзей С. Е. Раича (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888, кн. I, с. 212). В 1835—1838 гг. редактор и издатель журнала «Московский наблюдатель», где публиковались также произведения многих участников бывшего раичевского общества, в том числе стихотворения Д. П. Ознобишина и самого Раича. В *СЛ* представлен стихотворным переводом «Идеалы» из Шиллера и повестью «Не сбылось».

АСТАФЬЕВ ВИКТОР — поэт. Печатался в 1820-х годах в «Сыне отечества», «Московском телеграфе», альманахах: «Эвтерпа. Подарок любительницам и любителям пения на 1828 год. Собрание новейших романсов и песен» (М., 1828). «Эрато, приношение прекрасному полу, или Собрание новейших, отборных и употребительнейших романсов и песен» (М., 1829), «Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен...» (М., 1835), «Эвтерпа...», изд. 2-е (М., 1836).

БАРАТЫНСКИЙ ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ (1800—1844) — поэт. Постоянно печатался в «Полярной звезде» и «Северных цветах»; участвовал и в московских альманахах — «Урании» (1826) и «Мнемозине» (1825). Два его стихотворения — «Дориде» («Зачем нескром-

ностью двусмысленных речей...») и «Элегия» («Не искушай меня без нужды»...) опубликованы в изданном Раичем альманахе «Новые Аониды» (М., 1823) и одно — «В альбом» («По замечанию моему...») в его журнале «Галатея» (1829, ч. 1, № 2, с. 90). В начале 1826 г., выйдя в отставку, поселился в Москве, где сблизился с П. А. Вяземским, который ввел его в салон Зинаиды Волконской. Там Баратынский познакомился с любомудрами — С. П. Шевыревым, Д. В. Веневитиновым, И. В. Киреевским; с А. Н. Муравьевым (см.: *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 10—11, 14), возможно, и с С. Е. Раичем. В Общество друзей Раича входил и близкий друг поэта Н. В. Путята (1802—1877). 24 октября 1826 г. Баратынский присутствовал на обеде в честь рождения «Московского вестника», где были также Погодин, Шевырев, Титов, Раич, Оболенский (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889, кн. 2, с. 48). В *СЛ* напечатал два стихотворения: «Наяда» и «К Амуру».

БУЛГАРИН ФАДДЕЙ ВЕНЕДИКТОВИЧ (1789—1859)— писатель и журналист. Издавал журналы «Северный архив» (1822—1828), «Литературные листки» (1823—1824), «Сын Отечества» (1825—1840) и газету «Северная пчела» (1825—1859). До 1826 г. был близок к кругам прогрессивных литераторов, поддерживал дружеские связи с К. Ф. Рылеевым А. А. Бестужевым, Ф. Н. Глинкой, А. С. Грибоедовым Сотрудничал в «Полярной звезде» и «Северных цветах». После 1826 г. стал переходить на охранительные позиции и сделался негласным осведомителем «III отделения».

БЮРГЕР АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (1804—1876, по др. данным 1888) — литератор и переводчик, издатель жур-

нала «Радуга» (Ревель, 1832—1833 гг.) (см.: Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина». СПб., 1888, с. 67). В «Радуге» публиковались также материалы по арабской, персидской и индийской литературам, в том числе и переводы с подлинника. Обучаясь в Московском университете на словесном отделении (1824—1828), он, вероятно, посещал лекции профессора восточных языков А. В. Болдырева. Опубликовал два перевода с фарси: «Непригожий царевич» (Вестник Европы, 1825, ч. 144, № 19, с. 214—218) и «Садовник и соловей» — в *СЛ*. С 1828 по 1834 гг. был старшим учителем русского языка в Ревельской гимназии (см.: Schüler-Verzeichnis des Revalschen gouvernements-Gumnasiums. 1805—1890. Reval, 1931, с. 9).

ВЕНЕВИТИНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1805—1827) — поэт, критик, один из инициаторов Общества любомудрия (осн. в 1823 г.). В 1822—1824 гг. вольнослушателем посещал лекции в Московском университете. Поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. По-видимому, бывал и на заседаниях Общества друзей Раича (см.: *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929, с. 270). Один из активных организаторов журнала «Московский вестник», в котором публиковались также произведения издателей *СЛ*. На одну из годовщин со дня смерти поэта (15 марта 1864 г.) Д. П. Ознобишин написал стихотворение «На память Дмитрия Владимировича Веневитинова» (*ГБЛ*, Пог/III.8.72). В *СЛ* представлен статьей «Скульптура, живопись и музыка» и стихотворением «Любимый цвет».

ВЯЗЕМСКИЙ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ (1792—1878) — поэт, журналист, критик. В 20-е годы общался с будущими декабристами, отличался оппозиционными настроениями, сохранившимися у него до 1840-х годов. Постоянный автор альманахов «Полярная звезда» и «Северные цветы»; участвовал также в московских альманахах — «Новые Аониды» (1823), «Мнемозина» (1824), «Урания» (1826). 3 мая 1823 г. он присутствовал на заседании Общества друзей (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888, кн. I, с. 218). В 1821—1829 гг. за либеральные взгляды был отстранен от службы, жил в Москве и подмосковном имении Остафьево. В 1825—1828 гг. участвовал в журнале Н. А. Полевого «Московский телеграф», где поместил рецензию на *СЛ* (см. сопроводительную статью). В 1850—1860-е годы Вяземский все более тесно общается с некоторыми из участников бывшего Общества друзей Раича — Ф. И. Тютчевым, С. П. Шевыревым, М. П. Погодиным, Д. П. Ознобишиным, В. П. Титовым. С первыми двумя его связывали многолетние приятельские отношения. Тютчев посвятил П. А. Вяземскому три стихотворения: «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», «Теперь не то, что за полгода...» (1861), «Князю Вяземскому» («Есть телеграф за неимением ног...», 1865 г.) и четверостишие — «Красноречивую, живую...» (1864). Известны письма к Вяземскому Д. П. Ознобишина 1867 и 1876 гг. В ответ на приглашение Вяземского принять участие в журнале «Литературная библиотека», Ознобишин высылает ему несколько стихотворений (см.: Письмо Д. П. Ознобишина П. А. Вяземскому от 20 января 1867 — *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2456, л. 3 об.— 5). В другом своем письме Ознобишин, восторженно отзываясь о стихотворении

Вяземского, посвященном памяти М. П. Погодина, благодарит поэта, тепло вспомнившего «давно минувшие дни нашего незабвенного, уже несуществующего литературного кружка!» (см.: Письмо Д. П. Ознобишина П. А. Вяземскому от 4 марта 1876 г.— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2456, л. 7).

ГРЕКОВ НИКОЛАЙ ПОРФИРЬЕВИЧ [Перфильевич] (1810—1866) — поэт и переводчик. Выступал с оригинальными стихотворениями и переводами в московских и петербургских журналах и альманахах 1830—1860 гг. Отдельные издания: Стихотворения (М., 1860); Новые стихотворения (М., 1866). Переводил Шекспира, Жирардена, Мюссе, Гейне и др. На тексты его стихотворений писали романсы А. Алябьев, А. Варламов, А. Даргомыжский, А. Гурилев, С. Донауров, М. Мусоргский, П. Чайковский.

ДМИТРИЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1796—1866) — поэт, критик, переводчик, мемуарист. Племянник поэта и баснописца И. И. Дмитриева. Воспитывался в Московском Университетском благородном пансионе; с 1816 по 1847 гг. служил в Главном архиве Коллегии иностранных дел в Москве. Основал в Москве литературное Общество громкого смеха (1816—1820), близкое по своему характеру к Арзамасу, в которое входил также С. Е. Раич, его университетский товарищ (см.: *Грумм-Гржимайло А. Г., Сорокин В. В.* Общество громкого смеха.— В сб.: Декабристы в Москве. Труды музея истории и реконструкции Москвы. М., 1963, вып. VIII, с. 145—149). Член Общества друзей Раича, где поддерживал особенно тесные связи с Раичем, М. П. Погодиным и А. И. Писаревым. 15 декабря 1824 г. по рекомендации К. Ф. Рылеева был принят в дейст-

вительные члены Вольного общества любителей российской словесности. Два стихотворения М. Дмитриева — «Лес» («Свежо и прохладно...») и «Сын бедной природы...» — были помещены в «Полярной звезде на 1824 год». Известен полемическими выступлениями 1824—1825 гг. против предисловия П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина и против плана и характера главного героя комедии Грибоедова «Горе от ума». Много переводил (Горация, Флакка, стихотворения из «Западно-восточного дивана» Гете и др.). Занимая консервативные позиции, в то же время отличался оппозиционностью и независимостью взглядов, о чем свидетельствуют его поздние стихотворения («Подводный город», «Как пернатые рассвета...», «Ответ Аксакову»). Печатался в «Московском вестнике», «Галатее», «Атенее», «Телескопе», «Молве», «Москвитянине», альманахах — «Новые Аониды» (М., 1823), «Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год», «Урания» (1826), «Невский альманах на 1829 год» и др. В *СЛ* поместил переложение «Видение Эздры»; кроме того в *СЛ* напечатано посвященное ему стихотворение В. Астафьева. На протяжении всей своей жизни находился в дружеских отношениях с Раичем, обменивался с ним поэтическими посланиями (см.: «Послание к М. А. Дмитриеву» Раича — *ПД*, 4205, XIII, с. 48; послание М. Дмитриева к Раичу 15 апреля 1855,— примечания Б. Модзалевского к «Автобиографии С. Е. Раича».— Русский библиофил, 1913, № 8, с. 14). Написал «Воспоминание о Семене Егоровиче Раиче» (см.: Московские ведомости, 1855, № 141, 24 ноября, с. 577). Его мемуары «Мелочи из запаса моей памяти» (М., 1854; 2-е изд., 1869) живо рисуют московский литературный быт первой трети XIX в.

КОЛОШИН ПЕТР ИВАНОВИЧ (1794—1849) — поэт и переводчик. Участник похода 1815 г. в Европе, член Священной артели, одной из преддекабристских тайных организаций, затем Союза Благоденствия (см.: *Нечкина М. В.* Священная артель. Кружок Бурцова и Колошина в 1814—1817 гг.— В кн.: Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.; Л., 1951, с. 156—160). Автор известного послания «К артельным друзьям» (ок. 1822). С 1817 по 1823 гг.— преподаватель математики в Московском училище для колонновожатых. С 1823 г.— член-сотрудник, а с 1824 — действительный член Вольного общества любителей российской словесности. Основными чертами своего творчества близок лучшим традициям декабристской поэзии. Член Общества друзей Раича. Деятельность Колошина-литератора развивалась в русле эстетических установок этого общества. Он мечтал перевести всех греческих и римских классиков. На заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, кроме оригинальных стихотворений, читал свои переводы из Виланда. Привлекался к следствию по делу декабристов, но был освобожден после предварительного допроса (см.: *Вейс А. Ю.* Петр Колошин — автор послания «К артельным друзьям».— *ЛН.* М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 545—554).

КОНОПЛЕВ НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ (ок. 1800—1855) — ориенталист, переводчик, владевший фарси, арабским и турецким языками. Питомец Московского университета, ученик профессора восточных языков А. В. Болдырева (1780—1842). По окончании Московского университета в 1825 г. находился в командировке в Петербурге (1828—1832), занимаясь у виднейших вос-

токоведов. С 1833 г. начал преподавать в Московском университете арабский язык, а в 1836 г. был уволен за штат в связи с университетской реформой; «крупнейший после Болдырева представитель московской школы...» (см.: *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950, с. 112). Автор «рассуждения» «О духе, богатстве языка и поэзии арабов», написанного в романтически приподнятом стиле, характерном для русской ориенталистики 20—30-х годов XIX в. (см.: уч. зап. Импер. Моск. Ун-та, 1834, № 3, ч. 5—7, с. 103—III, 423—441). Ему принадлежит перевод с арабского повести Арабши «Приключения одного невольника» (Вестник Европы, 1826, окт., № 19 и 20, с. 256—272) и целый ряд переводов с фарси, в частности новелл из «Тути-наме» («Книга попугая») Нахшаби (ум. в 1350 г.) в обработке Кодири (XVII). Особый интерес Коноплев проявлял к творчеству Саади, переводы из произведений которого начал публиковать с 1826 г. в «Вестнике Европы». В центре его внимания был «Гюлистан» («Розовый сад»). Это произведение Коноплев намеревался перевести полностью, о чем писал в примечаниях к переводу «Предисловия к Гюлистану». Там же Коноплев говорит о необходимости исторического подхода при оценке творчества Саади, «автора оригинального, который не имел никаких образцов, а следовал собственному гению, не так как Европейские писатели, настроившие свой ум на лад древних... Мы весьма несправедливо поступим, когда изберем мерилом одну Европейскую литературу, и все противоречащее ей и несогласное с нею, будем считать смешным и нелепым» (Телескоп, 1833, ч. XVIII, № 21, с. 40). О Коноплеве см.: *Стариков А. А.* Восточная филология в Московском университете. — В кн.:

Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960, сб. 3, с. 158; *Гольц Т. М.* К истории русской иранистики 20—30-х годов XIX столетия. Н. Г. Коноплев — переводчик Саади.— В кн.: Вопросы таджикской филологии. Душанбе, 1976, с. 71—82. В *СЛ* Коноплев поместил перевод притчи «Соловей и Муравей» из «Рисолата» («Трактаты») Саади.

МАКСИМОВИЧ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1804—1873) — украинский ученый-биолог, историк, филолог, фольклорист и поэт. Питомец Московского университета. Член Общества друзей Раича. В 1823 г. окончил университет; с 1826 г.— адъюнкт, а с 1833 — ординарный профессор ботаники Московского университета, заведовал университетским Ботаническим садом. Составитель сборников «Малороссийские песни» (М., 1827), «Украинские народные песни» (М., 1834), «Сборник украинских песен» (Киев, 1849). В 1830—1834 гг. издал в Москве три выпуска альманаха «Денница», в котором помещены произведения многих участников Общества друзей Раича. В его архиве сохранились два стихотворения (1830—1831) Раича, обращенные к нему по поводу цветов (см. примеч. Н. Барсукова к кн.: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к кн. П. А. Вяземскому 1825—1874 гг. СПб., 1901, с. 19). Писал стихотворения на русском и украинском языках. Деятельность Максимовича проникнута идеей братства украинского и русского народов (см.: *Кривошапова С. А.* Декабристское движение и русско-украинские литературные взаимосвязи. Киев, 1982, с. 21). Печатался в альманахах: «Урания» (М., 1826), «Эвтерпа...» (М., 1828), «Венера» (М., 1831), «Северные цветы» (СПб., 1832), «Лира граций» (М., 1832), «Ден-

ница» (М., 1830, 1831, 1834), «Одесский альманах на 1839 год», в «Литературной газете», журнале «Московский телеграф». В *СЛ* поместил стихотворение «Розалии».

МУРАВЬЕВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1806—1874) — поэт, писатель, автор книг духовного содержания, мемуарист. Ученик С. Е. Раича и член Общества друзей, оставивший воспоминания о Раиче, его обществе и поэтах пушкинского круга (см.: *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871). В 1827 г. в Москве вышла книга его стихотворений «Таврида», на которую появились рецензии: снисходительная Баратынского (*МТ*, 1827, ч. XIII, № 4, февр., с. 325—331) и более строгая М. П. Погодина (*МВ*, 1827, ч. 2, № 6, с. 181—183). В *СЛ* Муравьев поместил стихотворения: «Воззвание к Днепру», «Русалки» («Песнь Баяна»), «Бакчисарай» («Отрывок из описательной поэмы Таврида»), «Ермак», «В Персию!». О первых четырех одобрительно отозвались Пушкин в неопубликованной рецензии на *СЛ* (Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1949, т. XI, с. 48) и Вяземский (*МТ*, 1827, ч. XIII, № 3, с. 243—244). В 1829 г. Муравьев совершил путешествие к «святым местам» — в Палестину и Египет, результатом чего явилась книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году» (СПб., 1832), имевшая значительный успех. Поддерживал отношения с участниками бывшего Общества друзей и позднее. Так, посетив Москву летом 1832 г. и уезжая в Троице-Сергиеву лавру, он оставил Погодину следующую записку: «1) Не уезжать из Москвы прежде моего возвращения от Троицы. 2) Повестить Раича о моем прибытии. 3) Узнать и сказать мне где Оболенский и Ознобишин...» (*Барсу-*

ков Н. Указ. соч., 1891, кн. 4, с. 125—126). Тютчев посвятил ему два стихотворения: «А. Н. М.» («Нет веры к вымыслам чудесным...»), две первые строфы которого приведены в статье Делибюрадера (Ознобишина) «Отрывок из сочинения об искусствах», и «Андрею Николаевичу Муравьеву» («Там, где на высоте обрыва», 1869 г.). Служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в Петербурге, в Синоде. Кроме *СЛ* печатался в альманахах — «Эвтерпа...» (М., 1831), «Песни, романсы и куплеты из водевилей известных и любимых поэтов» (М., 1833), «Новоселье» (СПб., 1846), в журналах — «Московский телеграф» (1827), «Русский зритель» (М., 1828), «Современник» (СПб., 1836).

НОРОВ АВРААМ (АБРАМ) СЕРГЕЕВИЧ (1795—1869) — писатель, переводчик, библиограф. Воспитанник Московского университетского благородного пансиона. Участник Отечественной войны 1812 г.; под Бородином был ранен — потерял ногу. В 1818 г. был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств; с 1821 г. член Общества любителей российской словесности. Живя в Петербурге, сохранял связи с московскими литераторами: участниками Общества друзей и Общества любомудрия (С. Е. Раичем, Д. В. Веневитиновым, Д. П. Ознобишиным, С. А. Соболевским). Подобно участникам Общества друзей, Норов, кроме своих оригинальных произведений (напр., дидактическая поэма «Об астрономии»), печатал много переводов. Сначала из Вергилия и Горация, затем из итальянской поэзии (П. Ролли, Петрарка, Данте, Ариосто); известны его переводы из А. Шенье. Много путешествовал. Автор книги «Путешествие по Сицилии

в 1822 г.» (СПб., 1828), «Путешествие к святым местам» (СПб., 1832), «Путешествие по Египту и Нубии» (СПб., 1840). Описание его путешествия в Палестину выдержало три издания: 1838, 1844 и 1854 гг. Из своих путешествий по Европе (1821—1822) и Востоку (1834—1836; конец 30-х годов) вывез большое собрание книг и рукописей. Его библиотека была одной из самых полных и известных в России (см.: *Кунин В. В.* Библиофилы пушкинской поры. М., 1979, с. 66—67, 158—159). В 50-х годах А. С. Норов занимал пост министра народного просвещения. Тютчев посвятил ему стихотворение «Тому, кто с верой и любовью...» (1856), а Ознобишин написал на смерть Норова стихи «Угас, паломник наш, участник грозной битвы...» (1869) (*ПД*, ф. 213, № 11, л. 45). Печатался в журналах и альманахах: «Благонамеренный» (1818—1821), «Вестник Европы» (1819—1821), «Соревнователь просвещения...» (1821), «Сын отечества» (1820—1823, 1828), «Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах...» (СПб., 1821, ч. 2), «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах...» (СПб., 1822). «Полярная звезда» (1824), «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов» (М., 1831), «Одесский альманах на 1831 год», «Новоселье» (СПб., 1833 и 1846). В *СЛ* представлен отрывком из поэмы «Земля» и двумя переводами из «Божественной комедии» Данте («Когда Флоренция была в ограде древней...» и «Франческа Римини»). В рецензии на *СЛ* Пушкин неодобрительно отозвался о Норове-переводчике Данте.

НОРОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (предпол. 1797 ‹1798›—1870) — поэт и переводчик. Брат Ав. Норова. Воспитанник Московского университетского благород-

ного пансиона. По окончании его поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел, где общался со служившими там братьями Д. В. и А. В. Веневитиновыми, И. В. и П. В. Киреевскими; с В. Ф. Одоевским, С. А. Соболевским, С. П. Шевыревым. Особенно он близок был с А. И. Кошелевым, другом детства и троюродным братом. С 1822 г. Ал. Норов член Общества друзей С. Е. Раича (см.: *Кошелев А. И.* Записки. Berlin, 1884, с. 11), позднее участник Общества любомудрия (см.: *Колюпанов Н. П.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889, т. 1, кн. 2, с. 74; *Аронсон М., Рейсер С.* Указ. соч., с. 128—129). Известен оригинальными стихотворениями и вольными переводами из французских авторов (Ламартин, Мильвуа, Парни). С 1819 г. член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств; в 1833 г. избран действительным членом Общества любителей российской словесности. Печатался в «Благонамеренном», «Вестнике Европы», «Новостях литературы» в основном в 1819—1824 гг., в альманахе «Урания» (М., 1826). В 1836 г. перевел известное «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, помещенное в 15 номере «Телескопа». Список стихотворений и переводов Ал. Норова приведен в статье М. Д. Эльзона «Кем переведено «Философическое письмо»?» (Русская литература, 1982, № 1, с. 168—176). В *СЛ* представлен стихотворением «Утро девятого мая» («Полупроснувшуюся лень...»).

ОБОЛЕНСКИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (1790—1847) — литератор и переводчик. Учился в Московском университете; затем преподавал там классические языки и словесность. С 1821 г. был учителем и надзирателем в Университетском благородном пансионе, где оказал

большое влияние на своих старших воспитанников. «Простой душой, скромный и чуждый всякой зависти в разговорах и на лекциях Оболенский поражал своею начитанностью и внезапно высказывал мысли оригинальные, в которых виднелись высокий ум и благородная душа» (цит. по: *Колюпанов Н. П.* Указ. соч., т. I, кн. 2, с. 63). С 1822 г. член Общества друзей С. Е. Раича, куда ввел и своего бывшего ученика А. И. Кошелева (см.: *Колюпанов Н. П.* Указ. соч., с. 64). Близкий друг С. Е. Раича. Знаток классических языков, Оболенский переводил античных авторов. Сочувственный отзыв С. П. Шевырева на его перевод «Разговоров Платона о законах» был помещен в «Московском вестнике» (1828, ч. 7, № 1, с. 79) — журнале, в котором Оболенский тоже принимал участие. И в дальнейшем поддерживал связи с бывшими участниками Общества друзей. Известны, например, его письмо к Д. П. Ознобишину (июль 1835 г.— *ПД*, ф. 213, № 133, лл. 1—2) и письмо к нему Ознобишина от 26 февраля 1846 г. Долго не имевший никаких вестей от Оболенского, Ознобишин интересуется его литературными занятиями: «Ужели и немцы и греки и римляне, все это забыто? ужели обещанные некогда проповеди Златоустого не будут изданы? Наконец, ужели наша литература потеряла в Вас одного из неутомимых своих сподвижников? Откликнитесь на голос человека, который всегда искренне любил и уважал Вас, который в приятной беседе с Вами всегда почерпал так много полезного и разнообразно нового» (*ГБЛ*, ф. 298/IV, оп. 1, № 28, л. 1—1об). В *СЛ* представлен двумя произведениями в прозе — «Клио» и «Первая суббота творения».

ОДОЕВСКИЙ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ (1803, по др. данным 1804—1869) — писатель, музыкант, ученый, журналист, литературный и музыкальный критик. Воспитанник Московского университетского благородного пансиона; однокашник Д. П. Ознобишина, С. П. Шевырева и В. П. Титова. С 1823 г. член Общества друзей Раича. На одном из заседаний общества прочел перевод из первой главы «Натурфилософии» Окена «О значении нуля» (см.: *Путята Н.* Князь Владимир Федорович Одоевский.— Русский архив, 1873, кн. 2, с. 258). Вместе с Д. В. Веневитиновым организовал философский кружок — Общество любомудрия (1823—1825). В 1824—1825 гг. в Москве совместно с В. К. Кюхельбекером издавал альманах «Мнемозина», где наряду с самими издателями, Пушкиным, Вяземским, Д. Давыдовым, Грибоедовым, Баратынским, принимали участие Раич, Шевырев и Титов. В 1826 г. переехал из Москвы в Петербург. Служил в Комитете иностранной цензуры Министерства внутренних дел, камер-юнкер, с 1836 г. камергер. Занимал должность помощника директора Публичной библиотеки и директора Румянцевского музея. Хозяин литературно-музыкального салона. Автор сборника «Пестрые сказки» (1834), нескольких повестей; философского романа «Русские ночи» (1844). С 1862 г. жил в Москве. Впоследствии поддерживал дружеские отношения с Д. П. Ознобишиным, В. П. Титовым, М. П. Погодиным, А. И. Кошелевым. Известно письмо к нему Ознобишина, предположительно датируемое 1823—1824 гг. (*ПД*, ф. 123, № 100, лл. 1—2). Д. П. Ознобишин, присутствовавший вместе с В. П. Титовым на похоронах Одоевского, написал стихотворение «Князь Владимир Федорович Одоевский» («Наш скромный круг друзей науки...») (см.: На память о кн.

В. Ф. Одоевском. СПб., 1870). Печатался в журналах «Вестник Европы», «Сын отечества», «Московский вестник», «Московский телеграф», «Московский наблюдатель», «Современник», «Отечественные записки», в «Литературной газете», альманахах — «Каллиопа» (М., 1820); «Мнемозина» (М., 1824—1825), «Избранные сочинения в прозе и стихах» (М., 1825), «Урания» (М., 1826), «Северные цветы» (СПб., 1831, 1832), «Альциона» (СПб., 1833), «Комета Белы» (СПб., 1833), «Новоселье» (СПб., 1833, 1834, ч. 1—2), «Денница» (М., 1834), «Утренняя заря» (СПб., 1840, 1841) и некоторых др. Издавал совместно с А. П. Заблоцким журнал для народного чтения — «Сельское чтение» (СПб., 1843—1844, кн. 1—4). В *СЛ* представлен философским этюдом «Смерть и жизнь». См. о нем: *Маймин Е. А.* Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи».— В кн.: *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975, с. 247—276.

ОЗНОБИШИН ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (1804—1877) — поэт и переводчик с западноевропейских и восточных языков, фольклорист. Псевдоним: Делибюрадер (видоизмененное Дел-е берадар — в переводе с фарси означает: сердце брата). Питомец Московского университетского благородного пансиона. Член Общества друзей Раича, где исполнял обязанности секретаря (см. письмо Д. П. Ознобишина к В. Ф. Одоевскому, приблизительно датируемое 1823—1824 гг.— *ПД*, ф. 213, № 100, л. 2). Один из издателей *СЛ*. Переводчик произведений Низами, Саади, Хафиза, Нахшаби, Ибн-Руми, Абу Новаса и некоторых других поэтов Востока. Переводы восточных авторов оказали свое влияние на оригинальное творчество Ознобишина, обогатив его ориентальными темами, приемами и образами (см.:

Гольц Т. М. К истории русской иранистики 20—30-х годов XIX в. Д. П. Ознобишин-Делибюрадер.— Народы Азии и Африки, 1976, № 3, с. 225—233). На протяжении всей жизни поддерживал отношения с бывшими участниками Общества друзей, посвятил стихотворения Раичу, Шевыреву, Погодину, Д. Веневитинову, В. Одоевскому. Известны его письма М. П. Погодину (1823, 1846, 1851, 1853—1855 гг.— *ГБЛ*, Пог/II 46. 43, л. 1—4 об.), Н. В. Путяте (1854 и 1867 гг.— *ЦГАЛИ*, ф. 394, оп. 1, № 119), В. И. Оболенскому (1846 г.— *ГБЛ*, ф. 298/IV, оп. 1, № 28, л. 1—1 об.). Был почетным попечителем Карсунского уездного училища (с 1833), позднее — почетным попечителем Симбирской гимназии. В 1861 г. у себя в имении открыл школу для крестьян. Печатался в альманахах: «Каллиопа» (М., 1820), «Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах» (М., 1825, ч. 3), «Северные цветы» на 1826 и на 1827 гг.; «Урания» (М., 1826), «Звездочка» (СПб., 1826), «Невский альманах на 1827 год» (СПб., 1826), «Альбом северных муз» (СПб., 1828), «Невский альманах на 1829 год» (СПб., 1828), «Опыт русской анфологии...» (СПб., 1828), «Эвтерпа...» (М., 1828 и 1831), «Эрато, приношение прекрасному полу...» (М., 1829), «Денница» (М., 1830), «Роза граций...» (М., 1830), «Венера...» (М., 1831, ч. 4), «Сиротка...» (М., 1831), «Весенние цветы...» (М., 1835), «Утренняя заря...» (СПб., 1843), «Складчина» (СПб., 1874) и некоторых других. В журналах: «Вестник Европы» (М., 1821, 1822), «Соревнователь просвещения...» (СПб., 1823), «Московский вестник» (1827, 1829, 1830), «Сын отечества» (СПб., 1826, 1827, 1829, 1830, 1850—1852), «Русский зритель» (М., 1828), «Галатея» (М., 1829 и 1830, 1839—1840), «Тедескоп» (М., 1831 и 1834), «Молва» (М., 1832—1834),

«Литературные прибавления к Русскому инвалиду» (СПб., 1832 и 1834), «Московский наблюдатель» (1835, 1836, 1837), «Отечественные записки» (СПб., 1839—1842), «Современник» (СПб., 1839 и 1847), «Москвитянин» (1841, 1845, 1846, 1854 и 1855), «Литературная библиотека» (СПб., 1867), «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб., 1868), «Нива» (СПб., 1875 и 1877). О его участии в *СЛ* см. сопроводительную статью.

ПОГОДИН МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (1800—1875) — историк, писатель, журналист. Питомец Московского университета, с 1821 г. учитель географии в Университетском благородном пансионе, где воспитывалось большинство участников Общества друзей. С 1825 г. преподаватель университета, с 1833 — профессор, с 1841 — академик. Еще в студенческие годы познакомился с Ф. И. Тютчевым, через него сблизился с С. Е. Раичем (см.: *Барсуков Н.* Указ. соч., кн. 1, с. 161). В 1822 г. вел с ним переговоры об учреждении литературного общества. С 1823 г. член Общества друзей Раича. 12 апреля 1823 г. на заседании Общества друзей Погодин читал свой перевод из Тита Ливия «Софонизба», замечания на мнения Карамзина о «Начале Русского государства», о характере Ивана Грозного; кроме того читал свой перевод «Рене» Шатобриана (см.: там же, с. 217). Осенью 1823 г. привлек в Общество друзей В. П. Андросова и А. М. Кубарева (см.: там же, с. 248). В 1826 г. издавал альманах «Урания», в котором наряду с Мерзляковым, Пушкиным, Вяземским, Баратынским, Д. Веневитиновым, приняли участие Раич, Тютчев, Шевырев, Ознобишин, М. Дмитриев, В. Ф. Одоевский, Максимович, Ал. Норов.

Редактор журналов «Московский вестник» (1827—1830) и «Москвитянин» (1841—1856), где печатались также произведения бывших участников Общества друзей, в частности, Тютчева, Раича, Ознобишина, В. Ф. Одоевского, Шевырева. С конца 1830-х годов известный славянофил. На протяжении всей жизни поддерживал дружеские отношения с членами бывшего Общества друзей, общался и переписывался с С. Е. Раичем. 29 октября 1855 г., сразу же после похорон Раича, писал П. А. Вяземскому, назначенному товарищем министра народного просвещения: «Мы схоронили достойного Раича. Семейство осталось в нужде. Нельзя ли Академии хоть чем-нибудь ему помочь в память о полезном литераторе, которому при жизни она вполне оказала свою несправедливость» (см.: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825—1874 годов. СПб., 1901, с. 53). Тютчев посвятил Погодину два стихотворения — «Михаилу Петровичу Погодину» («Стихов моих вот список безобразный...», 1868) и «Враг отрицательности узкой...» (1871). После смерти Тютчева Погодин написал воспоминания о нем (см.: Московские ведомости, 1873, 29 июля, с. 3; 3 авг., с. 3). Им же написано «Воспоминание о князе Владимире Федоровиче Одоевском» (см.: В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. М., 1869). На смерть Погодина откликнулся Ознобишин стихотворением «Князю Петру Андреевичу Вяземскому по прочтении его стихотворения: Памяти М. П. Погодина» («Как арфа Эола в нагорной тиши...») (см.: письмо Д. П. Ознобишина к П. А. Вяземскому от 4 марта 1876 г.— *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2456, л. 8). Печатался в альманахах: «Урания» (М., 1826),

«Денница» (М., 1830), «Северные цветы на 1832 год» (СПб.), «Сиротка, литературный альманах...» (М., 1831), «Комета Белы» (СПб., 1833), «Новоселье» (СПб., 1833, ч. 1), «Русская беседа» (СПб., 1842, т. 3), «Молодик» (Харьков, 1843, ч. 1—2), «Московский ученый и литературный сборник на 1847 год», «Киевлянин» (М., 1850, кн. 3), «На Новый год» (М., 1850), «Северная звезда» (СПб., 1872), «Складчина» (СПб., 1874). Издатель сборника «Утро» (1859, 1866, 1868, ч. 1—3). В *СЛ* представлен статьей «Письмо о русских романах».

РАИЧ (АМФИТЕАТРОВ) СЕМЕН ЕГОРОВИЧ (1792—1855) — поэт, переводчик античной и итальянской поэзии. Издатель альманахов «Новые Аониды» (М., 1823), *СЛ* и журнала «Галатея» (М., 1829—1830 и 1839—1840). Воспитанник Московского университета; магистр словесных наук. До 1821 г. член Союза Благоденствия, входил в литературное Общество громкого смеха (см.: *Грумм-Гржимайло А. Г., Сорокин В. В.* Указ. соч., с. 147). Основатель и председатель Общества друзей (1822—1825). Наставник и учитель Ф. И. Тютчева и А. Н. Муравьева. В 1827—1831 гг. вел занятия по практическим упражнениям в российской словесности в Московском университетском благородном пансионе, где среди его учеников был Лермонтов. В «Галатее» активно печатались бывшие участники Общества друзей (Тютчев, Шевырев, Ознобишин). Там же Раич поместил свое «Письмо к другу за границу» (Тютчеву в Германию — 1829, ч. I, № 1, с. 40—43). Поддерживал дружеские связи с бывшими участниками Общества друзей (Погодиным, Шевыревым, Ознобишиным, М. Дмитриевым, В. Оболенским, А. Муравьевым). Ему

посвятили стихотворения: Тютчев — «Неверные преодолев пучины...», 1820 г.; «К NN» («На камень жизни роковой...»), 1825—1826 гг.; Шевырев — «На новоселье Р[аи]чу. Экспромт», 1828 г.; Ознобишин — «Раичу» («Когда в тиши уединенья...», 1829 г.— *ПД*, ф. 213, № 24, л. 127—128); М. Дмитриев — «Семен Егорович, старейший из друзей...», 15 апр. 1855 г. В свою очередь, Раич в поэме «Арета» (М., 1849, ч. 1, с. 78—81) тепло вспоминает близких ему друзей-поэтов. Известны его письма к Ознобишину (июнь — ноябрь 1825 г.— см.: *Васильев М.* Из переписки литераторов 20—30 годов XIX века.— Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина. 1929, т. 34, вып. 3—4) и М. П. Погодину (1848, 1850, 1855 — *ГБЛ*, Пог/II 27, 45). Печатался в альманахах: «Мнемозина» (М., 1824, ч. 2), «Полярная звезда» (СПб., 1825), «Урания» (М., 1826), «Северные цветы» (СПб., 1826), «Литературный музеум» (М., 1827), «Альбом северных муз...» (СПб., 1828), «Денница» (М., 1831), «Весенние цветы...» (М., 1835), «Утренняя заря...» (СПб., 1839), «Одесский альманах» на 1839 и на 1840 годы, а также в журналах: «Московский телеграф», «Русский зритель» (М.), «Московский вестник», «Галатея» (М.), «Атеней» (М.), «Телескоп» (М.), «Московский наблюдатель», «Сын отечества» (СПб.), «Москвитянин» и др. О его участии в *СЛ* см. сопроводительную статью.

РОТЧЕВ АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ (1806 или 1807—1873) — поэт и переводчик. В 20-х годах учился в Московском университете, где сблизился с кругом А. И. Полежаева, а также с оппозиционными студенческими кружками братьев Критских и Шишковых. Известно послание А. А. Шишкова «К Ротчеву» (1827),

проникнутое декабристскими настроениями. Традиции поэзии политических аллюзий и иносказаний характерны и для творчества самого Ротчева. За свои антиправительственные стихи в 1827 г. он был взят под надзор полиции. Поэзия Ротчева развивалась в русле ориентального направления русской поэзии 20-х годов, наиболее ярким представителем которого являлся Д. П. Ознобишин. В 1828 г. выходят отдельной книжкой ротчевские «Подражания Корану». Пишет он и анакреонтические стихотворения. Одновременно занимается активной переводческой деятельностью, переводит драматические произведения Шиллера, Шекспира, Гюго. С 1829 г. Ротчев действительный член Общества любителей российской словесности при Московском университете. Кроме *СЛ* сотрудничал в альманахах «Урания» (М., 1826), «Северные цветы» на 1827, 1829 и 1830 годы и журналах «Московский телеграф», «Атеней». Много печатался в «Галатее» С. Е. Раича, куда через него попали и стихи опального А. И. Полежаева. В 1829 г. принял участие в полемике Раича с «Московским телеграфом» и перестал печататься в «Галатее». В 30-х годах служил в конторе императорских театров переводчиком, затем в Российско-Американской компании. Совершил заграничные путешествия. Одно время управлял поселком «Росс» в Калифорнии. В 50-х годах в Лондоне посещал А. И. Герцена (см.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: 1851—1858. М., 1976, кн. 2, с. 122). Поэтическая деятельность его к тому времени прекращается. В *СЛ* представлен стихотворением «Гармония жизни (Подражание Шлегелю)».

СКОТНИКОВ ЕГОР ОСИПОВИЧ (ок. 1780—1843) — художник и гравер; мастер виньетной гравюры. Работал резцом на меди. Питомец петербургской Академии художеств, где его главным наставником был И. С. Клаубер (1754—1817). Еще студентом, в 1799 и 1801 гг. получил серебряные медали за рисунки с натуры, в 1802 г.— золотую медаль за гравюру «Лукреция» (с картины Г. Булоня). По окончании академии (1804) награжден большой золотой медалью за гравюру «Распятие» (с картины Ш. Лебрена). С 1809 г. академик. Поселился в Москве и жил там до самой смерти. Автор многих гравюр, портретов, книжных иллюстраций, виньеток и т. п. Для *СЛ* гравировал обложку и две сюжетные иллюстрации — к повести «Посещение» и к отрывку «Смерть Свенона» (из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо). Возможно он же является и автором самих рисунков.

ТИТОВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ (1807—1891) — литератор, дипломат. Воспитанник Московского университетского благородного пансиона. Член Общества друзей Раича, а затем Общества любомудрия. Чиновник Московского архива Министерства иностранных дел. Посетитель литературно-музыкального салона Зинаиды Волконской. В 1828 г. переехал на службу в Петербург в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Впоследствии генеральный консул в Дунайских княжествах, посланник в Константинополе и Штутгарте; с 1865 г. член Государственного совета, председатель Археографической комиссии (см.: *Бутенев К.* В. П. Титов.— Русский архив, 1892, кн. 1, № 1, с. 90). Вместе с Шевыревым и Н. А. Мельгуновым перевел книгу В. Ваккенродера и Л. Тика «Об искусстве и

художниках...» (М., 1826); один из главных сотрудников журнала «Московский вестник»; печатался в «Московском наблюдателе» и «Современнике», а также в альманахах: «Мнемозина» (М., 1824, ч. 3.), «Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах» (М., 1825), «Северные цветы» на 1829 и на 1831 годы, где под псевдонимом «Тит Космократов» поместил две повести — «Уединенный домик на Васильевском» и «Монастырь св. Бригиты». Первая из них записана им со слов Пушкина. Пушкин вывел Титова в образе молодого педанта Вершнева в наброске повести «Мы проводили вечер на даче...» (1835 г.) (см.: Пушкин и его современники. Пг., 1914, вып. XIX—XX, с. 49—53). На протяжении всей жизни поддерживал отношения с бывшими участниками Общества друзей — В. Одоевским, Ознобишиным, Погодиным, А. Кошелевым. Известны его письма к В. Одоевскому (*ГПБ*, ф. 539, оп. II, № 1063; 1824—1860 гг.) и Ознобишину (*ПД*, ф. 213, № 139; 1868—1877 гг.). Список произведений В. П. Титова приведен у Н. П. Колюпанова в «Биографии А. И. Кошелева» (с. 323). В *СЛ* поместил философские этюды «Три единства» и «Быль».

ТОМАШЕВСКИЙ АНТОН ФРАНЦЕВИЧ (1803—1883) — литератор и переводчик. Воспитанник Московского университета, служил в Московском почтамте, где заведовал почтовым училищем и некоторое время был цензором иностранных газет. Друг и родственник С. Т. Аксакова. С 1822 г. член Общества друзей С. Е. Раича. Печатался в «Московском вестнике», «Галатее», «Телескопе», «Молве», «Москвитянине», «Русском архиве». Поддерживал связи с участниками Общества друзей и впоследствии. В 50-е годы — либераль-

ный деятель; открыл народное училище для крестьян в своем имении в Черниговской губернии (см.: Русский архив, 1884, т. I, с. 245—246, некролог). В *СЛ* представлен повестью «Три истины».

ТУМАНСКИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (1800—1860) — поэт. Учился в петербургском Петропавловском училище, затем — в Париже вольнослушатель в Collège de France. Печатался с 1817 г. В 1821 г. возвратился на родину. С 1822 г. член Вольного общества любителей российской словесности. Был близок к кругу литераторов-декабристов. С 1823 г. в Одессе служил в ведомстве государственной коллегии иностранных дел. Летом того же года в Одессе общался с Пушкиным и, по-видимому, с Раичем. В 1828—1839 гг. служил по дипломатической части. Печатался в альманахах: «Полярная звезда» (СПб., 1823, 1824, 1825 гг.), «Звездочка» (СПб., 1826), «Северные цветы» (СПб., 1825, 1828, 1830, 1831 гг.), «Невский альманах на 1827 год», «Альбом северных муз» (СПб., 1828), «Опыт русской анфологии...» (СПб., 1828), «Роза граций» (М., 1830), «Альциона» (СПб., 1831), «Венера» (СПб., 1831, ч. 3), «Эвтерпа...» (М., 1831), «Комета Белы» (СПб., 1833), «Весенние цветы...» (М., 1835), «Мое новоселье» (СПб., 1836), «Утренняя заря» (СПб., 1839, 1840), «Дамский альбом...» (СПб., 1844), «Эротические стихотворения русских поэтов» (СПб., 1860) и некоторых других, а также в журналах — «Сын отечества», «Соревнователь...», «Благонамеренный», «Московский вестник», «Галатея», «Современник», «Отечественные записки». Сборники его стихотворений издавались в Петербурге в 1881 и 1912 гг. В *СЛ* представлен стихотворениями «Одесским друзьям», «На кончину Р<изнич>», «Греческая ода» («Песнь греческого воина») и «Мольба».

ТЮТЧЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1803—1873) — поэт. Первоначальное образование получил под руководством С. Е. Раича. Член Общества друзей. В 14 лет вошел в Общество любителей российской словесности. В 1819 г. выступил в печати с вольным переложением из Горация. В 1819—1821 гг. учился на словесном отделении Московского университета. По окончании поступил в Коллегию иностранных дел; служил в русских дипломатических миссиях в Мюнхене (1822—1837) и Турине (1837—1839). Присылаемые им из-за границы стихотворения печатались в альманахах: «Новые Аониды» (М., 1823), «Урания» (М., 1826), «Денница» (М., 1830, 1831, 1834 гг.), «Роза граций» (М., 1830), «Сиротка» (М., 1831), «Весенние цветы...» (М., 1835); в журналах: «Русский зритель», «Галатея», «Атеней», «Телескоп». В 1836 г. Пушкин поместил в «Современнике» большую подборку стихотворений Тютчева. В *СЛ* представлен стихотворениями «К Н.» («Твой милый взор, невинной страсти полный...», «Слезы», «Песнь Радости» (из Шиллера), «Саконтала» (из Гете), «С чужой стороны» (из Гейне), «В альбом друзьям» (из Байрона); две первые строфы стихотворения А. Н. М. («Нет веры к вымыслам чудесным...») приведены в статье Делибюрадера (Ознобишина) «Отрывок из сочинения об искусствах».

О взаимоотношениях Тютчева и Раича см. сопроводительную статью.

ШЕВЫРЕВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ (1806—1864) — поэт, критик, историк и теоретик литературы. Воспитанник Московского университетского благородного пансиона. Там был членом литературного общества, основанного В. А. Жуковским. С 1822 участник Общества друзей

С. Е. Раича, а с 1823 — Общества любомудрия. С любомудрами его сближал интерес к немецкой романтической эстетике. В 1826 г. вместе с В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым перевел книгу В. Г. Ваккенродера и Л. Тика «Об искусстве и художниках...». Один из организаторов и активных участников журнала «Московский вестник» (1827—1830), где выступал с оригинальными и переводными стихотворениями, критическими статьями, рецензиями. Первым начал борьбу с Булгариным и редактируемой им «Северной пчелой». Влияние немецкой философии у Шевырева сочеталось со взглядами его на литературный процесс как процесс исторический. Эти взгляды, по-видимому, начали формироваться уже в Обществе друзей Раича (см.: *Аронсон М.* Поэзия С. П. Шевырева.— В кн.: *Шевырев С. П.* Стихотворения. Л., 1939, с. VIII—IX). Об особенностях историзма Шевырева [см.: *Манн Ю.* Молодой Шевырев.— В кн.: *Манн Ю.* Русская философская эстетика (1820—1830-е годы). М., 1969, с. 149—190)]. С 1829 по 1832 гг. был в Италии. В 1831 г. опубликовал рассуждение «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение». С 1832 по 1857 гг. преподавал историю русской литературы в Московском университете. В 1835—1837 гг. критик журнала «Московский наблюдатель». Автор исследований «История поэзии» (1835) и «Теория поэзии» (1836). С 1841 по 1845 гг. активный сотрудник журнала «Москвитянин», где пропагандировал и защищал формулу «православие, самодержавие и народность», выступая сторонником «официальной народности». Поддерживал отношения с бывшими членами Общества друзей — С. Е. Раичем, М. П. Погодиным, В. Ф. Одоевским. Д. П. Ознобишин посвятил ему два стихотворения: «Се-

верный певец» («С. П. Ш‹евыреву›»), 1833 и неопубликованное — «Северный соловей» (*ПД*, ф. 213, № 15, л. 40; 16 мая 1864 г.).

Печатался в альманахах: «Каллиопа» (М., 1820, ч. IV), «Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах» (М., 1825, ч. 3), «Мнемозина» (М., 1825, ч. 4), «Северные цветы на 1826 год» (СПб.), «Урания» (М., 1826), «Альбом северных муз» (СПб., 1828), «Подснежник» (СПб., 1829), «Денница» (М., 1830, 1831, 1834), «Радуга, литературный и музыкальный альманах» (М., 1830), «Роза граций» (М., 1830), «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов» (М., 1831, ч. 1 и 2), «Северные цветы на 1831 год» (СПб., 1830), «Сиротка» (М., 1831), «Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен...» (М., 1831), «Альциона» (СПб., 1832, 1833), «Комета Белы» (СПб., 1833), «Песни, романсы и куплеты...» (М., 1833), «Весенние цветы...» (М., 1835), «Русская беседа» (СПб., 1841, т. 2), «Молодик на 1843 год» (Харьков, ч. 1) и некоторые др. В *СЛ* представлен стихотворениями «Две чаши», «Торжество любви (Гимн Шиллера)», «Прекрасный цвет (Песнь заключенного рыцаря)».

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГБЛ — Отдел Рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Москва.

ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

ЛН — «Литературное наследство».

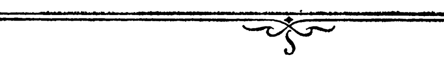
МВ — «Московский вестник», журнал.

МТ — «Московский телеграф», журнал.

ПД — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом), Ленинград.

СЛ — «Северная лира на 1827 год», альманах.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва.



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕРНАЯ ЛИРА
на 1827 год

СЕВЕРНАЯ ЛИРА
на 1827 год

*

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Литературные памятники»
АН СССР

Редактор издательства
Г. П. Шиманская

Художник
П. С. Сацкий

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректоры
Н. М. Вселюбская, Е. В. Шевченко

ИБ № 28529

Сдано в набор 02.03.84.
Подписано к печати 06.06.84.
Формат 70×90 1/32
Бумага для глубокой печати
Гарнитура елизаветинская
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,5 Уч.-изд. л. 16,5.
Усл. кр. отт. 16,67.
Тираж 100 000 экз. 1-ый завод (1—50 000)
Тип. зак. 3822
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10